

Штрафники, снайперы, спецназ

Владимир ПЕРШАНИН

ЧИСТИЛИЩЕ СТАЛИН- ГРАДА

ТРИ БЕСТСЕЛЛЕРА ОДНИМ ТОМОМ

Владимир Першанин

**Чистилище Сталинграда.
Штрафники, снайперы,
спецназ (сборник)**

«Яуза»

Першанин В. Н.

Чистилище Сталинграда. Штрафники, снайперы, спецназ (сборник)
/ В. Н. Першанин — «Яуза»,

Три бестселлера одним томом! Лучшие современные романы о Сталинградской битве, достойные войти в «золотой фонд» военной прозы. Переломное сражение Великой Отечественной глазами советских смертников. ШТРАФНИКИ СТАЛИНГРАДА, исполняя беспощадный приказ «Ни шагу назад!», истекают кровью в ЧИСТИЛИЩЕ городских боев. СПЕЦНАЗ СТАЛИНГРАДА, элитные воздушно-десантные батальоны стоят насмерть в кровавом аду, верные клятве «За Волгой для нас земли нет!» и девизу ВДВ: «Никто, кроме нас!» СНАЙПЕРЫ СТАЛИНГРАДА ценой собственных жизней выбивают немецких офицеров и пулеметные расчеты, связистов, артиллерийских наблюдателей и Scharfschütze, не давая гитлеровцам поднять головы. Они охотятся на врага, а враг охотится на них, отвечая на каждый выстрел ураганным огнем минометов, артиллерии, «небельверферов» и MG. И шансов выжить в этой мясорубке у сталинградских снайперов не больше, чем у штрафников...

© Першанин В. Н.

© Яуза

Содержание

Штрафники Сталинграда	5
Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	30
Глава 4	54
Глава 5	71
Глава 6	78
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Владимир Першанин

Чистилище Сталинграда.

Штрафники, снайперы, спецназ

Штрафники Сталинграда

«Ни шагу назад!»

Глава 1

Атака

Пулеметная очередь смахнула верхушку суслиного бугорка, а ветер развеял облачко глинистой пыли. Бывший сержант, а теперь рядовой боец 2-й отдельной штрафной роты, Борис Ходырев заслони́л голову винтовкой. Отброшенные рикошетом пули уходили вверх и в стороны – до него пока не добрались.

Стоял конец сентября, но здесь, в степи, южнее Сталинграда, солнце светило по-летнему жарко. Холм, который наполовину оседлала рота, представлял собой голую плешину с низкорослой сухой травой. Единственными укрытиями служили редкие промоины и суслиные бугорки. Промоина осталась в стороне, в нее можно было втиснуться всем телом, а здесь Борис лежал на открытом месте. Его приятель Иван Межуев распластался рядом, мокрая от пота спина тяжело вздымалась.

Впереди немецкие пулеметчики добивали прорвавшихся бойцов. Пули простегивали людей насквозь, кто-то убегал, потеряв голову от страха, другие лежали затаившись, но возможности выбраться ни у тех, ни у других не было. Бегущих срезали одного за другим. Смертельно раненные люди падали под уклон и роняли винтовки.

Бывший комбат и бывший капитан Степан Матвеевич Елхов, долговязый, костлявый, убегал грамотно, бросаясь то в одну, то в другую сторону, длинные руки с широкими ладонями, словно веслами, загребали воздух. Он угадал приближавшуюся пулеметную очередь, мгновенно бросился лицом вниз. Инерция и уклон швырнули тело, перед носом Ходырева взлетел пыльный сапог с блестящей подковой. Падение получилось неуклюжее, так валяются убитые, пулемет переключился на другую цель. Трое красноармейцев спасались тесной кучкой, очередь догнала двоих, третий в отчаянии поднял руки, но продолжал бег в обратную сторону от врага.

Сергей Маневич, бывший лейтенант, собрал вокруг себя кучку отчаянных бойцов. Они приблизились вплотную к немецким позициям и готовились к последнему прыжку. Не получилось. Бойцы погибли, сраженные очередями в упор, и легли на сухую полынь. Сергей получил ранение в бок, другая пуля расщепила ложе винтовки. Маневич сумел втиснуться в узкую щель, промытую талой водой. Расплачиваясь за испуг, немцы долго стреляли по нему, обрушили края промоины, затем швырнули несколько гранат, которые оставили обожженные проплешины и оглушили смелого лейтенанта. Он затих в своем укрытии, а немцы переключились на другие цели, добивая остатки штрафников.

Командир роты капитан Митрохин, рябой, широколицый, обычно спокойный, сейчас суетился и кричал снизу:

– Куда? Вперед!

Он призывал продолжать атаку, стрелял из автомата поверх голов, но срывающийся голос не мог остановить бегство. Смерть в виде непрерывных пулеметных очередей носилась над склоном, люди ускоряли бег, теряли равновесие, кувыркались. Сгоряча поднимались снова и гибли от прицельных очередей. Когда упали все бегущие, настал черед тех, кто залег. Двое бойцов, лежавших в нескольких шагах от Ходырева, вскочили. Пули догнали обоих. Один упал и больше не шевелился, второй полз, отталкиваясь локтями. Борис поднял голову и перехватил напряженный, полный ужаса взгляд солдата. Из гимнастерки брызнуло красное, человек сунулся лицом в землю, еще несколько пуль ударили в тело, слегка пошевелив его.

Полностью погибла группа кавказцев, пять или шесть человек, осужденные за дезертирство. Держались они тихо, обособленно, выделяясь лишь упорным непониманием русского языка. Они бежали в атаку, все больше отставая. Война казалась им чуждой, родные горы были далеко, они не видели смысла в этом смертельном противостоянии.

Их с трудом поднял один из сержантов, кавказцы заметались, попали под огонь. Двое подняли руки, но в горячке боя все были срезаны пулеметным огнем. Они остались лежать тесной кучкой, темноволосые, смуглые. Брошенное оружие валялось в стороне. Рядом, как и при жизни, находился мертвый русский сержант, который пытался сделать из них бойцов, но не сумел.

Пулеметчики наверху постреляли еще немного, затем поднялся молодой офицер и оглядел склон. Немец не очень рисковал, наступавшие были смяты и в основном уничтожены. Ходырев имел отличное зрение, сетчатка запечатлела крепко сложенного юношу лет девятнадцати, одетого в легкий серо-голубой китель. Затем вражеский офицер снова опустился в окоп, и над холмом повисла тишина.

Спустя какое-то время к Борису перекатился бывший комбат Елхов. Бегство от смерти далось ему нелегко, длинное лицо подергивалось от нервного тика, гимнастерка под мышкой лопнула, а синие командирские бриджи порвались на коленях. Однако он не забыл о своем оружии, подтянул винтовку за ремень и пристроился рядом с Ходыревым. Теперь их стало трое. Иван Межуев по-прежнему тяжело дышал, прижимаясь щекой к земле, он боялся шевелиться и со страхом ожидал, вот-вот прозвучит бессмысленная команда «вперед», и теперь-то его точно убьют. Этого ждали и остальные бойцы, надеясь лишь на крестьянское благоразумие командира роты.

Другой бы так и сделал, поднял бы всех, допек криками и очередями поверх голов. Штрафников благополучно добились бы, а ротный в сопровождении политрука и старшины мог со спокойной совестью докладывать – рота погибла, искупая вину, присылайте новое пополнение. И ему не станут тыкать в лицо неудачной атакой, он выполнил свой долг. Однако Александр Кузьмич Митрохин, вечный капитан и вечный командир роты, пожалел людей. Правда, наполовину. Не бросил в атаку до полного уничтожения, но и не дал команду на отход, рассудив, что все решится само собой.

На плоской вершине высоты торчала двухметровая каменная баба. Возможно, надгробие похороненного много веков назад знатного воина. Отсюда открывался захватывающий вид. Ергенинская гряда тянулась на много километров. На верхушках топорщился редкий кустарник, а в низинах, куда по весне стекала талая вода, располагались большие и малые рощицы. Кучно росли серебристые тополя. Когда ветер шевелил их листья, они вспыхивали на солнце, словно голубые зеркальца.

Мелкие степные речки к сентябрю полностью пересыхали. Отполированные русла, проложенные водой в красной глине, петляли среди серой полыни. К востоку от подножия гор начиналась огромная равнина, тянувшаяся до самого горизонта. Древняя земля, которую когда-то заселили калмыки.

Уцелевшим бойцам штрафной роты было наплевать на захватывающий вид. Они мечтали дожить до темноты, а дни в сентябре еще долгие. Хотелось пить, пекло солнце, и один

за другим умирали раненные. Некоторые просили о помощи, другие молчали. Немецкие пулеметы больше не стреляли. Легко раненные понемногу осмелели, начали движение вниз. Иван Межуев имел двоих детей и, несмотря ни на что, хотел выжить. Осторожно тронул Елхова за локоть и предложил:

- Может, и мы поползем, товарищ капитан? Пока фрицы добрые.
- Не спеши, я этих сволочей знаю.

Бывший комбат, воевавший с осени сорок первого года, оказался прав. Когда на склонах зашевелились, стали отползать раненные, а с ними и остальные бойцы, их обстреляли сразу три пулемета. Скорострельные «МГ-42» работали, как молотилки, рассеивая плотные очереди. Трое-четверо немцев, высунувшись из окопов, вели беглый огонь из автоматов.

Капитан Митрохин отреагировал должным образом. В ответ застучали оба «максима», предназначенные для поддержки атаки. Где они находились раньше – неизвестно, но сейчас щедро выпускали длинные очереди. Вместе с ними начали стрельбу несколько человек, открывшихся от атаки – подносчики боеприпасов, снабженцы, политрук Воронков с помощником.

Политрук, крупный, спортивного вида парняга из бывших комсомольских работников, вел огонь из винтовки. Он умел проявить активность в любой ситуации. Успевал целиться, хотя попасть в кого-то из винтовки на расстоянии семьсот метров было невозможно. Помощник, числившийся в штатном расписании как агитатор, подавал Воронкову обоймы и старался не поднимать голову. Таким образом, создавалась полная иллюзия боя, передний край гремел, заволочся дымом, а Митрохину позвонили из штаба дивизии:

- Что, взяли высоту?
- Деремся, товарищ майор.
- Когда возьмете, сразу сообщите.
- Есть. Только...

Его не дослушали, бросили трубку. «Максимы» вели огонь снизу вверх. Не сказать, что шумное прикрытие оказалось эффективным, однако немцы стали нести первые потери. Прилетевшая пуля ударила в лицо солдата, его положили на дно окопа, где он вскоре умер. Офицер, стрелявший из автомата, получил легкое ранение в руку. Русские «максимы» опасно пристрелялись, над брустверами поднималась глинистая пыль от попаданий пулеметных очередей. Офицер поглядел на ладонь, испачканную кровью, и отдал распоряжение не высовываться.

Дуэль понемногу затихла. Бесконечно долгим оказался сентябрьский день. Солнце повисло на одном месте, тянулись часы. Борис изредка менял положение, ныл позвоночник, хотелось просто согнуть и разогнуть тело, но удавалось лишь пошевелиться. Пулеметчики стерегли склон и в отместку за смерть товарища посылали очереди во всякое шевеление.

Очень неудобно чувствовал себя бывший лейтенант Сергей Маневич. Узкая щель, в которую он с трудом втиснулся, находилась в ста шагах от немецких окопов, он слышал негромкий разговор и даже ощущал табачный дым. Рана на боку пекла и чесалась, хотелось потрогать ее, но гимнастерка присохла намертво. Кроме того, слишком высоко торчала левая нога, ей не хватило места в промоине. Сергей со страхом ожидал: скучающий немец всадит в нее очередь, сломает кости, и тогда уж точно из глиняной норы не выбраться.

Однако он дождался темноты и осторожно пополз вниз, даже прихватил винтовку одного из погибших. В рощице у подножия собрались уцелевшие. Жадно глотали солоноватую колодезную воду, никак не могли напиться. Ивану Межуеву стало плохо, кружилась голова, к горлу подступала тошнота. Сквозь звон в ушах он слышал, как спорят со старшиной Глуховым, трюбуя водки.

- Утром будет, – отвечал тот.
- А почему не сейчас? Нам полагается.

Политрук Воронков, как всегда, веселый и энергичный, с сочувствием объяснял:

– Водка полагается перед атакой, товарищи. На рассвете подвезут, я лично прослежу, чтобы все получили.

– В бой тоже лично поведете? Или заочно?

Это спросил Сергей Маневич, который, наконец, отодрал присохшую к телу гимнастерку и убедился, что пуля лишь надорвала кожу. Даже с такой раной можно было идти в тыл, но Митрохин попросил его остаться, и он согласился. Не хотел бросать Елхова, Ходырева и других ребят, с которыми подружился. Воронков не ответил. Зачем дразнить людей, которых завтра все равно добьют.

Молчал и капитан Митрохин. Неудача была оглушительной. Полчаса назад он имел неприятный разговор с командиром дивизии, которой временно подчинили роту. Полковник обозвал Митрохина мямлей и грозил лично навести порядок.

– Ты кого жалеешь? – кричал он в трубку. – Дезертиров и трусов? А может, себя? Так я тебя не пожалею.

Тогда Митрохин вспылil и ответил матюками. Комдив этот язык понимал лучше, успокоился и закончил разговор миролюбиво:

– Ладно, отдыхай и готовься. Но завтра отсидеться не надейся. Поведешь людей вместе с политруком. В одной цепи. Согласен?

И повесил трубку, не дожидаясь ответа. Согласен или не согласен – какая разница? Митрохин с тоской вспомнил, как летом под Котельниковым на глазах у него застрелили оставшего на марше командира роты бронебойщиков. Тот привел своих людей, когда бой уже заканчивался. Непонятно, насколько заслуженной оказалась расплата за медлительность, но разбираться не стали, слишком нервной складывалась обстановка. Тот капитан успел лишь удивиться. Его застрелили, объявив трусом, а командование принял взводный.

Потери оказались огромными. В третьем взводе, где числились Елхов, Маневич, Ходырев, Межуев, остались тридцать человек из восьмидесяти, командир был убит. Погибли большинство сержантов, которые не были штрафниками, но бежали в атаку в одной цепи. В других взводах дела обстояли не лучше.

Люди были подавлены, никак не могли поверить, что выжили. Сил хватило лишь на короткий пустой спор из-за водки, сейчас все лежали и молча курили. Митрохин видел, что многие бойцы вернулись без оружия, но нравоучений читать не стал. Коротко приказал старшине собрать винтовки и принести. Цепочка снабженцев и санитаров потянулась вверх, они надеялись завтра снова уклониться от боя.

В ночи ярко светили звезды, ветерок шевелил верхушки тополей, воздух был свеж, плыл запах полыни. Борис Ходырев лежал опустошенный, не оставалось места ни для страха, ни для переживаний, лишь тупое равнодушие.

В отличие от него, Иван Межуев не мог унять дрожь во всем теле. Раньше он служил ездовым в хозяйственном взводе, смерть видел лишь издалека. Попал в штрафную роту, толком не зная войны, а сегодня испытал настоящий ужас. Ему казалось, он видел пули, которые летели в него и жутко ввинчивались над головой.

На глазах Межуева пулеметная очередь перехлестнула пожилого штрафника. Дядька умудрился встать на сломанные ноги, тут же свалился, а когда Иван бежал обратно, разглядел огромное пятно крови вокруг умирающего человека.

Елхову приказали временно возглавить остатки взвода. Бывший комбат не преминул съязвить:

– Неужели доверяете?

– Собери хотя бы людей в одном месте, – попросил Митрохин.

Он раздумывал, кого назначить взводным. Воронкова бесполезно, тот сумеет уклониться под любым предлогом да еще пожалуется в политотдел. Митрохин без колебаний назначил бы

Елхова, но тот являлся штрафником. Скорее всего, завтрашняя атака закончится неудачей, начнут цепляться к мелочам, могут спросить, почему взводом командовал рядовой.

– Ноги не гнутся, – пожаловался Воронков. – Вот ведь чертовщина...

Он поморщился. В темноте виднелись светлые волосы, блестели зрачки. Политрук был высокого роста, атлетического сложения, в университете занимался спортом. Он угадывал, что взводным могут назначить его, и готовил отговорки.

– Ладно, не стони, – сказал Митрохин, который, наконец, принял решение, но для этого требовалось поговорить с Елховым наедине.

– Давай прогуляемся, Степан Матвеевич, – предложил он.

И в стороне четко изложил бывшему комбату перспективы завтрашнего дня. Атака будет до последнего человека: рота либо выполнит задание, либо останется на холме. Ничего нового для себя бывший комбат не услышал.

– Какая разница, в качестве кого я завтра пойду? Убьют в любом случае.

– Разница в том, что в случае отказа ты побежишь, как бычок на убой. Сзади вас будет подталкивать Воронков с помощниками. Когда все героически погибнут, он вернется и отрапортует об этом. А командуя взводом, ты будешь иметь хоть какой-то маневр.

– Брось, Александр Кузьмич. Полоса наступления взвода всего сто шагов, нас перебьют за несколько минут.

Два опытных, достаточно послуживших капитана не спеша обсуждали ситуацию. В голове бывшего комбата зрели какие-то мысли, не до конца оформившиеся. Оба курили командирские папиросы «Эпоха», а еще Митрохин обещал принести водки.

– Неси, – согласился Елхов, – легче думать будет.

Шестая армия Фридриха Паулюса в конце сентября прочно увязла в Сталинграде в уличных боях. Немцы оседлали в нескольких местах правый берег Волги, а 62-я армия Василия Чуйкова обороняла полосу шириной двести метров. Казалось, еще немного, и город падет. Но этого не происходило. Ожесточение боев достигало высшего предела, роты и батальоны исчезали полностью, а от полков оставались одиночные бойцы и командиры.

На левый берег живых солдат (да и мертвых тоже) не переправляли, путь был в один конец. Или погибай, или побеждай. Эвакуировали раненых, но не так много добиралось их до санбатов и госпиталей, укрытых в пойменных лесах.

Приходилось ждать до ночи под обрывом, а переправа через Волгу обстреливалась прямой наводкой. Немцы топили суда с ранеными, с пополнением, которое непрерывно двигалось в Сталинград. Судьба города, а многие считали и войны, висела на волоске. Расстояние от западных границ Советского Союза до Волги составляло две тысячи километров, враг вклинился глубоко.

Во всех странах следили тогда за событиями в Сталинграде. Однако не менее драматические события разворачивались в степях южнее города. Немцы пытались прорваться к Астрахани, которая являлась перевалочной нефтебазой. Если окончательно затянуть петлю на нижней Волге, то будет наглухо перекрыто поступление нефти в центральную часть Советского Союза.

Вторая штрафная рота являлась одним из ударных подразделений 51-й армии, сражавшейся на огромном пространстве в калмыцких и астраханских степях. Рота была создана согласно приказу Сталина «Ни шагу назад!» и принимала сегодня свой первый бой. Пока провальный, грозящий полным разгромом.

Оба капитана искали выход из тупика. В этой головоломке главной ставкой была их собственная жизнь. И Митрохин и Елхов имели семьи, детей, хотели выжить. Сейчас они очень нуждались друг в друге. В роте не было командира опытнее Степана Елхова, и самое главное, он обладал авантюрной решительностью.

– Допустим, я принимаю предложение, – осторожно сказал бывший комбат. – А что дальше? Что мы имеем?

Оказалось, что рота практически ничего не имеет. В строю осталось сто тридцать человек. Еще десятка полтора тыловиков поставят на рассвете в ряды атакующих, но они ничего не решат. Помощи от дивизии ждать нечего, она растянулась по опорным пунктам и способна кое-как лишь защитить себя, но предпринять активные действия не в состоянии. А этих действий настойчиво требуют, чтобы сбить темп немецкого наступления.

– Атака в лоб добьет роту окончательно, – рассуждал Елхов. – Надо придумать что-то другое.

– Надо, – соглашался Митрохин.

– Пару-тройку полуторок организуешь?

– Смеешься? Лошадей не хватает, не то что машин.

– Значит, пешим ходом двинем. Надо обходить чертов холм с двух сторон, наносить удар с тыла, ну, а затем атаковать.

– Стратег. Кто позволит штрафников в немецкий тыл запускать?

На самом деле Митрохин и сам пришел к такому решению, но в силу своей должности не мог его осуществить. А вот штрафной капитан Елхов может. Ему терять нечего, а если не получится, ну и черт с ним. Рота в любом случае обречена. Немного поспорив, решили, что классического обхвата с двух сторон не получится, действовать надо проще. Елхов возьмет с собой остатки взвода, часа в четыре утра начнет движение и с рассветом ударит с тыла.

Для штурмовой группы требовались автоматы. Их имелось всего несколько штук. За гранатами Митрохин пошлет старшину, еще он может подбросить Елхову пять «наганов», хранившихся в обозе.

– Тебе свой «ППШ» отдам, – сказал ротный.

– И еще одно условие, – торговался бывший комбат. – В атаке будет участвовать Воронков, хватит ему отсиживаться.

Елхов был злопамятен. За время пребывания в штрафной роте он сумел испортить донельзя отношения с политруком. Степан Матвеевич постоянно подковыривал Воронкова, ставил в тупик неожиданными вопросами. По этой причине Елхова не утвердили даже командиром отделения. Благодаря замполиту бывший капитан не вылезал из унижительных нарядов. Все это делалось в присущей Воронкову бодрой манере, со смешками. Независимого комбата просто гноили.

– Черт с ним, с Воронковым, – отмахнулся Митрохин. – Если решили, надо готовиться.

Старшина с помощниками принесли четыре ящика гранат. Оказалось, что во взводе с ними умеют обращаться не более десяти человек, а в боевой обстановке применял лишь Сергей Маневич. Елхов уже ничему не удивлялся. Когда проверял винтовки, выяснилось, никто во время атаки не выстрелил. Люди бежали с боевым оружием, как с деревянными палками.

– Бардак какой-то, – возмущался Елхов.

– У тебя в батальоне, конечно, лучше дела обстояли, – съязвил Митрохин.

Он недолюбливал Елхова за высокомерие. Тот по-прежнему ощущал себя комбатом и пренебрежительно относился к офицерам штрафной роты, включая Митрохина.

Тем временем Елхов назначил Сергея Маневича и Бориса Ходырева командирами отделений, вручил автоматы. Большинство сержантов, которые не являлись штрафниками, погибли, заменять их было нечем. Довольно сложные в обращении гранаты РГД-33 получили те, кто хотя бы теоретически умел ими пользоваться.

– Провернуть рукоятку вот так и затем встряхнуть, – напоминал Елхов. – Понятно?

– Ага, – кивал Иван Межуев, но в голосе бывшего колхозника угадывалось лишь напряжение.

Если Межуев был по натуре добродушным парнем, далеким от военных дел, то Борис Ходырев, более решительный и живой, загорелся охотничьим азартом. Он пересчитал отделение, проверил винтовки и приказал поставить их на предохранители. Плохо обстояли дела с обувью. Некоторые носили ботинки на босую ногу, стерли до крови пальцы. У двоих ботинки развалились. Помог старшина, принес пару сапог, мягкую проволоку для ремонта и большой кусок портяночного полотна.

Бойцы расселись на траве, меняли истлевшие портянки, обматывали сбитые ноги полотном, подвязывали ботинки проволокой. Этим же занималось отделение Маневича. Большинство штрафников не ужинали, завтракать также отказались.

– Успеем брюхо набить хоть на том, хоть на этом свете. А в бой лучше налегке идти.

Митрохин неплохо знал людей и нескольких человек в третьем взводе заменил. Опасаясь, что перебегут на сторону врага. Хотел забраковать и Межуева.

– Ни рыба ни мясо, – объяснил он Елхову.

Межуев спрятался за спину Ходырева. Его пугал непонятный ночной рейд, но еще больше боялся он утренней атаки.

– Пусть остается, – махнул рукой бывший капитан. – Парень сильный, винтовку крепко держит.

А Воронков произнес короткую речь, обращаясь к комсомольцам. Имелись ли среди штрафников члены партии, Борис не знал. По крайней мере никто свою принадлежность к партии не показывал.

– Рядовой Ходырев, я на вас надеюсь, – сказал в заключение Воронков. – Не подведете?

– Конечно, нет, товарищ старший политрук.

Вышли часа за полтора до рассвета. На северо-западе, там, где находился Сталинград, мерцали далекие сполохи. Здесь, в степи, было тихо, война давала знать о себе редкими пулевыми очередями и вспышками ракет. При бледном свете луны поблескивали белки глаз, выделялись выцветшие до белизны гимнастерки. Взвод шел нестройной кучкой, отделения смешались, бряцало оружие, котелки. Остановив людей, Елхов приказал сложить котелки на землю. Его послушались, команда была разумной.

Бывший комбат не питал иллюзий насчет высокого боевого духа временных подчиненных. В большинстве это были уставшие от войны люди, мало во что верившие. Он рассчитывал на лейтенанта Маневича, дисциплинированного, по-настоящему ненавидевшего немцев. Надежным казался ему Борис Ходырев и его приятель Иван Межуев. Уголовники Надым и Антоха вызывали враждебное недоверие. Он никогда бы не рискнул взять их в такое дело, но выбора не оставалось.

Рассвет еще не наступал, но звезды на восточной стороне неба теряли свою яркость. Немецких позиций видно не было. Здесь отсутствовала сплошная линия фронта, колючая проволока, широкие траншеи, да и тыла как такового не имелось. Небольшие вражеские части продвигались вперед, занимали господствующие высоты, выдавливая наши части на восток.

Сверкнула и погасла мгновенная вспышка. С секундным опозданием прилетели крик раненого человека и звук взрыва. Взвод дружно бросился на землю, а справа причитал человек, слышались еще крики, вспыхнули несколько ракет.

– Лежать, надо лежать, – бормотал Елхов. – Неужели обнаружили?

Однако взвод пока не заметили. На противопехотной mine подорвался перебежчик, двое других подняли руки и медленно шли к немецким окопам. С нашей стороны открыли огонь, завязалась перестрелка. Неожиданный переполох получился некстати, но он обнаружил прореху во вражеской обороне, куда торопливо втянулся взвод. Отчетливо слышались голоса, враг оказался совсем близко.

Взвод мгновенно преобразился. Это была уже не та беспорядочная толпа, гремевшая котелками и наступавшая друг другу на пятки. Тридцать человек, обозленных на свою судьбу,

войну, проклятых фашистов, превратились в единый механизм. Еще недавно их гнали на убой, как скотину.

Многие задавались вопросом, для чего это нужно? Атака снизу вверх, прямо на пулеметы была обречена. Может, разведка боем? Неужели для этого надо гробить три сотни людей? Не виделось никакого просвета, сейчас появилась надежда. Наверняка кто-то выживет. А если придется подохнуть, то случится это в горячке боя. Не придется бежать тупым стадом, испытывая беспомощность и ужас неминуемой смерти.

Вперед выдвинулись те, кто считал себя смелым. Командиры отделений Маневич и Ходырев, уголовник Надым, а с ними их приятели и земляки.

– Без выстрелов, мужики, – негромко советовал Елхов. – Орать тоже не надо.

– Сделаем.

– Ну, сучье племя, держись.

Некоторые примкнули штыки. Надым примеривал в толстой руке саперную лопатку. Иван Межуев перебросил винтовку из руки в руку, он отслужил срочную до войны и был обучен штыковому бою. Борис Ходырев не имел дела с автоматами, забыл, в какую сторону передвигать предохранитель, но спрашивать не стал.

– Пошли, – подал последнюю команду Елхов.

Он сумел привести взвод в полной темноте в нужное место, теперь все зависело от бойцов. Несмотря на решительность, люди медлили. Подгоняя их, на склоне холма сверкнули вспышки пулеметных очередей. Борис, наконец, вспомнил, как действует предохранитель, и шагнул следом за Елховым. Кто-то выронил гранату, подобрал ее и больше не выпускал из руки.

Если третий взвод, сплоченный и злой, готовился к бою, то внизу дела обстояли не так благополучно.

Из штаба дивизии явились проверяющие: особист Иван Андреевич Стрижак и политработник. Вначале они не вмешивались, держались вполне дружелюбно. Спокойно, хоть и скептически, восприняли известие о третьем взводе, poslanном в обход.

– Ну, ты полководец, Александр Кузьмич, – только и сказал особист.

Получилось так, что Стрижак принял деятельное участие в создании штрафной роты. Никто не представлял, как все будет выглядеть, штаты пришли временные. Решили, если речь идет о людях, преступивших закон (или воинские приказы), то не обойтись без особого отдела.

– Ваш взвод к немцам не забредет? Вот шутка получится, – сказал политработник, имевший звание полкового комиссара.

Никому такой исход шуткой не показался. Нынешним летом под Харьковом сдавались в плен штабы, не говоря о рядовых бойцах. Что мешает сдать взводу штрафных бойцов? Капитан Митрохин все больше нервничал и жалел, что предпринял такую авантюру. Отвечать будет он, а политрук, как обычно, останется в стороне.

Жизнь никогда не баловала Александра Кузьмича. После нескольких лет сверхсрочной службы он закончил курсы командиров, получил взвод, а спустя долгое время – роту. За спиной посмеивались над его северной медлительностью (он был родом с Вологды) и малым образованием. Командир он был добросовестный, исполнительный, но начальство не видело в нем молодцеватости, готовности немедленно исполнить любой приказ.

Эти недостатки, а также неумение бодро рапортовать, поставили его в разряд неперспективных командиров. Карьера Александра Кузьмича не складывалась, сослуживцы командовали батальонами, некоторые шагнули выше. Митрохин являлся хорошим организатором, а в бою не прятался за чужие спины. Но двигать вверх его не собирались, в капитанах он ходил с тридцать девятого года. Предложение возглавить штрафную роту воспринял с недоверием.

Стрижак, занимавшийся комплектацией, нарисовал перед ним заманчивые перспективы. Права командира отдельной штрафной роты приравнивались к правам командира полка, один

месяц службы шел за шесть. Не последнюю роль играло жалование, которое составляло со всеми надбавками полторы тысячи рублей. Александр Кузьмич не был слишком жадным до денег, но привыкший считать каждый рубль, прикинул, что даже за несколько месяцев сумеет скопить неплохую сумму. Кроме всего прочего, Митрохину пообещали майорское звание, которое на прежней должности не светило. Сейчас он проклинал себя за необдуманное решение. За час истребили половину роты, судьба остальных представлялась такой же мрачной.

– Ладно, не дергайся, – угадал его состояние Стрижак. – Никуда Елхов не денется. А если что, побежишь в атаку впереди.

– И побегу, – набычился ротный. – Мне не привыкать.

– Молодец, злым становишься.

Воронков не разделял решимости командира, но здесь находился представитель политотдела. А значит, от личного участия в атаке не отвертеться.

Бойцам в темноте наливали водку. Старшина Прокофий Глухов имел двухсотграммовый мерочный стакан, наполнял его доверху и опрокидывал в подставленные кружки. Те, кто покрепче, получали довесок. Кашу и хлеб никто не трогал, водку запивали водой. Через полчаса над исходными позициями висел махорочный дым.

Люди, одурманенные большой порцией алкоголя, пришли в возбуждение. Особист знал, что скоро оно превратится в усталую депрессию, надо использовать моменты наивысшего подъема. Но Митрохин медлил, хотя уже угадывался рассвет.

– Чего ждем? Начинайте, – торопил капитана политработник из дивизии.

Митрохин поглядел на особиста, тот зевнул и предложил подождать еще немного. Стрижак рисковал. Он не имел права вмешиваться в командные дела. Если наступление провалится, ему припомнят потерянные минуты. Но особист имел характер и верил штрафнику Елхову, который затерялся где-то в темноте. Почему он не дает о себе знать? Может, сбился с пути и где-то бродит? Ждать дальше было нельзя, медленно подступал рассвет.

– Ладно, пошли, – сказал он.

Митрохин дал сигнал, рота пришла в движение, полезла вверх по склону. Активных командиров взводов и отделений за вчерашний день выбили, оставшиеся в живых не торопились. На этот раз в тылу никого не оставили, шагали санитары, снабженцы, подносчики боеприпасов. Разномастная тыловая братия отставала, выигрывала время. На них оглядывались остальные бойцы, тоже замедляли шаг, тревожно переговаривались.

Немцы слышали шумное восхождение издалека, выпустили ракету, но огонь пока не открывали. Это пугало людей еще больше, ротный каптер присел и сделал вид, что поправляет сапог, но его подтолкнули другие штрафники.

– Попробуй сбеги. Это тебе не шинели считать.

Рота ускорила шаг. Хотелось быстрее покончить с неизвестностью. Алкоголь продолжал действовать, люди приходили в возбуждение и желали драться. Политрук Воронков еще больше хромал и пытался отстать. Митрохин подталкивал его. Тот отшучивался, скрывая за смешками страх.

Немецкие пулеметчики выждали, сколько положено, затем вспыхнули сразу несколько ракет и сверху понеслись пучки ослепительно ярких трассирующих пуль.

Старшине Глухову поручили командовать расчетом «максима». Поддерживая роту, он открыл довольно точный огонь. Его трассеры пересекались с вражескими, утыкались в пульсирующие вспышки, возможно, находили цель. На Глухова обратили внимание. Сразу два «МГ-42» скрестили огонь на русском «максиме». Несколько пуль ударили о щиток с такой силой, что старшина невольно выпустил рукоятки.

Второй номер опустился на дно окопа и шумно дышал. Глухов сидел рядом, ожидая, когда немецкие пулеметы перенесут огонь на другую цель. Бруствер осыпался сухими комками, разрывные пули щелкали, как удары кнута, вспыхивая мгновенными огоньками. Второй

«максим», находившийся в десяти шагах, тоже молчал. Командир расчета ворочался на дне окопа, зажимая ладонью рану на лице. Санитаров внизу не осталось, а помощник раненого пулеметчика растерялся.

Тогда старшина стал вести огонь из обоих пулеметов по очереди. Опомнился помощник, взял себя в руки. Такая активность помогла остаткам роты продвинуться еще немного. Затем вражеский огонь усилился, и началось повторение вчерашнего дня. Бежавшие впереди гибли один за другим, остальные ложились на землю, отползали или прятались за телами убитых товарищей.

Вспышки ракет высвечивали в рассветной полутьме картину разгрома. Мелькали искаженные гримасами лица, люди беспорядочно метались, их преследовали собственные тени. Кто-то кричал, стучали редкие винтовочные выстрелы. Потерявший голову боец бежал со штыком наперевес прямо на вражеский пулемет. Споткнулся о мертвое тело, упал, и это его спасло. Вставать снова решимости не хватало, атака захлебывалась. Капитан Митрохин понял, настала его очередь. Передернул затвор «ТТ» и толкнул политрука.

– Пошли, Виктор.

– Убьют ведь...

– Свои тоже не пощадят. Подохнем, как трусы.

– Страшно, – просто, по-человечески, пожаловался Воронков и вылез из окопа.

Командир и политрук двинулись вперед, держась вплотную друг к другу. Оба хорошо понимали, жизни им отпущено несколько десятков шагов. Переломить ситуацию и спасти их от смерти могло только чудо. О взводе Елхова оба не вспоминали.

Первым натолкнулся на врага разжалованный лейтенант Сергей Маневич. Перед ним оказался подносчик боеприпасов, тащивший на плече ящик с патронами. В другой руке он нес десятилитровую канистру с водой. Два пулемета неподалеку вели такой интенсивный огонь, что заглушили остальные звуки. Белорус, не имевший известий о семье с осени прошлого года, стал для врага смертельно опасным хищником. Он возник перед немецким солдатом, как призрачное видение, и дал очередь в упор.

Брякнулись на сухую землю тяжелый ящик и канистра, солдат падал, согнувшись в поясе. Сергей Маневич уже стрелял в другого солдата, сидевшего в неглубокой ячейке спиной к нему. Тот обернулся, прямо в лицо бил вспышками громоздкий русский автомат с дырчатым кожухом. Немец задохнулся от мгновенного страха, он совсем не ожидал появления врага. Прятаться негде, в него стреляли сверху вниз, а окоп был неглубоким. Он завалился на бок и застыл с открытыми глазами.

Капитан Елхов справлялся с пулеметным расчетом. Хотя он стрелял с близкого расстояния, длинная торопливая очередь получилась неточной. Елхов сумел ранить фельдфебеля, а второй номер, юркий, спортивный, бросился на него, обхватил за ноги и свалил. Они возились на дне окопа. Длинный мосластый капитан сдавил глотку врага, но тут же получил сильный удар в глаз и невольно разжал ладони. Солдат мгновенно вскарабкался на него и стал душить.

Иван Межуев кричал, выставив перед собой винтовку со штыком. Он искал и не мог найти врага. В дальнем конце неглубокой траншеи поднялся офицер, выстрелил в красноармейца из пистолета. Промаяхнулся, снова нажал на спуск, однако сбоку возник уголовник Надым. Именно таким рисовали на плакатах кровожадных азиатов: плосколицых, с раскосыми глазами и звериным бессмысленным взглядом.

Саперная лопатка ударила под каску, перерубила ремешок и нижнюю челюсть. Офицер задохнулся от мгновенной боли и, подхватив ладонью челюсть, бросился убежать от смерти. Еще минуту назад он удовлетворенно наблюдал, как пулеметы снова уничтожают толпу русских. Он чувствовал себя уверенным и непобедимым.

Сейчас уверенность исчезла, кровь заполняла горло, мешала вздохнуть, туманилось сознание. Его догнал другой уголовник, Антоха, неумело перехватил винтовку, хотел добить прикладом, но получил очередь от вражеского солдата и свалился на землю.

Штрафники растекались по неглубокой траншее, вспыхивали быстрые и жестокие схватки. Борис Ходырев бросился на пулеметчика, который душил Елхова. Тот оказался хорошо тренированным умелым солдатом. Сплелся клубок из трех тел. Полузадушенный капитан, не обращая внимания на сдавленное горло, колотил врага кулаками. Удары достигли цели, пулеметчик ослабил схватку.

Иван Межуев, двадцатишестилетний колхозник из Ульяновской области, наконец отыскал объект атаки. Он не растерял навыки штыкового боя, которому обучали во время срочной службы, и сейчас это умение пригодилось. Штык вошел в живот автоматчику, только что уложившему очередью в упор воренка Антоху. Автоматчик ахнул и присел, зажимая рану ладонями. Жало штыка, испачканное кровью, описывало полукруг, выискивая новую жертву.

Сергей Маневич, расстреляв за минуту диск, выдергивал из подсумка запасной. Борис Ходырев никак не мог справиться с пулеметчиком. Елхов, лежа на боку, задышался, кашлял и помочь не мог. Вражеский солдат одолевал. Он крепко придушил Елхова, теперь взялся за Ходырева. Борис нащупал под рукой железяку, это оказался противогазный футляр, и стал остервенело колотить по лицу пулеметчика. Через несколько секунд пальцы разжались, немец был оглушен.

Два вражеских солдата погибли под ударами штыков, третий заслонился винтовкой, которую не успел перезарядить. Его пырнули сверху вниз. Пока русский выдергивал застрявший в грудной клетке штык, другие солдаты растерялись и непростительно медлили.

Многие просто не ожидали от медлительных и неразворотливых славян такого напора. Происходила доисторическая азиатская драка, где не жалели ни свою, ни чужую жизнь. На месте убитого русского тут же возникал новый, который несся прямо на пули, выставив вперед узкое жало четырехгранного штыка. Это привело к замешательству. И все же у немецкого взвода, оседлавшего холм, еще имелись шансы выиграть бой.

Расчет на правом фланге перебросил «МГ-42» на задний бруствер. Пулеметчик открыл огонь, очереди с близкого расстояния смахнули группу штрафников из пяти-шести человек, все они свалились убитые или тяжело раненные. Закончилась лента. Второй номер мгновенно подsunул новую, лязгнула крышка, затвор послал в ствол желтый патрон, рука легла на рукоятку. В другом месте также организовали отпор. Там руководил унтер-офицер, который навскидку стрелял из винтовки, сумел свалить двоих штрафников и призывал камрадов не проявлять растерянность.

Моральный дух немецких солдат в тот период был очень высок, имелся опыт побед и отличное оружие. В то же время они очень ценили собственную жизнь. Пулеметчики и унтер-офицер уже нанесли неплохой встречный удар, уверенно перехватывая инициативу, но удача им не сопутствовала.

Молодой офицер с разрубленной челюстью потерял голову. Рот наполнился кровью, он не мог дышать, страх смерти гнал его непонятно куда. Возможно, искал санитаря, он очень не хотел умирать. Вид бегущего командира всегда действует на подчиненных разлагающе. Возникла заминка.

В эти же минуты на пулеметчиков посыпались шестисотграммовые гранаты РГД-33. Чтобы такая штука взорвалась, требуется повернуть рукоятку, затем встряхнуть гранату, как градусник, и лишь затем швырять. Плохо обученные бойцы забывали сделать либо одну, либо другую операцию.

Гранаты летели как попало, не взрываясь, но их было много, нервы у расчета «МГ-42» не выдержали. Первый немец, так и не выстрелив, отпустил рукоятку и бросился на дно окопа.

Одна из гранат все же взорвалась. Осколки разлетелись по траншее, ранив сразу нескольких человек. Из окопа выскочил солдат возрастом старше других и бросился вслед за офицером.

Это оказался переломный момент боя, который мгновенно использовали штрафники. Сергей Маневич стрелял налево и направо, опустошая диск. Ни в кого не попал, но усилил неразбериху. Капитан Степан Елхов, в порванной гимнастерке и ссадинами на лице, выкрикивал команды и всячески подбадривал взвод. В его командах люди сейчас не нуждались, но присутствие опытного командира усиливало моральный дух.

Унтер-офицер, светловолосый, скандинавского типа красавец, бежал к брошенному пулемету с заряженной лентой. Уже тянулся к нему пальцами, но еще быстрее приближался Борис Ходырев. На бегу дал одну-вторую очередь, затем остановился. Бывший сержант еще не привык убивать. Враг находился на расстоянии двух шагов, Ходырев видел его загорелое, хорошо выбритое лицо, глаза, глядящие в упор.

Унтер (тот же сержант) воевал раньше на западном фронте, а теперь уже полгода находился в России. Он не считал русских серьезным противником, но сейчас, оказавшись с одним из них, напряженно искал выход из смертельно опасной ситуации. Невысокого роста, смуглый, в обшарпанной форме, русский солдат медлил, словно давая шанс выкарабкаться из переделки. Унтер медленно поднял обе руки и заговорил.

Русский слушал. Теперь следовало броситься на него и отнять оружие. Нужно просто сделать шаг, подобраться и прыгнуть. Немцу казалось, время остановилось, он осторожно двинул ногу вперед, продолжая оплетать русского паутиной слов. На самом деле время двигалось, как обычно, и Ходырев замер всего на несколько секунд. Палец надавил на спуск, последовала длинная очередь. Затвор автомата громко лязгал, подавая в ствол очередной патрон из круглого диска. Когда Борис отпустил палец, оружие дымилось, горячий металл обжигал. Унтер-офицер привалился к стенке окопа, на мундире набухло красное влажное пятно.

Немцы отступали по склону. Если в окопах штрафники одержали победу благодаря отчаянной смелости, то организовать преследование и добить врага умения не хватило. Вражеские солдаты из штурмовой 16-й дивизии, имевшие большой опыт, наконец опомнились и сумели организовать грамотное отступление.

Они откатывались перебежками, давая время уйти раненым товарищам. Расчеты двух пулеметов отходили последними, стреляя с пояса, не слишком метко, но с большой интенсивностью. Штрафники, бросившиеся в погоню, тут же легли, не желая больше рисковать. Сергей Маневич, гнавшийся за врагом с пустым автоматом, едва успел увернуться от веера пуль.

Бориса Ходырева спасла быстрая реакция. Он нырнул в окоп, пули разбились в пыль комья земли на бруствере. Немцы тем временем спустились с холма, добрались до грузовика и мотоциклов, стоявших у подножия холма. Бросали в кузов и коляски вещи, спешно грузились, водители газовали, ожидая команду. Степан Матвеевич Елхов, с помятым горлом и заплывшим глазом, был разозлен тем, что его чуть не задушили, как кутенка. Оттолкнул от трофейного пулемета Надыма и открыл огонь.

Незнакомое оружие сначала слушалось плохо. При каждом нажатии спуска скорострельный «МГ-42» выбрасывал длинную очередь, ствол подкидывало. Елхов быстро приспособился и даже всадил в кузов грузовика, стремительно уходившего из-под обстрела, несколько пуль. Солдаты хватались за борта, машину кидало на ухабах, следом тащилось облако бурой пыли. Капитан остался доволен, поднялся из-за пулемета и отдал распоряжение:

– Маневич, Ходырев, посчитать людей, доложить о потерях.

Над холмами и равниной повисла тишина. Лишь со стороны поселка Деде-Ламин немцы вели неторопливый обстрел высоты, занятой русскими штрафниками. Мины звенели, набирая высшую точку, затем срывались и стремительно падали вниз. Взрывались с большим разбросом, не оставляя воронок. Люди бросались вначале на дно окопов, затем привыкли и занима-

лись делами. К вершине холма подтягивалась оставшаяся рота, неторопливо шагали оба проверяющих из штаба дивизии.

Глава 2

Штрафные солдаты

Бориса Ходырева забрали в армию в апреле сорок второго года. До этого имел отсрочку как нужный специалист. Работал линейным мастером по обслуживанию линии электропередачи, немалая должность по сельским меркам. В конце зимы, когда выдохлось успешно начатое наступление наших войск под Москвой, а немцы ударили в ответ под Харьковом, подобрали и специалистов.

Ходырев закончил семь классов, курсы электриков, его собирались направить в военное училище. Пока готовили документы, положение под Сталинградом стало угрожающим. В учебном полку каждый день формировали маршевые роты, присваивали бойцам посмысленнее сержантские звания и отправляли на фронт.

Можно сказать, Борису повезло. Его забрали представители инженерного батальона.

– У нас нормально, – говорили ему. – Электрики нужны. Лучше, чем в окопах сидеть.

– А я вам подойду? – простодушно сомневался Борис.

– Аккумуляторщиком будешь. Знаешь, что такое?

– Конечно, знаю.

– Вот и хорошо.

Пароход шел по обмелевшей за лето Волге к Сталинграду. По реке плыли мазутные пятна, деревянные обломки, иногда слышался отдаленный гул, от которого на душе становилось тоскливо. Яркий летний день вдруг сделался бесцветным. Солнце скрылось за пеленой дыма и облаков, запахло гарью, серая вода мелко рябила, словно ее подталкивали изнутри.

Новобранцы, чуя неладное, упорно лезли из трюмных помещений наверх. Их пытались спихнуть обратно, однако толпа смела командиров и растеклась по палубе. Трюмы с круглыми иллюминаторами на уровне воды казались людям мрачной ловушкой. Как позже выяснилось, так оно и случилось.

Зенитчики спаренной пулеметной установки пытались скрыть страх, но это удавалось плохо. Стволы «максимов» напряженно шарили рыльцами из стороны в сторону, выискивая цель. Иногда принимали за вражеские самолеты крупных чаек, во множестве летавших над рекой. Напряжение росло. Показалась одна из первых сталинградских переправ.

Под прикрытием пойменного леса копошилась огромная толпа красноармейцев, ожидавших парома. Некоторые заходили по щиколотку в воду, пили из котелков, глядели на проходивший пароход.

– Куда их, дядя? – спросили у командира зенитной установки.

– Здесь дорога в один конец. В Сталинград.

– А почему в один?

– Сам потом поймешь.

У пригородного поселка Светлый Яр внезапно налетели самолеты. «Юнкерс» с торчавшими шасси спикировал на пароход, не обращая внимания на пулеметный огонь. Бомба вихлялась, как плохо раскрученный волчок, но падала стремительно.

По ушам ударила тугая волна, взрыв поднял фонтан воды и мокрого песка. Не повезло самоходной барже, идущей впереди. Тяжелой кормой она опускалась в воду, высоко задирая нос. Баржа мгновенно потеряла ход, ее несло мимо парохода, виднелось днище, облепленное ракушками. Из небольших иллюминаторов с выбитыми стеклами высовывались руки и головы новобранцев. Просили помощи десятки, а может, сотни голосов. Баржа прошла рядом, Ходырев никогда в жизни не видел такой страшной картины.

С бортов прыгали люди, течение несло их вместе с баржей. В трюме не смолкали вопли, обреченные люди отталкивали друг друга от иллюминаторов. Кто-то сумел протиснуть плечи

и руки, наглухо застрял, тщетно извиваясь. Это был мальчишка лет семнадцати. На секунду он встретился взглядом с Борисом, затем снова стал вырываться из ловушки.

- Почему их не выпускают? – взволнованно спросил Ходырев у стоявшего рядом матроса.
- Трюмные люки перекосило, обычное дело. Ты глянь, что делается.

К тому времени немцы хорошо заминировали реку. Суда с низовьев шли к Сталинграду небольшими караванами. Кроме парохода и баржи, под прикрытием тральщиков двигались несколько деревянных сейнеров, приспособленных для перевозки людей и грузов.

Один из сейнеров не сумел отвернуть от гибнувшей баржи. Дощатый смоленый корпус треснул, как скорлупа. Мачты, подъемные стрелы и веревочные снасти сейнера сплелись с надстройками баржи, которая начала стремительно тонуть. В огромной воронке исчезли оба судна, затем вода вытолкнула обломки сейнера. Отдельно плыли куски обшивки, деревянная каюта, мачта с распустившимся парусом, смоленые черные доски. И ни одного человека.

«Юнкерсы» взялись за пароход. Маленький тральщик пытался им помешать огнем двух своих пушек. Один из самолетов сбросил бомбы на тральщик, второй – на пароход. На этот раз Борис не услышал ни звука летящей авиабомбы, ни воя самолетов. Грохнуло совсем рядом, пароход словно наткнулся на невидимую стену. Бойцы катились по палубе, ломали ограждение и собственные кости, летели гроздьями за борт. Упал вместе с другими и Ходырев.

Наглотался воды, но все же вынырнул. Люди вокруг тонули один за другим. Причиной этого стало неумение многих бойцов плавать, контузии, ушибы, а также намокшая одежда. Красноармеец рядом с Борисом кувырчался в воде, пытаясь снять ботинки. Мелькнула поднятая рука, и человек исчез.

Положение усугублялось паникой. Люди кричали, отчаянно колотили руками и ногами, быстро теряли силы. Некоторые барахтались в мазуте, он облеплял волосы и лицо маслянистым ядовитым слоем, забивая дыхательное горло.

Борис сумел сбросить с ноги один ботинок, на втором затянулся шнурок. Плыть мешали размотавшиеся обмотки, он их сорвал, но оставшийся ботинок, как гиря, тянул на дно. Наверное, там бы и закончился путь Бориса Ходырева, но под ногами он ощутил вязкий песок.

Выбрался на песчаную косу и стал свидетелем гибели парохода. Очередная бомба взорвалась у кормы, обрушилась труба, кувыркнулись шлюпки. Пароход накренился, правое гребное колесо звучно шлепало о воду, левое остановилось. Возле огромной пробоины вспенился водоворот, на верхней палубе продолжала стучать длинными очередями зенитная установка.

Наверное, пулеметчики не успели спастись, пароход легко провернулся вокруг оси, встал днищем вверх и стал стремительно погружаться. Борис добрался до берега, сутки шатался, пытаясь найти хоть какое-то начальство. Никто не хотел с ним связываться, посылали в райвоенкомат. Он хотел прибиться к маршевой роте. Но командир огромной колонны был озабочен лишь одним – довести людей до переднего края. Он отмахнулся от Бориса, а подвыпивший старшина сказал с сочувствием:

- Чего ты торопишься? Куда мы идем, оттуда не возвращаются. Не торопись, пока не припекло.

Уставшие от многодневного марша бойцы были облеплены пылью и не реагировали на мрачное предсказание старшины.

В голове Бориса что-то щелкнуло, он зашагал в обратную сторону. Обувь найти не сумел, шагал босиком, сбил ноги, но упрямо продолжал путь к дому. Через два дня его задержал патруль. Лейтенант, слушая рассказ, лишь качал головой. Парень отмахал сто с лишним верст и упрямо рвался идти дальше.

- Отпустите меня, – попросил Борис.
- Зачем? – удивился лейтенант.
- Домой пойду.
- Свихнулся, что ли?

– От страха он одурел, – сказал патрульный солдат с комсомольским значком на груди. – Глядеть на это чучело противно.

Задержание происходило посреди села. Собрались люди, ожидали, что будет дальше. Борис Ходырев, несостоявшийся боец инженерного батальона, очень напоминал плакатного дезертира. Обросший щетиной, в расхристанной гимнастерке без пояса, он переминался, глядя на избитые в кровь ноги. Только сейчас почувствовал, как они горят. Когда вели в кутузку, пришлось шагать через участок высохшей травы. Израненные ступни обжигало сильной болью, но когда он замешкался, лейтенант сильно пихнул в спину.

– Двигай живее!

– Не могу, ступни сбил.

– От фронта резво убегай.

А солдат с комсомольским значком не дал закурить. Предупредил:

– Не вздумай бежать. Стрельну.

– Куда я побегу, вон ноги в крови.

– Пожалеть тебя?

И больно толкнул прикладом. В подвальной камере районной комендатуры Бориса приняли более тепло. Посоветовали распухшие ступни лечить мочой. Дали махорки и объяснили, как надо держать себя на допросе.

– Кайся, говори, что ничего не соображал.

– Так и было, – отвечал Борис. – У меня в башке перемкнуло, вот и дунул непонятно куда.

– А сейчас готов сражаться до последней капли крови, – подсказали ему.

Ходырев соображал, издеваются над ним или продолжается инструктаж. Помявшись, заметил:

– Не обязательно до последней...

– Гля, поумнел!

Камера невесело посмеялась. Большинство из обитателей были дезертирами, имелась и другая публика. Сидел огромного роста боец с низким лбом и массивной, выпирающей вперед челюстью. Кроме дезертирства, он обвинялся в изнасиловании и убийстве. Основную часть времени он спал, зарывшись в солому. Когда приносили холодные сизые комки ячневой каши, жадно глотал свою порцию. Хлеба не давали, кашу запивали водой.

Насильника звали Геша, над его тупостью за спиной издевались, но и побаивались. Когда ему ночью стало холодно, он вытряхнул из шинели соседа. Обиженный человек пытался отстоять свое имущество, но получил удар в лицо.

Никто из обитателей камеры не вмешивался. Геша обладал огромной физической силой. Однажды ему вздумалось глянуть сквозь решетку. Наморщив покатый лоб, с минуту раздумывал, затем разогнул толстые прутья. Когда Гешу выводили на допрос, конвоиры нервничали и с порога предупреждали:

– Вести себя смирно. Церемониться не будем.

Геша зевал со сна, отряхивал солому и, пригнувшись, нырял в низкий дверной проем. Если дурковатого Гешу опасались, то мужика, обвиняемого в мародерстве, безбожно шпыняли. Тот вылавливал из Волги тела погибших солдат, снимал одежду, обувь и неплохо на этом зарабатывал. Кроме того, он первым прибегал к местам бомбежки и урывал все, что мог.

Мародера сильно били на допросах, что-то выпытывали. Видать по всему, он жил неплохо, жена передавала ему сало, которое он жрал тайком, ни с кем не делаясь. Выбитые зубы мешали жевать. Геша уловил сквозь сон запах подкопченной шкурки, отобрал сало и проглотил без хлеба. Сочувствия мародер не вызывал. Ему злорадно советовали:

– Признайся, где золотишко прячешь. Легче подыхать будет.

– Какое золотишко? – пугался тот.

В другом углу камеры возились уголовники. Они чувствовали себя как рыба в воде, играли по ночам в карты, смеялись, что-то ели. Однажды заинтересовались добротной гимнастеркой Бориса. Предложили старую и рваную, обещая в довесок хлеб. Ходырев отказался, тогда пригласили поиграть в карты.

– Отстаньте, – решительно заявил он.

– Тебе гимнастерка ни к чему. Дезертиров нынче стреляют.

Соседи утешили:

– Не всех стреляют. Некоторых снова на фронт посылают. Может, и тебе повезет.

Ходырев отошел от панического настроения и действительно раскисался. Как и все двадцатилетние, он не слишком боялся смерти. Хоть и небольшого роста, но цепкий и жилистый, он чувствовал свою силу. В отличие от деревенских сверстников, Борис был образованнее, не просто работал из-под палки в колхозе, а имел довольно редкую специальность электрика. Мать, так и не научившаяся грамоте, иногда пускала слезу от умиления:

– Сто десять рублей жалованье, мы всей семьей столько не заработаем. Старайся, Боренька, если в люди вышел.

На допросе у военного следователя Ходырев заявил, что готов идти на фронт в любом качестве. Вину свою осознал и желает искупить. Следователь, много чего повидавший, чинил карандаш, слушал парня, затем спросил:

– Чернявый ты, не татарин случайно? И фамилия подходящая – Ходырев, Ходыев...

– Не знаю. Кажись, русский.

– Родом откуда?

– Село Старица Астраханской области.

– Сяло, – передразнил его следователь, собирая в ладонь стружки от починки карандаша. – Нет тебе веры, Борис Иваныч. Кишка тонка оказалась, из-под Сталинграда драпал, а на фронте к фрицам побежишь.

– Не побегу. Вы напишите в своих бумагах, что я вину искупить желаю.

– Напишу. Бумага все стерпит, а вот суд...

Кроме следователя, водили на допросы к особисту. Тот оказался парень веселый, немногим старше Ходырева и слишком простецкий. Наверное, так казалось. Был убежден, что среди задержанных обязательно имеется немецкий шпион, и убеждал Бориса помочь в разоблачении.

– Какие тут шпионы? – удивлялся Ходырев. – Мародер, что ли, на немцев работает? Ему на всех наплевать. Или Геша-придурок. Он же ненормальный.

– А ты присмотришь.

В качестве аванса Борис получил пачку махорки. Когда стал угощать соседей, его мгновенно раскусили.

– Кум стучать приглашал?

– Какой кум?

– Не строй дурака, – сказал мелкий вор Антоха, добравшийся в южные края из-под Калуги. – За какие заслуги махорку дали?

– Особисту шпионы кругом мерещатся. Сообщи, мол, если чего подозрительное заметишь.

– Значит, ты стукач, – наседали воренок. – Махорку-то принял.

– Пошел на хрен.

– А это ты видел.

К горлу тянулся заточенный, как жало, черенок алюминиевой ложки. Борис скрутил руку, выдернул самодельный нож, воренка отшвырнул в угол. Спасая авторитет, тот кинулся с кулаками, но получил точный удар в лицо и свалился на цементный пол. К Антохе присоединился еще один урка. Взъерошенный Борис готовился к драке, но ее пресек новый обитатель камеры, долговязый капитан Елхов со следами споротых шпал на петлицах.

– Хватит. Ну-ка дай сюда ножик.

Позже Борис жаловался ему:

– Следователь ни на грамм не верит, а я ведь раскаиваюсь.

– Иногда одного раскаяния мало, – ответил долговязый, думая о своем.

– А что же мне делать?

– Спи, утро вечера мудренее.

Дни шли. Привозили одних людей, других уводили. Кормежка стала совсем никудышной. О комках безвкусной каши Борис мог только мечтать. В день доставался черпак пустой баланды с запахом рыбы, в которой плавали черные капустные листья. Вместо хлеба иногда давали вареную свеклу. Жрать хотелось постоянно. Ходырев пытался обмануть голод, выпивая как можно больше воды, отчего под глазами появились черные круги. Елхов внимательно оглядел его и посоветовал:

– Прекрати воду без меры хлебать, иначе почки посадишь.

Но сильнее всего страдали от духоты. Народу в камере набилось столько, что не все имели возможность лечь. Люди задыхались от спертого воздуха, возникали короткие потасовки из-за места, неосторожно сказанного слова или просто от раздражения. Какой-то служивый успокаивал соседей:

– Что вы сцепились? Тяжко здесь, душно, ну и что? Скоро проветритесь, там вас быстро помирят.

Непонятно, что он имел в виду – фронт или смертную казнь, но люди примолкли. Возможно, задумались о будущем. Одному из сидельцев стало плохо. Он стал просить воды, рот свело судорогой, вода текла за воротник. Вскоре он умер. Тело долго лежало под ногами, Борис косился на мертвеца, тот отмучился, а ему предстояло стоять несколько часов, пока не наступит очередь лечь и заснуть. В мозгу проносились обрывки видений, показалось, что наступила зима и за окном снег. Он открыл глаза и увидел тусклую лампочку в проволочном колпаке. Она плавала в белесой полутьме.

Кто-то не выдержал, колотил в дверь ботинком и соглашался идти куда угодно, только бы не гнить здесь заживо. Насильник Геша просыпался среди ночи, вглядывался в полумрак и громко спрашивал:

– Где я?

Ему отвечали матом. Борис спросил капитана Елхова, долго ли будет длиться следствие.

– Сейчас быстро решают, – ответил тот. – Раз-два и готово. Запросто могут шлепнуть.

– И вас тоже?

– Нет. Меня расстреливать смысла нет, я кадровый командир. Был комбатом, поставят ротным. А вот тебя в два счета стрельнуть могут.

– Глупо, – пытался усмехнуться Борис, – я больше пользы на фронте принесу.

– Какая с тебя польза? Опыта не имеешь, пока научишься всему, время нужно, а его нет. А как пример в назидание трусам можно использовать.

Перспектива быть использованным в качестве примера, то бишь расстрелянным, разволновала настолько, что Борис не мог спать. Ворочался, вслушивался в ночное бормотание, чесалось, зудело тело.

– От нервов, – говорил капитан Елхов.

А в голову лезли мысли о расстреле, сжималось дыхание.

– Как теперь расстреливают? – спросил он капитана.

Елхов не ответил, зато доходчиво объяснил другой сосед:

– Очень даже просто. Поставят на край ямы и шархнут в затылок. Если из «нагана», то полбеда, а винтовка башку разнесет, мозги в разные стороны. Будешь лежать, пока яму не заполнят такими же дураками. Когда вспухнет как следует, тогда землей засыпят.

В интересный разговор вмешались уголовники. Плели несусветное: приговоренным мажут лоб зеленкой, перед смертью спрашивают последнее желание и дают закурить. Елхов морщился – блатная рисовка его раздражала.

– Зеленку на тебя тратить. Пальнут в грудь или спину и как зовут не спросят.

– Меня в грудь нельзя. И в спину тоже, – хвастливо заявил старший из воров. – Глянь сюда.

Он снимал рубашку и показывал синий от татуировок упитанный торс. На левой стороне груди был выколот портрет Сталина, а на левой лопатке изображение Ленина. Верховный Главнокомандующий смотрел строго и осуждающе, а Ленин со скошенной бородкой хитро усмехался.

– В вождей целиться нельзя. Закон! – провозглашал вор и просил папиросу. – Давай курнем, товарищ капитан.

Елхов снова морщился, но доставал из кармана пачку. Ему передавали с воли хорошие папиросы, комбат был заядлым курильщиком. Мог ничего не есть, но папиросы выкуривал до мундштука. Не очень веселые разговоры шли о Сталинграде. Самострел с загнивающей рукой сообщил, что пополнение идет за Волгу день и ночь, а назад никто не возвращается.

– Прорва, – качая руку, рассуждал он. – Людей гробят тысячами, и просвета не видно. Я считаю, надо...

– Как же тебя врачи вычислили? – перебили его.

– Надо было через буханку хлеба стрелять, а хлеб мы с дружкой съели. Пальнули через полотенце, вот и остались следы пороха. И ведь не лечат, сволочи.

– Чего тебя лечить? На том свете выздоровеешь.

Сидение в подвале закончилось внезапно. Ничего не объясняя, четверых человек рано утром вывезли за поселок. Опомниться не давали. Едва не пинками стащили с кузова полуторки и поставили на краю ямы. Вокруг стоял в строю батальон, а может, полк.

Борис с ужасом заглянул в могилу, рядом переминался самострел. Капитан Елхов и насильник Геша возвышались над остальными и казались спокойными. Геша воспринимал происходящее с запозданием, морщил лоб, соображал, почему собралось столько людей. А старый вояка Елхов уже подготовился к худшему для себя варианту.

Приговор читал военюрист в звании полковника. Вернее, приговоров было четыре, из экономии объявляли заключительную часть, но чтение длилось долго. Самострел впал в ступор, тряс здоровой рукой, шарил глазами по лицам присутствующих. До Геши стал доходить смысл, он нервничал и вертел головой. Борис от напряжения неожиданно зевнул, сердце бешено колотилось, на лбу выступил пот. Он сделал полшага вперед, а Елхов тихо произнес:

– Не надо, Борька... бесполезно.

Ходырев понял, что он имеет в виду. Не надо ничего просить, суетиться, их судьба уже решена. Капитан продолжал удивлять своим хладнокровием.

– Эх, зря папиросы берег, полпачки пропадет, – сказал он, затем огляделся вокруг и сообщил товарищам по несчастью: – В хорошем месте лежать будем. Хоть в этом повезло.

Могилу вырыли в ста шагах от речного обрыва, виднелась песчаная отмель левого берега, зеленый пойменный лес. Голубая Волга медленно катилась к морю, в заливе стояли рыбацкие баркасы. Место и правда было красивым.

Полковник закончил чтение приговора, важно оглядел строй красноармейцев. Кучка командиров тихо переговаривалась между собой, кто-то невпопад засмеялся. У самострела сдали нервы, он стянул здоровой рукой пилотку, хотел что-то сказать, наверное, просить о пощаде. За его спиной мгновенно возник крепкий лейтенант, положил ладонь на плечо и отчетливо прошипел: «Молчать!»

Шесть красноармейцев из комендантского взвода стояли ровной цепочкой с винтовками за плечами. Почему шесть? Получается полтора человека на одного приговоренного.

Может, стрелнут четверо, а двое будут добивать? Борис подтянул босую ногу (обувь так и не выдали) и с ненавистью глянул на полковника-юриста. Почему мучаешь и не отдаешь последнюю команду? А тот, словно испытывая терпение, перебирал листки, шевелил толстыми пальцами, затем, не спеша, продолжил чтение.

Смысл до Бориса не доходил, он начал соображать, лишь когда капитан крепко сжал ему локоть и шепнул: «Будем жить!». Елхова и Ходырева мгновенно отвели в сторону, полковник свернул бумаги в трубку, конвоиры сняли с плеч винтовки. Насильник Геша не хотел оставаться у ямы и пошел вслед за помилованными. На ходу оттолкнул лейтенанта, который его не пускал, но был остановлен жестким окриком одного из командиров:

– Марш на место!

Геша остановился, затем снова вернулся к яме, где переминался бледный, как бумага, самострел. Четыре выстрела ударили залпом. Приговоренные в последнюю секунду сделали шаг вперед, подальше от страшной ямы, и свалились на ее край. Лейтенант с помощью старшины толкнул расстрелянных вниз, хлопнули два pistolетных выстрела.

– А нас куда? – тревожно спрашивал Борис.

– В штрафную роту.

Штрафные роты и батальоны создавались на основе приказа Сталина № 0227 от 28 июля 1942 года, известного под названием «Ни шагу назад». При формировании этих подразделений возникало много организационных вопросов, их решали, как могли и насколько позволяли возможности. Ясно было одно – штрафники будут использоваться на самых опасных участках. И Юго-Восточный фронт, тянувшийся от Сталинграда через Калмыкию до Астрахани, очень подходил для такой цели.

Этот фронт был весьма своеобразным, здесь отсутствовала сплошная линия боевого соприкосновения советских и германских войск. Если глянуть на штабную карту того времени, можно увидеть вместо сплошных полос лишь синие и красные черточки разной длины. Немцы слишком расплыли свои силы и не имели возможности вести широкое наступление. Бросали сюда хоть и сильные, но отдельные механизированные части. Их напор отбивали немногочисленные советские полки, немцы несли потери, не сумели достичь Волги и топтались в 150 километрах от Астрахани.

Можно понять ярость Сталина, когда большая часть населения Калмыкии перекинулась на сторону Гитлера и степняки стали наносить болезненные удары по тылам 51-й армии. И все же продвинуться дальше немцы пока не могли. Взяли Элисту, Яшкуль, Кегульту, но это были островки в бескрайней полупустынной степи.

И сама степь отнюдь не являлась идеальным местом для наступления. Перевалив через горный Ергенинский хребет, бронетехника разгоняла ход, но едва успевала тормозить и обходить препятствия. Преградой являлась цепь соленых Сарпинских озер, остатки древнего моря. Даже если вода пересыхала, то солончаки становились коварной ловушкой. Приходилось их объезжать, делая большой крюк, а на новом месте немцев ждали красноармейские части.

Огромное пространство растворяло штурмовые части вермахта, они терялись в выжженной солнцем полупустыне. Здесь шли малоизвестные на фоне Сталинграда ожесточенные схватки. О них напоминают редкие неухоженные могилы погибших красноармейцев, разбросанные среди бескрайней степи в суверенной Республике Калмыкии. Тем не менее именно в этих местах находился южный край Сталинградской битвы. О боях напоминает также монумент с реактивной установкой БМ-12 («катюша»), установленный возле села Цаца на границе Волгоградской области.

Вторая отдельная штрафная рота располагалась на окраине большого пыльного села Ено-таевка. Из-за нехватки помещений личный состав поселили в коровнике, а штаб разместился в бывшей конторе. Рота представляла собой довольно крупное подразделение. Под командой

капитана Митрохина находилось полтора десятка офицеров в звании младший лейтенант и выше, такое же количество сержантов.

Взводные показали Борису на одно лицо, крепкие, как бычки, молодые лейтенанты, настроенные решительно, немного повоевавшие. Выделялся замполит роты старший политрук Воронков, улыбающийся, охотно вступающий в беседу с вновь прибывшими. Ходырев по-прежнему держался рядом с капитаном Елховым, которого называл то по имени-отчеству, то по званию.

– Какой я тебе капитан? – не выдержал Елхов. – Я такой же рядовой, как и ты.

К ним присоединился услужливый боец Иван Межуев, угодивший в штрафники за кражу овса. Преступление могло показаться кому-то смешным, додумались дураки, сперли и продали пять мешков лошадиного корма. Но командира полка, который с огромным трудом добывал в безводной степи корм для лошадей, воровство очень возмутило.

В целях поднятия дисциплины устроили показательный суд, который приговорил старшину хозввода Глухова и рядового Межуева к пяти годам лишения свободы, которое заменили на два месяца штрафной роты. Но если Прокофий Глухов на новом месте сумел занять крепкий пост старшины, то Иван Межуев стал обычным бойцом переменного состава, как официально называли штрафников.

Об этих подразделениях рассказывали страшные вещи, в которые не хотелось верить. Оказывается, штрафных солдат будут использовать при разминировании минных полей пешим ходом, обвешивать гранатами и сбрасывать в тыл врага как живые бомбы. Предстояло прорывать вражескую оборону, ходить в лобовые атаки и поджигать бутылками с бензином вражеские танки. Даже если половина из этого правда, то перспектива рисовалась совершенно безнадёжная.

Межуев, светловолосый, с мягким подбородком, в первый день долго присматривал место, затем робко подошел к Елхову:

– Разрешите, я по соседству лягу.

– Ложись, место не куплено.

Разжалованный капитан пожал плечами, а Ходырев приветливо подмигнул.

– Бросай сюда тюфяк. Ты не храпишь?

– Немножко.

– Ну, и я немного.

Разговорились. Елхов очень удивился, зачем бойцу хозввода понадобился овес.

– С голодухи, что ли?

– С дури, – каялся Межуев. – Спирт достали, а на закуску захотелось баранины. Чабан говорит, везите овес, я валуха для вас зарежу.

– Вот ты сам себя и зарезал. Знаешь, сколько в пехотной роте после атаки людей остается?

– Не знаю, – уныло признался бывший ездовой.

– В лучшем случае – половина. А случается, целиком рота исчезает.

– Что, всех убивают?

– Не обязательно. Получишь пулю в колено или яйца. Радуйся, что повезло.

– На хрен бы такое везенье, – плевался Межуев, а затем спросил: – Еще говорят, в пешем строю на мины посылать будут.

– Не будут, – категорично заявил Елхов.

– Ну, вот я тоже подумал, что брехня. Что же мы, не люди, хоть и проштрафились.

– На мины посылать запретили, – продолжал бывший комбат. – Ботинки взрывами рвет, расход обуви большой.

Видя, что ездовой юмора совершенно не понимает, разъяснил ему коротко и ясно:

– С аэроплана тебя, дурака, сбрасывать не станут, чести много. А в атаку раз-другой сходишь. Если уцелеешь, считай, простили.

Третьим взводом командовал младший лейтенант Дядченко, самоуверенный и во всем разбирающийся. Уверенности ему прибавляла большая физическая сила и участие в небольшом бое, из которого он сумел выйти невредимым. За подготовку бойцов он взялся старательно, с утра бегали, занимались зарядкой, затем Дядченко повел взвод на тактические занятия. Борис Ходырев остался в роте, так как не получил обувь.

На первом занятии между бывшим комбатом и молодым взводным произошла стычка. Степану Матвеевичу Елхову не понравилась бессмысленная беготня, изображавшая занятия по теме «Взвод в наступлении». Он высказал ряд претензий, дельных, но сказанных с излишним апломбом.

– Прежде чем наступать, надо обеспечить материальную часть. Лопаток для окапывания нет ни одной, три человека остались в роте из-за плохой обуви или из-за ее отсутствия. Не сегодня-завтра начнутся дожди, а шинели у половины людей отсутствуют.

Взвод, пока еще неполный, но уже насчитывающий человек пятьдесят, слушал внимательно. Некоторые имели в прошлом сержантские и лейтенантские звания, обладали опытом, и беготня с палками вместо винтовок напоминала детскую игру. Авторитет Елхова признали и поддержали.

- Капитан верно говорит.
- У меня подошва отвалилась.
- А у меня штаны на жопе порватые и кальсонов нет.
- Махорку не выдали.

Масла в огонь подлил уголовник Надым, мужик лет сорока, с мощной грудью и татуированными руками. Одет он был неплохо, забирая у бойцов послабее приглянувшиеся вещи. Пользуясь случаем, он решил показать себя и превратил разговор в шумную склоку. Уголовников насчитывалось по пять-семь человек в каждом взводе. Держались они сплоченно, агрессивно и придавливали слабых.

Дядченко не на шутку разозлился, и прежде всего на Елхова. Построив взвод, пригрозил, что следующая попытка сорвать занятия закончится для кого-то плохо. При этом он не сводил взгляда с бывшего комбата. В строю стояли четверо сержантов. В штрафную роту они пошли неохотно, но выбора им не оставили. Сейчас сержанты не знали, что делать. Они не являлись штрафниками, но находились с ними в одной казарме, и в атаку предстояло бежать в одной цепи. Ссориться с подчиненными сержанты не хотели, заняли нейтральную позицию и не поддержали самолюбивого лейтенанта.

Елхов уже приобрел определенный авторитет и мог стать хорошим помощником, Дядченко его оттолкнул. Таким образом, взвод разделился на несколько групп. Самая большая инертная группа рядовых штрафников мало что решала, сержанты осторожничали, уголовники оживились. Особняком стояла группа во главе с бывшим капитаном Елховым, его поддерживали Ходырев, Межуев и еще несколько бойцов.

Процесс разобщения происходил и в других взводах. Командиры прохлопали этот момент, так как не имели достаточного опыта. А события в роте катились тем временем, как снежный ком.

Степан Матвеевич Елхов временно лишился звания, должности, ордена Красной Звезды и получил три месяца штрафной роты за обычное русское головотяпство. Он неплохо начинал службу, прошел через тяжелые бои осени сорок первого года, а за решительность и умение командовать ротой в зимнем наступлении под Москвой получил орден и должность командира батальона. В августе сорок второго Елхова направили в тыл за пополнением. Поездка обернулась печальными последствиями. Пока комплектовали маршевую роту, командиры загуляли. Деньги и вещи на обмен имелись, нашли водки, познакомились с женщинами, и праздник начался.

Дезертирство в тот период процветало крепко. Маршевая рота попросту разбежалась. Елхов опомнился, стал собирать людей, и это ему почти удалось. Но обстановка на фронте складывалась тяжелая, потерявшуюся роту стали разыскивать, а когда отыскивали, то оказалось – многих новобранцев не хватает. За такие вещи нередко расстреливали, и капитан в полной мере осознал это, пока стоял у вырытой могилы.

Угодив в штрафники, он понял, на хорошее надеяться нельзя. В память врезались безнадежные бои под Селижарами. Тогда, в конце зимы, командование не могло примириться, что удачно начатое московское наступление выдыхается. В то время его родной полк раз за разом гоняли в атаки и контратаки, врага пытались смять валом живых людей. Такого Елхов не мог и представить. Он потерял процентов восемьдесят личного состава, всех трех ротных командиров, не надеялся выжить и сам. Но, разбив лоб о стойкую вражескую оборону, генералы угомонились.

Если не щадили обычных бойцов, то штрафников не пожалеют подавно. По всем признакам роту готовили для таранного контрудара на каком-нибудь выступе. Для тупой губительной атаки, и ничего большего. Бывший комбат не желал пропадать просто так, не применив свой немалый боевой опыт. Однако, не обладая дипломатичностью, Елхов с первых дней сумел испортить отношения с Митрохиным, а затем с Дядченко.

В роте брали верх блатари. К Надыму присоединился молодой, набирающий силу уголовник Марченко, по кличке Марча, прибывший из астраханского следственного изолятора. Осужденный на пятнадцать лет за грабежи и убийство, он сумел убедить комиссию по освобождению, что вину осознал и желает сражаться за родину. В комиссии заседали неглупые люди, знавшие цену этой публике. В другой ситуации Марчу бы не освободили, но важен был порыв – в трудную минуту на защиту страны встает каждый гражданин.

Надым и Марча сплотили вокруг себя блатных и подчинили часть штрафников. Началось безудержное воровство. Одежду и обувь обменивали на самогон, а лучшие продукты из ротного котла доставались немногим. Процесс разложения набирал силу. Это почувствовал Воронков, но изменить ничего не пытался. Надеялся, что в первом же бою все решится само собой, а дальше видно будет. Командир роты Митрохин был слишком занят хозяйственными делами, мотался в штаб 51-й армии, которой напрямую подчинялась рота, привозил новых людей.

Нарыв зрел, готовый прорваться, а рота тем временем насчитывала уже триста человек. Толпа толком не занятых мужиков пребывала в подвешенном состоянии. На склад привезли винтовки, но выдавать их опасались. Ходить на занятия с палками вместо оружия многие штрафники считали не только смешным, но и унижительным. Замполит через свои связи в политотделе настаивал на скорейшем введении роты в бой, хотя больше других этого боялся. Тем временем пришло очередное пополнение. В их числе был молодой взъерошенный лейтенант Сергей Маневич, угодивший под трибунал за отступление без приказа.

Виноватым себя лейтенант не считал, отметал обвинения в трусости и собирался доказать это в первом же бою. Но столкнуться ему пришлось не с фрицами, а с уголовниками. Маневич появился в роте в хороших яловых сапогах, с командирским кожаным ремнем, даже брюки у него остались синие комсоставовские. Худощавый, с тонкими чертами лица и вьющимися волосами он не производил впечатления человека, умеющего постоять за себя. По приказу Марчи воренок Антоха предложил лейтенанту поменять кожаный ремень на солдатский брезентовый.

– Это еще зачем? – удивился Сергей.

– Он тебе ни к чему. Давай-давай, пока и сапоги не отобрали.

Лейтенант, закончивший в сорок первом училище и быстро выросший до командира роты, побелел от злости. Заикаясь, прошипел:

– А ну, гаденыш, убирайся, пока цел.

Воренок воспринял сорвавшийся голос новичка как признак страха и, подступив ближе, дернул за пряжку. Тут же получил удар кулаком в лицо и отлетел в сторону. Все это происходило во дворе, примыкающем к коровнику. Вокруг сидели, шатались бойцы, кто-то спал, компания воров играла в карты. Над широким двором, где пахло сухим навозом, нависала гнетущая тишина. Марча, с обманчиво сонным лицом, огляделся по сторонам и аккуратно сложил карты.

– После доиграем.

Он понял, представился случай окончательно сломить ситуацию в свою пользу. Марчу не устраивало положение, при котором ключевые должности принадлежали чужим. Слишком уверенно вел себя старшина Глухов, командиры отделений по-прежнему держались вместе, глядя на междоусобную возню свысока. И сейчас сержанты спокойно сидели на бревне с винтовками между колен, наблюдая за происходящим. Они не любили уголовников, но ротная верхушка бездействовала, не вникая в солдатские отношения. Сержанты благоразумно выжидали.

Марча встал, за ним поднялись еще пять-шесть человек. Надым, прищурился и без того узкие глаза, отвернулся. Он опасался, что заваруха может закончиться плохо, и не торопился поддерживать выступление Марчи. Через двор уверенно шагал Елхов, от него не отставал Борис Ходырев. Иван Межуев, хоть и трусил, но шел следом. У воров имелись заточки, сделанные из арматурных прутьев. Страшное тюремное оружие с отполированным жалом не оставляло лейтенанту шансов выжить. Он это понимал и пытался к забору.

Антоха, воодушевленный поддержкой, вытер кровь из носа, отряхнул штаны от навоза и, пригнувшись, наступал на лейтенанта. Маневич лихорадочно размышлял, что делать дальше. Самым логичным было прыгать через забор и убежать куда глаза глядят. Он бы это сделал, но один из воров решил ускорить ситуацию. Метнул заостренный прут, лейтенант успел отшатнуться и побежал прочь. За ним гнались сразу несколько человек.

Маневич бестолково метнулся к забору и оказался лицом к лицу с сержантами, сидевшими на бревне. Лейтенант не раз бывал в опасных переделках и обладал мгновенной реакцией. Выхватив винтовку из рук ближнего сержанта, он передернул затвор. Уголовников винтовка не испугала, они знали, что оружие разряжено. Но часто все решает случай. Сержант вставил утром в магазинную коробку единственный патрон, имевшийся у него. Зарядил просто так, по давней привычке, и эта случайность повернула ход событий.

– Стой, там патрон! – успел крикнуть сержант.

Маневич уже давил на спуск. Он тоже действовал по привычке, на него бежал враг, и его требовалось убить. Пуля ударила бежавшего уголовника в грудь, пробила насквозь и задела по касательной еще одного вора. Марча приостановился. На него налетел Елхов и сбил с ног. Борис толкнул Антоху и несколько раз пнул. Вскочили сержанты, прибежали взводные и замполит Воронков.

– Что же вы наделали, сволочи, – ахнул он, предчувствуя суровые разборки.

Среди сухих коровьих блинов возился, дергал ногами смертельно раненный штрафник, из которого быстро вытекала кровь.

– Надо помочь, – сказал один из сержантов.

– Ничем не поможешь, – отозвался другой. – Гля, как точно угодил.

Надым с подручными не трогался с места. Закурил офицерскую папиросу и пустил пачку по кругу. Дурацкая агрессивность Марчи его раздражала.

Событие встряхнуло роту и местный гарнизон. Два дня разбирались особисты, приехал хмурый следователь с клеенчатым портфелем. Антоха пытался молчать, но особист Стрижак посоветовал ему:

– Не испытывай терпение, парень. Видишь, какой следователь сердитый.

Обладатель портфеля лишь усмехнулся, прекрасно понимая, что произошло. К Маневичу отнесся терпимо, о чем-то пошептался со Стрижаком и, взяв несколько объяснений, уехал в штаб. Особист отчитал Митрохина:

– Неужели не видели, к чему все катится?

– Не видел, – честно признался служака Митрохин.

– Надо глаза пошире разувать. А вообще, засиделись вы в тылу, о чем и доложу начальству. Идите.

С Марчей и раненым уголовником Стрижак разговаривал почти ласково. Уголовнику от тихого голоса седоватого и решительного особиста становилось не по себе. Ожидал подвоха, но чем все кончится, и предвидеть не мог. Убийцу-Маневича отпустили, сержанту-раззяве, у которого отобрали винтовку, погрозили пальцем, а Марчу вместе с раненым приятелем посадили в кузов полуторки и куда-то повезли. Их охранял помощник Стрижака старший сержант Гена Захаров в синей фуражке с автоматом за плечом.

Отъехав километра два, машина остановилась, уголовникам приказали слезать. Встревоженный Марча спросил, зачем.

– Ты глянь, красота какая, – вместо ответа сказал особист.

Действительно, чудный вечер опускался над степью. Сентябрь на нижней Волге отличный месяц. Спадает жара, исчезают комары, река под обрывом дышала тишиной и покоем, лишь всплескивала крупная рыба.

– С вами, паскудами, и на рыбалку не выберешься, – меняя тон, раздраженно проговорил Стрижак. – Ну, пошли, чего встали.

Впереди виднелась разрытая глина, пахло смрадом. Раненый вор сделался белым, как полотно, и замедлил шаг. Он увидел шофера с лопатой в руке, а неприятный запах шел из скотомогильника. Марча, тридцатилетний уголовник, имел за плечами много темного, не задумываясь, шел на убийство, никого не жалел и считался отчаянным уркой. Оказалось, одного человека он все же любил – самого себя.

Он заговорил, пытаясь продлить последние минуты, найти выход из тупика. Заинтересовать особиста любой невероятной информацией о шпионах или ненадежных болтливых командирах. В роте имелись люди, которые ненавидели советскую власть, Сталина, ждали немцев и собирались сдать. Но Стрижак лишь с досадой отмахнулся от ненужных слов и поторопил помощника.

– Заканчивай, Геннадий...

Сержант открыл огонь с пояса, затем поставил оружие на предохранитель и с помощью шофера сбросил тела в яму, где лежала павшая лошадь. Морща нос, шофер торопливо забрасывал расстрелянных землей:

– Неприятное соседство, – проговорил он.

– Ничего, лошадка не обидится, – понял по-своему сержант с автоматом.

Особист стоял у машины, неторопливо курил, наблюдая, как медленно опускается над степью тихий сентябрьский вечер.

Глава 3

Бои в окружении

Борис Ходырев вертел на руке часы. Он неплохо зарабатывал до войны, но скопить денег на эту нужную вещицу не мог. Сейчас часы достались ему просто так. Вернее, не просто. Он убил унтер-офицера, а подчиненные, кинувшиеся после боя за добычей, не смогли поделить ценный трофей. Чтобы не ссориться, отдали командиру отделения.

Нашли много чего нужного: хорошие кожаные ремни, бумажники, перочинные ножи с многочисленными лезвиями, не говоря о часах. Удобными показались котелки с плотно прилегающими крышками, складные саперные лопатки. Нашли ром и сухое вино. И то и другое мгновенно выпили, заедая подтаявшей копченой колбасой и галетным печеньем.

Елхов людям не мешал, они сделали почти невозможное. Сам он уже прикидывал, что делать дальше, осматривал захваченное оружие. Его качество и хорошее состояние наводило на невеселые мысли о техническом превосходстве врага. К пулемету прилагались два затвора и запасной ствол. Вместе с принадлежностями для чистки они хранились в жестяном футляре.

Немецкие каски были гораздо толще наших, более добротные. В дальнем углу траншеи аккуратной кучкой лежал шанцевый инструмент: ломы, кирки, штыковые и совковые лопаты. Все это отбиралось у местного населения, но немцы не ленились чинить и возить инструменты с собой. Без него было бы невозможно вырыть траншеи в каменно-твердой глинистой почве.

Обнаружили большой запас винтовочных патронов и гранат с длинными рукоятками. Капитан взял одну из ящика, примерился и швырнул ее. Бросок получился удачным, граната летела сверху вниз метров пятьдесят, стукнулась о землю и покатила по склону. Рукоятка была удобной для дальнего броска, а взрыватель простой и надежный.

Бойцы третьего взвода торопились собрать трофеи до прихода остальной роты. Стаскивали с ног убитых немцев сапоги, примеряли по размеру, менялись. С сожалением нюхали опустевшие бутылки из-под рома и вина, жаль, что мало. Легкие сигареты казались после махорки неощутимыми, но курили их с удовольствием, щелкая без нужды зажигалками.

– Ходырев, возьми пулемет, отвечаешь головой, – приказал бывший комбат Елхов. – Запасные затворы и ствол не забудь. Помощника подбери...

– Есть, товарищ капитан.

– Мне еще звание не вернули.

Тем временем вершина холма заполнилась бойцами и командирами. Особисту Стрижаку вручили трофейный «парабеллум» с кобурой, он остался доволен и несколько раз выстрелил, проверяя точность боя.

– Отдача сильная, – заметил Стрижак.

– И калибр не малый, – согласился Елхов.

– Крепко ты ударил. Откровенно говоря, не ожидал.

– Я тоже, – широко улыбался довольный комбат.

Политработнику из штаба дивизии подарили бумажник и зажигалку. Он был не против заиметь трофейный пистолет, но их расхватали. Политработник кисло поморщился, слыша, как хвалят немецкий пулемет, а Ходырев умело меняет ствол и вставляет металлическую ленту.

– Неплохо действовали, товарищи, – сказал он.

Вместо ответа ему показали на склон, где лежали сотни полторы погибших бойцов. Между ними ходили санитары, выполнявшие сейчас роль похоронной команды. Иногда находили раненого, лежавшего без сознания, и после короткого спора, кому нести, грузили на носилки.

– Товарищ комиссар, – спросил Иван Межуев, – как насчет снятия судимости? Заслужили ведь.

Политработник, не зная толком, как будут снимать судимость, ответил уклончиво. Он пытался организовать небольшой митинг. Такие мероприятия непосредственно на поле боя ценились у начальства высоко, но собрать удалось немногих. Бойцы разбрелись по траншее, некоторые заснули после пережитого напряжения и выпитого рома. Иван Межуев слушал комиссара внимательно, но глаза смотрели в никуда. Руки теребили ремень винтовки, штык был испачкан засохшей кровью.

– О чем мысли, товарищ? – спросил политработник.

Бывший колхозник встрепенулся и сказал, что думал:

– Ох, и страшно было. Я ведь немца насмерть заколол.

– Это война, – сказал комиссар. – Врага надо убивать.

Он хотел произнести и другие нужные слова. О том, что родина требует мужества, надо сражаться, не щадя себя, но в это время тягуче заныла очередная мина, и комиссар невольно присел.

Он спокойно пришел сюда по склону, усеянному мертвыми и умиравшими людьми. Некоторые из них стонали, другие лежали молча, равнодушные ко всему. Их жизни в глазах политработника довольно высокого ранга мало чего стоили. Он не мог представить себя лежащим на голом склоне под лучами теплого осеннего солнца. Его жизнь не могла прерваться просто так, в бесполезном бою. Комиссар был выше этого, он вершил идеи на уровне тысяч людей. Его послали контролировать действия нового подразделения. Свою задачу он выполнил, можно возвращаться. Не хватало еще погибнуть от случайной мины.

– Не бойтесь, товарищ комиссар, – ляпнул смуглый штрафник с трофейным пулеметом. – Фрицы на предельной дальности бьют, с трех километров. Сами гляньте, никакой прицельности.

Он простодушно показал рукой в сторону очередного разрыва. Мины падали неточно, то с недолетом, то уходили в сторону.

– Я не боюсь, – ответил политработник, отряхивая землю. – По местам, товарищи. Воронков, проводи меня. Иван Андреевич, вы идете?

Последние слова были обращены к особисту Стрижаку.

– Пока останусь, – ответил тот. – А вы поспешите. И лучше сделайте крюк, напрямую идти нельзя, под мину угодите.

– Разберусь, – с достоинством ответил комиссар.

Но к совету прислушался. Сделал без особой нужды огромный крюк в сопровождении Воронкова. Тот вернулся часа через полтора, усталый, но довольный. Теперь в политотделе знают, как тяжело приходится политрукам. На обратном пути Воронков сосчитал тела убитых немцев, их оказалось четырнадцать, в том числе офицер. Вернувшись, похвалил Елхова за умело проведенный бой. При этом поглядел на отличные швейцарские часы, доставшиеся комбату от мертвого немецкого офицера.

– Целый взвод уничтожили, – сказал Воронков.

– Взвод – это сорок солдат, в крайнем случае, тридцать. А здесь всего отделение.

– Тоже неплохо.

Старший политрук чувствовал себя обойденным. Черт с ними, трофеями, хотя долгозвонный штрафник мог отдать ему швейцарский хронометр. Мог, но не захотел. А ведь Воронкову предстоит подписывать представление на снятие судимости и возвращение офицерского звания. А если политрук роты сочтет, что оснований для этого нет? Бывший капитан неплохо сработал, но кровью вину не искупил. Значит, не время ему выделываться и строить из себя командира.

Тем временем проникательный особист Стрижак поманил пальцем Надыма и весело предложил:

– Чего прячешься? Выкладывай трофеи. Хотел мне их отдать, да постеснялся, так, что ли?

– Хотел, – согласился уголовник и с натяжкой усмехнулся. – Желаю внести в фонд обороны.

С этими словами выгреб из карманов пачку разломаченных немецких марок и советских червонцев, массивный золотой перстень и колечко попроще. Деньги особист спрятал в полевую сумку, а перстень с монограммой на печатке внимательно рассмотрел.

– Ценная штука, можно пулемет купить. Выходит, ты, штрафной боец, пулемет у Красной армии украл?

Лицо Стрижака, загорелое, с ранними склеротическими жилками у глаз, налилось багровым. Внешнее добродушие уступило место жестокой властности. Он с полминуты раздумывал, как поступить дальше, и никто не посмел прервать молчание. Застыл уголовник Надым, догадываясь, что жизнь висит на волоске, убрал всегдашнюю улыбку Воронков, а командир роты Митрохин отвел глаза. Лишь упоенный победой Елхов, чувствуя себя прежним комбатом, продолжал смело смотреть в глаза Стрижаку.

Особист в майорской форме (он имел какое-то специальное звание) обрушил свой гнев на Елхова:

– Сборище мародеров! Вам доверили оружие, а вы занимаетесь грабежом. Присвоили золотые часы, а ваши подчиненные не побрезговали перстнем. К чему мы придем?

Степан Матвеевич Елхов еще не понял, в какую историю влип. Брезгливо фыркая, снял часы и протянул майору.

– Заберите.

– В задницу их себе сунь! Не знаешь, как оформлять сдачу ценных трофеев? Составьте акт, подпишите и переправьте в штаб армии.

Особист Стрижак был честен в любых мелочах. Занимал должность в штабе армии, и, обладая большой властью, он не использовал ее в своих интересах. Стрижак терпеть не мог зажавшихся в буквальном смысле этого слова штабных офицеров. Вызывали брезгливость сытые полковники, молодые нахальные майоры. Они были похотливы, любили хорошо выпить и пожрать, некоторые повязли в махинациях с закупками вещевого довольствия. И это происходило в трудный для родины час.

По этой причине особиста тяготило улучшенное питание в офицерской столовой. Порой он выглядел смешно, когда отказывался от коньяка и отбивных, предпочитая выпить сто граммов плохо очищенной водки и есть кашу с жесткими кусочками говядины. Его ценили за работоспособность, цепкость, но держали подальше от штаба.

– Оформим, товарищ майор, – четко козырнул Воронков.

Стрижак перевел блуждающий взгляд на бравого политрука. Во время атаки тот находился на поле боя (хоть и позади), поднимал людей. И сейчас стоял на вершине холма в простых сапогах, с такой же кирзовой кобурой на поясе, в обычной красноармейской пилотке. Слишком шустрый политрук, брошенный за грехи на укрепление штрафной роты, раздражал особиста, но придраться было не к чему. Майор чувствовал, что несправедливо обидел Елхова, но Воронков плел свои интриги, отрезая ему путь к отступлению:

– Замечание верное, товарищ майор, – строго соглашался он. – Недосмотрели. Разберемся с мародерами по всей строгости.

Стрижак от удивления лишь мотнул головой, старший политрук уверенно занимал в роте лидерство. Сожрет ведь Митрохина, Елхова и не подавится. Слава богу, что убрался представитель политотдела дивизии. Перед ним Воронков бы еще больше старался.

– Не надо разбираться, – устало отмахнулся майор. – Ограничьтесь выговором. Слышишь меня, Митрохин?

– Слышу.

– Ну, так руководи. Ты ведь командир, а не кто-то другой.

При этих словах он глянул на Воронкова, который мгновенно заулыбался в ответ. Особист не любил политработников и поддерживал строевых командиров.

Инцидент с деньгами, золотыми часами и перстнем мог иметь неприятные последствия. Трофеи – вещь щекотливая. Захваченное оружие, вражеское обмундирование, личные вещи и продукты питания предписывалось сдавать. В отношении таких вещей, как золотые часы, кольца, драгоценности, требования были категоричными – немедленно сдавать по описи. За несвоевременную сдачу и утаивание могли возбудить уголовное дело. Стрижак по долгу службы принимал деятельное участие в формировании штрафной роты и не хотел, чтобы его детище придушили после первого успешного боя. Через несколько часов он вызвал к себе Митрохина с Воронковым. Политрук сразу заявил:

– Я вынужден отразить факт утаивания драгоценностей в политдонесении.

– Тоже мне драгоценности. Часы паршивые да кольцо ворованное.

– Там еще иностранная валюта имелась.

– В сортир сходи с этими бумажками. Ну-ка, дай почитать, чего там написал.

Стрижак был уверен, политрук не направит бумагу без согласования с ним. Так и получилось. Воронков торговался и пытался уйти из штрафной роты на прежнюю комсомольскую должность, о чем поторопился заявить:

– Может, я неправильно изложил, но какой из меня политрук? Я всю жизнь в комсомоле работал.

При этих словах Стрижак слегка удивился, какая там вся жизнь? Воронкову было двадцать шесть лет, но житейской мудрости в нем хватало с избытком. И осторожное политдонесение, если не копаться, намекало на то, что золотой перстень и часы готовились к сдаче, то есть преступный замысел отсутствовал.

– Первый бой я провел, – сказал Воронков. – Отпустите меня.

– Отпущу. Договаривайся с политотделом.

Сделка состоялась. Теперь у Стрижака были развязаны руки. Он не сожалел, если уйдет Воронков, но решительного и грамотного Елхова отпускать не хотелось. Митрохин слишком осторожничал, взводные командиры погибли или выбыли по ранению. Неизвестно, кого пришлют. Бывший комбат в компании с лейтенантом Маневичем могли укрепить роту.

Стали обсуждать, каким способом убедить Елхова и Маневича остаться. Здравомыслящий человек пойдет командовать штрафниками только в случае крайней необходимости. Маневич получил легкое ранение, это означало, что в штрафной роте его удерживают лишь мелкие формальности. Елхов остался невредимым, но суд может снять судимость за умело организованную атаку.

Звание Елхову вернут, а вот насчет должности неизвестно. Этим обстоятельством воспользовался Стрижак и взял быка за рога.

– На батальон тебя не поставят, – категорично заявил он. – Предлагаю занять должность заместителя командира штрафной роты. Я говорил с председателем суда. Лицам, не смывшим свою вину кровью, наверняка будет отказано.

– Я и забыл, что у нас суды существуют. Впрочем, спасибо за откровенность. Я все же подожду решения.

– Ждать предстоит в качестве рядового штрафника, – напомнил Стрижак.

– Потерплю.

Между тем обстановка в Сталинграде резко ухудшилась. В начале октября немцы предприняли мощное наступление, снова потеснили наши войска и в нескольких местах оседлали берег Волги. Зашевелилась вся южная часть фронта.

Свою задачу рота выполнила и даже улучшила показатели дивизии. Сообщение о взятии рубежа мелькало в сводках, упоминался уничтоженный немецкий взвод. Потери штрафников были огромные. В жестоком наступательном бою на открытой местности число убитых значительно превышало количество раненых. Потери, как обычно, никто не считал.

В другой ситуации штрафников отвели бы к месту дислокации, но остатки роты, примерно девяносто человек, сидели на холме. Многие надеялись на реабилитацию, хотя перевод в обычные пехотные подразделения мало что меняет. Сунут в маршевую роту и напрямик на Сталинград. В те дни название города являлось не только символом упорной борьбы, но и местом, откуда живыми не возвращаются. На колонны бойцов, двигавшихся к разрушенному городу, смотрели как на смертников.

По этой причине сразу отказался от перевода старшина Глухов, справедливо полагая, что хозяйственные должности в любом подразделении заполнены, и ему придется встать в строй.

Третий взвод болтался между небом и землей, не имея командира. Неожиданно легко удалось убедить лейтенанта Маневича. Его вызвали в штаб, вручили решение суда о снятии судимости, возвращении прежнего звания и без лишних слов предложили возглавить взвод. Дисциплинированный белорус козырнул и пошел принимать людей.

Елхов нехотя встал в строй, непонятно на каких правах. Стрижак плел свои интриги, бумаги о реабилитации комбата ходили по кругу. Освобождали только раненых. Иван Межуев пребывал в растерянности и считал, сколько дней осталось до окончания двухмесячного срока. Знал, что второго боя не переживет. Борис Ходырев держался более уверенно, он числился временным командиром отделения и активно помогал своему другу Маневичу.

Дня четыре жизнь на высоте текла почти мирно. Даже прекратился минометный обстрел. От этого затишья ничего хорошего не ждали, но человек довольствуется малым – не стреляют, не гонят в атаку, и то хорошо. Дни по-прежнему стояли теплые, однако ночью ударили первые заморозки. Утром, на восходе солнца, полынь была стеклянно-голубой от инея и звенела под ногами. Через час трава сделалась мокрой, задул обычный ветер, люди вылезали из нор, зевали, закуривали первые самокрутки.

Старшина с помощниками носил кашу, хлеб, воду, рассказывал последние новости. Однако затишье быстро кончилось, и этому предшествовал жестокий авианалет.

«Юнкерсы» бомбили позиции пехотного полка. Ветер сносил огромные клубы дыма и рыжей глинистой пыли. Вытянув головы, бойцы смотрели, как самолеты, включив сирены, выстраиваются в карусель для нового удара. Виднелись черные кратеры воронок, некоторые из них пересекали ломаную линию траншеи.

Вскоре стало не до ротозейства. Один из «Юнкерсов» отделился от стаи и пошел на высоту. Ахнуло так, что Бориса оглушило, горло забило ядовитой гарью взрывчатки. Каменная баба на вершине кургана медленно проступала из оседающих клубов, плоское лицо оставалось безучастным. За много веков не первый раз на ее глазах люди убивали друг друга.

Наши самолеты не появлялись, «Юнкерсам» никто не мешал. Спасала земля, ставшая за лето каменно-твердой. Траншеи и норы держались, лишь осыпались брустверы. Одна из бомб шарахнула в окоп с шанцевым инструментом. После налета пошли глянуть, что осталось от ломов и лопат. Кто-то из штрафников, поднимая обломок черенка и скрученное лезвие штыковой лопаты, удивленно показал на непонятный комок.

– Это что такое?

Оказалось, кусок человеческого тела. В окопе прятался боец, его разорвало. Иван Межуев увидел кисть руки и застыл от страха. Над ним невесело посмеялись.

– Чего, Ванька, испугался?

– Собирай дружка по частям.

Люди падали духом, видя, как безнаказанно действуют вражеские самолеты. Сразу трое прикинулись контуженными и просили Митрохина направить их в медсанбат. Много чего повидавший командир разобрался не хуже врача. Заставил их присесть, встать, развести руки, достать кончиком пальца нос, проделать еще какие-то манипуляции, затем объявил:

– Ты шагай в санчасть, а вы двое топайте на место.

– Как же? Голова кружится.

– Ничего, завтра утром пройдет.

Над симулянтами потешались:

– Кузьмич, он лучше всякого фельдшера разбирается.

Другие советовали:

– Чего мелочишься? Шарахни из винта в ногу, а мы подтвердим, что с самолета стреляли.

– Сам шарахай, если такой умный.

Небольшие вражеские части наступали слева и справа, обходя рубежи обороны. Выждав время, отступил полк по соседству. Сверху было хорошо видно, как пылит колонна пехотинцев, везут на лошадях орудия. Митрохин не мог дать команду на отход, опасался угодить под жесткие санкции приказа № 0227. Расстреляют к чертовой матери.

Среди штрафников усилилось брожение. Ночью исчезли трое. Митрохин нервничал, Воронкова злила неопределенность собственной судьбы. В политотделе армии лежал рапорт о его переводе на комсомольскую работу, но с подписанием тянули. Более того, позвонили и отчитали за слабую воспитательную работу.

– Что, бойцы плохо воевали? – напращивался на комплимент Воронков.

– Это не твоя заслуга. А когда люди пропадают, сразу видны недоработки. Разберись.

Воронков принялся опрашивать бойцов насчет пропавших. Елхов усмехнулся, глядя на исписанный листок.

– Бумажки до адресата надо еще донести, а вниз спускаться опасно.

Он показал пальцем на вражеского мотоциклиста, пылившего вдалеке. Иван Межуев вяло долбил лопатой, пытаясь углубить окоп. Борис Ходырев вел мотоциклиста на мушке. Смуглое лицо сосредоточилось. Ствол трофейного пулемета двигался следом за клубком пыли.

– Огонь, – негромко подсказал Елхов.

Бывший капитан не являлся командиром, но Борис немедленно нажал на спуск. Межуев, бросив лопатку, уселся по правую сторону, направляя ползущую ленту. Расстояние было великовато, однако Ходырев довольно точно укладывал очереди, пули долбили сухую дорогу, поднимали фонтанчики земли. Воронкову не нравилась самодеятельность, но приказы требовали постоянных активных действий, и он не вмешивался. Борис перехлестнул колеса, мотоцикл завиялял, свалился набок. Перед тем как нырнуть в промоину, немец погрозил кулаком русским.

– Метко стреляешь, – сказал Елхов.

– Пулемет хороший. Бьет без задержек.

Ходырев отсоединил раскалившийся ствол и заменил его на запасной. Через час прошли два звена «Юнкерсов-87» в сопровождении истребителей. Основная часть самолетов миновала холм, у них имелось свое задание. Истребители сбросили небольшие бомбы, которые рванули поблизости. Штрафник из расчета «максима» пытался убежать непонятно куда. Осколок вонзился ему в голову над ухом, санитары с опозданием начали перевязывать, но, судя по всему, рана была смертельная. Елхов заметил с непонятной усмешкой:

– Ну, вот, еще один кровью искупил.

Другой штрафник возрастом постарше перекрестился:

– Господи, упокой душу усопшему. Грешники мы, но прости нам грехи наши и прими покаяние, окажи милость...

Если усмешку бывшего комбата оставили без внимания, то причитания верующего встретили с издевкой:

– Нашел, где милость искать!

– Сдались мы твоему богу!

Ко всему прочему кончилась вода, которую носили за несколько километров, Митрохин послал за ней старшину Глухова и двух помощников. Группу перехватили у подножия холма и обстреляли. Глухов вернулся лишь с одним бойцом, без воды, явно напуганный, и показал пробитую флягу Митрохину.

– Гляньте, какая дырка. Если не уберемся отсюда, такие же дыры в головах заимеем.

– Куда твой боец делся?

– Вон, убитый лежит.

– Ну, хорошо, – успокоился командир роты.

Очередная смерть его совершенно не тронула. Хуже, если бы боец переметнулся к врагу, а погибших списывать легко.

Тем временем умер раненный в голову штрафник, а на юго-востоке усилилась канонада. Послали связного, он вернулся с короткой запиской ждать приказа, но приказ явно запаздывал. Митрохин хорошо понимал, что его подразделение – это не обычная стрелковая рота. Сидеть в неопределенности люди не будут. Они способны драться, а в такой ситуации лишь увеличится число дезертиров.

Из продуктов осталась крупа, но сварить ее не было возможности из-за отсутствия воды. К вечеру Митрохин послал в штаб дивизии Маневича и Ходырева.

– Я же при пулемете, – сказал Борис.

– Не убежит твой пулемет. Возьми винтовку, пойдешь с лейтенантом.

Идти предстояло километров шесть, а если делать круг от рощи, то наберется все десять. По дороге едва не наскочили на вражеский бронетранспортер. Он стоял на бугре, карауля пулеметом довольно большой участок. Теперь круг мог составить все пятнадцать километров. Сели перекурить, обсудили положение. Маневич по-прежнему держался с Борисом по-дружески, хотя стал полноправным командиром.

– Невеселые дела, Борька.

Ходырев согласился, что ничего веселого нет. Дул холодный ветер, оба замерзли и жалели, что не надели шинели. Надеялись пробежать туда-обратно, однако путь получался опасный. Бронетранспортер двинулся в другую сторону, но показались два мотоцикла. Слишком оживленными стали проселочные дороги.

– Подождем, – предложил Маневич.

Он достал из-за пояса трофейную гранату, отвинтил колпачок внизу рукоятки, потрогал шнурок с пластмассовым шариком на конце. Но вступать в бой было бы глупо. Не убежишь в степи от машин. Оба решили, что надо дожидаться темноты.

В это же время срочно снимался штаб дивизии. На повозки и немногие автомашины грузили имущество, кипы документов в мешках. Девушки-сержантки, работавшие писарями и делопроизводителями, оживленно переговаривались. Для них переезд на новое место был небольшим путешествием. На близкую стрельбу они мало обращали внимания, полуторка стояла наготове, ждали команды.

Иван Андреевич Стрижак разбирался с самострелами. Их набралось восемь человек, причем трое приболели в медсанбат из других частей. По этой причине дивизионные особы с облегчением перевалили решение вопроса на представителя особого отдела армии.

Семь человек стояли небольшой шеренгой, восьмой сидел на траве, обняв раненую ногу, тихо постанывая. Следствие в отношении их закончить не успели, а санбат срочно эвакуи-

ировали. Главврач, замотанный и смертельно уставший, проявил чудеса изобретательности, находя транспорт для раненых. Часть людей пришлось отправить своим ходом, самострелов держали до последнего.

– Погрузите их вон на ту машину, – посоветовал Стрижак.

– Нельзя. Там вывозят штабное имущество.

– Баб, что ли? Ценное имущество, ничего не скажешь.

Стрижак с раздражением воспринимал присутствие женщин в штабах. Сюда, на сытую жизнь, пробивались самые ушлые. Их работа не имела ничего общего с тяжким и опасным трудом санитарок или связисток на передовой. Теперь для них держали грузовую машину, а восемь раненых ждали своей участи.

Не так просто было решить, что делать с ними. Эвакуировать не на чем. Отправлять своим ходом? Разбегутся или пойдут сдаваться в плен. Пострелять к чертовой матери? Нельзя. Вина их еще не доказана. По этой причине отпихнулся от решения вопроса дивизионный трибунал – судьи ссылались на то, что дела для рассмотрения не готовы. Стрижак стал бегло опрашивать людей. Если во время следствия они отрицали свою вину, то теперь говорили более откровенно. Четыре человека, один за другим, признались, что стреляли сами в себя из-за растерянности и страха. Заявили, что раскаиваются и желают искупить вину.

– Чего же раньше отпирались?

– Боязно... а вдруг шлепнут.

– Эх, вояки хреновы!

– Хреновы, – соглашались самострелы. – Но сейчас осознали.

Пятый отпирался и говорил, что получил ранение в бою.

– В каком бою? – злился Стрижак. – Ты немцев ближе чем на километр в глаза не видел.

Вокруг раны имеются следы от пороха. Что на это скажешь?

– Был я в бою, – упрямо твердил мужик лет тридцати пяти.

– Детей сколько?

– Трое.

– О семье и детях ты думал, а не о родине.

– Может, и так, – уныло согласился тот.

Следующий в строю человек стоял со связанными за спиной руками.

– Это что за явление? Коммунар перед расстрелом, а я в роли палача?

– Ненадежная личность, – объяснили Стрижаку. – Рана зажила, сегодня пытался бежать.

– Воевать не хочешь?

Парень со связанными руками сказал, что хочет. Говорить иное означало бы верную смерть. Иван Андреевич внимательно разглядывал его лицо, задал несколько вопросов. Техник, работал в механической мастерской, что-то ремонтировал.

– Почему в пехоту направили?

Парень ответил уклончиво. Стрижак, имевший большой опыт расследований, спросил в лоб:

– Что в прежней части случилось?

Оказалось, самострел служил раньше в танковой бригаде, затем был переведен в пехоту.

– Какая причина? Ну, быстрее!

– Не знаю. Перевели, и все.

– Не ври. Из танкистов так просто в пехоту не направляют. Струсил?

Парень ничего не ответил, а Стрижак с растущей неприязнью продолжал разглядывать самострела. Он проявил трусость в пехотном полку, значит, и в танкистах вел себя не лучше. Особист видел вчера подбитые в бою танки. Массивные «тридцатьчетверки» и легкие «Т-60» с тонкими, почти игрушечными стволами. Машины отважно контратаковали и сгорели в степи, пораженные издали немецкими кумулятивными снарядами. Танкисты, доставленные в сан-

бат, были обожжены и умирали один за другим. Кого смогли, отправили в госпиталь, а обреченным кололи морфий или давали по желанию спирт.

– В приказе Верховного ясно сказано, что трусы и паникеры подлежат расстрелу. Что непонятно?

Эти слова были обращены к дивизионным особистам, на которых Стрижак злился больше всего. Организовали спектакль: один связанный стоит, другой обнимает раненую ногу и причитает. Трусливого техника давно надо было расстрелять, согласно приказа.

– Чего ждете?

Связанного отвели в сторону. Старший лейтенант из особого отдела дивизии выстрелил ему в голову из пистолета, в ответ зашелестел в воздухе вражеский снаряд. Кое-кто присел в ожидании взрыва, а к Стрижаку подбежал помощник начальника штаба.

– Надо ехать, товарищ майор, автомашина ждет.

Но Иван Андреевич беседовал с самострелом, пустившим себе пулю в ногу.

– Тоже в бою ранение получил?

– Сдури. А теперь каюсь.

– Почему в ногу стрелял?

– Винтовка длинная, раннего образца, вот и шарахнул через сапог. Ох, и ноет, сил нет.

– Воевать будешь после излечения?

– Буду, буду. Ты вон энтото стрельнул, теперь мы все согласные.

Убитый самострел со связанными руками лежал вниз лицом, вокруг головы расплывалось пятно крови. Помначштаба нетерпеливо топтался и глядел на часы.

– На ужин опоздать боишься?

Стрижак бросил брезгливый взгляд на полуторку. Девушки-писаря прекратили болтовню и, вытянув шеи, смотрели на майора, как кролики на удава. Он всегда мешал им хорошо жить и появлялся в самый неподходящий момент. От его взгляда хотелось убежать или сказать в ответ что-то дерзкое. Но девушки, как и их покровители из штаба дивизии, побаивались Стрижака. Сейчас это еще больше усиливало атмосферу нервозности.

– Ты вот что, капитан, – обратился особист к помощнику начальника штаба. – Погрузи в придачу к своим блядам этого раненого.

– А вы?

– Организуй повозку, я еще к штрафникам заеду. Забыли про них?

– Малость подзабыл, – признался капитан.

Шестерых самострелов повели под конвоем в тыл, седьмого втащили в кузов. От плохо обработанной ноги неприятно пахло, девушки морщили носы и отворачивались. Их неприязнь к неожиданному спутнику усилилась, когда шофер глянул на рессоры и приказал:

– Барышни, вы слишком много барахла захватили. Выбрасывайте.

– Все нужное.

– Столы, корыта ни к чему. Рессоры не выдержат.

Он энергично швырял на землю тазы, столы, такие удобные полумягкие стулья, потянулся даже к матрасам, туго увязанным в тяжеленный куль.

– А вот это не трожь! – дружно крикнули ему.

– Ну, как же, рабочий инструмент, – сплюнул водитель и занял свое место в кабине.

– Вот хам, – переговаривались девушки. – Ничего, мы ему припомним.

Помощник особиста Гена Захаров придирчиво осматривал повозку, которую им подогнали. Немцы наступали, предстояло ехать неизвестно куда. Старшему сержанту не нравилась авантюристность шефа, это было его слабое место. Вместе с тем присутствие на острие событий позволяло Стрижаку быть хорошо осведомленным. Особист пожалел, что не захватил предложенный ранее «ППШ». И для этого имелись причины.

Майор очень не любил, когда штабные офицеры носят за плечами без нужды автоматы, давая понять, что они находятся на передовой. Вышли из одного боя и готовы вступить в следующий. Между тем штаб дивизии находился в десятке километров от передовых окопов, и штабные в бой не рвались.

Автомат бы сейчас пригодился. Но все уже уехали. Осталась лишь батарея трехдюймовых пушек, которая спешно оборудовала позиции. Командир батареи, молодой лейтенант с готовностью передал Геннадию Захарову четыре «лимонки».

Боеприпасов для прикрытия имелось в избытке, но торопливо окапывающиеся бойцы выглядели подавленными. Они не понимали, для какой цели оставлены здесь. О прикрытии отступающей дивизии не могло быть и речи. В степи много дорог; враг, встретив сопротивление, просто обойдет батарею. А выбраться из окружения с пушками весом три тонны и лошадьми будет очень сложно. Батарею была уготовлена участь принять бой, нашуметь, показать лишний раз, что дивизия отважно сражается, и бесследно сгинуть. Лейтенант воспринимал приказ со всей ответственностью, но, не удержавшись, спросил особиста:

- Через сутки мне можно сниматься?
- Как фамилия?
- Бызин Саша... то есть лейтенант Бызин.
- Тебе дали конкретный срок, Бызин Саша?
- Нет, то есть да. Товарищ помначштаба приказали...

Он замаялся, потому что распоряжение о сроке отхода получил расплывчатые. Стрижак смотрел на лейтенанта сочувственно. Одинокую батарею размолотят в степи быстро, и уж сутки она точно не продержится. Однако майор не имел полномочий отменять боевые распоряжения и мог лишь посоветовать:

- Не оставляй технику врагу. Ни в коем случае.
- Так точно, товарищ майор. Можете на меня надеяться.
- Сколько же у тебя лошадей?
- Тридцать штук. По шесть на каждое орудие, ну, и для подвоза боеприпасов.
- Где ты свой табун спрячешь?
- Вон за той горкой.

Майор глянул на плоский холм и вздохнул. Здесь отсутствовали нормальные укрытия, батарею увидят издалека. Лейтенант был ровесником старшего сына особиста, пропавшего без вести полгода назад. Молодому командиру батареи, совестливому и готовому исполнить свой долг до конца, предстояла такая же участь. Он пропадет в этой бескрайней степи, даже свидетелей его гибели не окажется.

Когда повозка покинула место расположения батареи, Стрижак жалел, что не нашел теплых слов для лейтенанта, но быстро справился с минутной слабостью. Он не привык показывать свои чувства, что за сантименты на войне? Каждый должен исполнять свое дело. Артиллеристы – стрелять по вражеским танкам, штрафники – искупать свою вину в бою, какие еще нужны слова?

Иван Андреевич Стрижак начал свою карьеру в Туркестане в конце двадцатых годов. Он прибыл в качестве оперуполномоченного на заставу под городом Эсенкули на берегу Каспийского моря. Увиденное поразило.

В его родной Самаре давно наладилась нормальная жизнь, люди ходили на работу, в гости, гуляли по улицам, пили пиво на набережной и азартно обсуждали футбол. Здесь шла самая настоящая война, о которой не сообщалось. В день приезда Стрижака на заставу привезли двоих водовозов, попавших в засаду. Мертвые пограничники лежали на арбе, разутые, над желтыми опухшими лицами жужжали мухи. Командир заставы увидел растерянность на лице юного чекиста и хлопнул по плечу ладонью.

- Привыкай, тут у нас не заскучаешь.

Погибших торопливо похоронили на песчаном кладбище, а неподалеку утром следующего дня стреляли пленных басмачей. В казни заставили принять участие Ваню Стрижака, не делая скидок как новичку. Когда зарывали мертвых, у парня закружилась голова, едва не стало плохо. Он преодолел слабость и бросал широкой лопатой песок в яму.

Стрижак провел на Каспии шесть лет, пройдя жестокую школу войны, которой трудно подобрать название. Басмачи-националисты яростно сопротивлялись новой власти, и в этой борьбе обе стороны давно перешагнули всякие границы. Басмачи рубили, закапывали живыми в раскаленный песок своих соотечественников, красноармейцев и милиционеров. В ответ их вытравливали с не меньшей жестокостью.

Первые задания напоминали игру в ряженных. На караванных тропах оставляли сломанные повозки, обессиливших лошадей с ящиками патронов и гранат. Басмачи нуждались в боеприпасах и хватали наживку. Патроны с усиленным зарядом пороха вышибали при выстреле затворы, калечили людей, а запалы гранат срабатывали мгновенно, убивая наповал. Националисты перестали охотиться за боеприпасами и ослабили активность.

Еще сыпали яд в колодцы. Умирала и местные жители, но басмачи лишались воды, одурев от жажды, попадали в засады. Чекистские уловки помогали в жестокой борьбе, но победу удалось одержать, когда секретарями райкомов поставили бывших главарей самых крупных банд. В обмен на сытую жизнь они соглашались сотрудничать с советской властью.

Стрижак уезжал на новое место службы с именованным «маузером» и богатым опытом. «Маузер» он позорно утопил на переправе через Северский Донец, когда сломя голову бежали от немцев. Иван Андреевич тяжело переживал неудачи Красной армии и вывел для себя две основные причины поражений. Первая – несмотря на жестокость Сталина, в войсках отсутствовал порядок, а вторую причину мог признать с большим усилием. Люди просто не хотели воевать, придавленные нищетой и тупым подневольным трудом в колхозах. По долгу службы он знал о миллионах бойцов, сдавшихся в плен, и это заставляло его задуматься.

Но если с моральным духом Иван Андреевич поделаться ничего не мог, то с расхлябанностью боролся беспощадно. Однажды без лишних слов расстрелял начальника автомобильной службы, который трусливо бежал в тыл, оставив врагу целую колонну исправных грузовиков. В другой раз его злость обрушилась на молодого лейтенанта, вырвавшегося из окружения.

Тот рассказывал о превосходстве немецкой авиации, стремительных танках, которые били без промаха, получалось, что сражаться с врагом бесполезно. Стрижака охватила такая злость, что он опомнился, лишь когда лейтенант лежал мертвый, а сам он рассматривал пустой револьверный барабан. Возможно, парня надо было отчитать и поставить на место, но у чекиста не хватило выдержки. Мальчишеское лицо лейтенанта иногда возникало перед глазами, майор гнал мрачные воспоминания прочь.

Стрижак не щадил себя, не щадил других, но был против напрасных жертв. Поэтому сейчас гнал бричку к черту на рога, торопясь спасти от окончательного разгрома свое детище – штрафную роту. Еще им двигала обоснованная тревога: штрафники дружно побегут в плен. Занятый своими мыслями, он все же услышал треск мотоциклов и притормозил ход повозки. Получилось так, что два вражеских мотоцикла оказались между бричкой особиста Стрижака и лейтенантом Маневичем, спешившим вместе с Ходыревым в штаб дивизии за указаниями.

Стрижак и Маневич имели боевой опыт и не рвались в бой, находясь практически в тылу врага. Но если лейтенанта мотоциклисты не заметили, то повозку разглядели и развернулись в ее сторону. Все это происходило на закате, когда огромное солнце уже наполовину исчезло за вершиной дальнего холма. Утих дующий весь день ветер, над степью опускалась тишина, отчетливо слышался звук мощных моторов. Ездовой съезился и не знал, что делать. Зато не растерялся Стрижак, подхватил с соломы две «лимонки» и крикнул ездовому:

– Гони, дядя. Спасайся.

И прыгнул в пыльную жесткую полынь. Вслед за ним бросился верный Геннадий Захаров, уронил фуражку с синим околышем, снова нахлобучил и взвел затвор «ППШ».

– Гена, лежать. Только не двигайся, – возбужденно командовал майор. – Я начну, а ты следом.

– Понял, – кивал старший сержант.

Стрижак подпустил мотоциклы на пятьдесят метров. Кольцо взрывателя выдергивалось легко, секунда задержки и бросок. Гранаты взорвались возле заднего мотоцикла, передний увеличил ход и пролетел мимо, Захаров стрелял ему вслед с колена длинными очередями. Вдруг ахнул, выронил автомат и схватился за пробитую ладонь. У головного «зюндаппа» вышибло спицы, из бака вытекал бензин. Мотоциклист лежал, обняв руль, солдат из коляски убежал прочь, Стрижак азартно палил вслед из «ТТ» и мазал.

Солдат едва не столкнулся с Ходыревым, они выстрелили друг в друга, промахнулись, затем растерянно попятились. Поняли, если продолжать стрельбу с пяти шагов, то погибнут оба. Маневич тоже медлил. Вражеский солдат исчез в сумерках. Ходырев разглядел особиста и закричал, махая пилоткой:

– Это мы, товарищ майор.

Трогательной встречи боевых друзей не получилось. Стрижак сыпал злые вопросы:

– Чего шляетесь по степи? Где рота? Разбежались или в плен сдались?

Да и сама стычка закончилась не слишком удачно. Ездовой лежал рядом с убитой лошадью и монотонно повторял:

– Мамынька... умираю я... умираю.

Поясницу пробило двумя пулями, на губах лопались розовые пузыри, глаза потускнели. Гена Захаров, верный помощник, растерял бравый вид, бинтовал простреленную ладонь и при этом ругался. Рукав гимнастерки и синие командирские бриджи были заляпаны кровью. Маневич протянул Стрижаку трофейный автомат, подсумок с магазинами.

– Удачно вы мотоцикл подорвали. А рота вся на месте, сидят ждут.

Известие о том, что рота не разбежалась, немного подняло настроение. Особист принял трофейный автомат и спросил:

– Чего ж вы второго фрица упустили?

Ходырев ответил, что растерялся, а Маневич не стал рисковать жизнью парня. Борис стоял на линии огня и непременно угодил бы под пули.

– Ну и правильно, – легко согласился Стрижак, которому нравился расторопный боец.

Майор глянул на разбитое колесо, развороченный бак и пожалел, что нельзя воспользоваться «зюндаппом» для транспортировки раненого.

– Я на себе понесу, – сказал Борис Ходырев. – Здесь всего километра полтора.

– Меняться будем, – добавил Маневич.

– Да уж, ребята, несите. Я староват такие тяжести таскать.

Раненого тащили по очереди Маневич и Ходырев. Старший сержант Захаров страдал от боли в пробитой ладони и проклинал шальную пулю. У подножия холма группу обстреляли. Разноцветные трассеры неслись из темноты, разрывные пули щелкали мелкими вспышками у ног. Пришлось залечь. Пока пережидали, ездовой умер, тело оставили на склоне. Капитан Митрохин был явно растерян и вздохнул с облегчением, увидев майора.

– Готовимся к отражению атаки, – доложил он. – Или к отходу.

– Люди все на месте?

– Двое сбежали, – торопливо сказал Митрохин, опережая Воронкова.

– Сколько в наличии?

– Восемьдесят человек.

– А что думает старший политрук? Снова будет убегать?

Воронков, в отличие от командира роты, пытался всячески скрыть растерянность. Как и другие, он прекрасно понимал, что остаются два выхода: героически держаться или отступить под прикрытием ночи. В первом случае рота окажется на вершине голого холма во вражеском окружении и обречена на уничтожение. Отступить без приказа означало угодить под суд.

Он нервно заулыбался и заявил, что рота исполнит свой долг до конца, согласно приказу командования. Глаза политрука говорили другое. Надо сматываться, пока эти дезертиры и пьяницы не разбежались, какая, к черту, оборона, да еще в отрыве от своих частей.

Майор понял, Воронков, которого он всегда недолюбливал, будет надежным союзником во время отхода. Прежде всего политрук очень старается спасти свою жизнь, ему также придется отвечать за исчезновение людей, за перебежчиков. Насчет убитых не спросят, пусть хоть вся рота угробится, а вот сдачу в плен не простят никому. Кажется, этого пока не осознавал лишь командир роты.

Личный состав разделили на четыре взвода по двадцать человек в каждом. Во главе одного из взводов Стрижак поставил Воронкова, затем имел короткий разговор с бывшим командиром Елховым.

– С этой минуты исполняешь должность заместителя командира роты. Будешь находиться рядом со мной и Митрохиным. В случае чего, берешь командование на себя. Цель – вывести людей к своим.

Строптивый капитан лишь кивнул в ответ, он понял, никаких споров особист не потерпит. Отход начали через час. На холме оставался старшина Глухов с помощником. Некоторое время они стреляли из «максима», затем вытащили замок и побежали догонять остальных.

Шли без остановки. Геннадий Захаров жестоко страдал от боли в руке. Пуля перебила мелкие кости ладони, кисть опухла, бинты врезались в мясо. Тем не менее старший сержант шагал и подгонял отстающих. Один из штрафников упорно не хотел идти, сидел на обочину и заявлял, что обессилил.

– Дай пять минут, – просил он Захарова.

– Нельзя. Отстанем от роты.

– Ну и что...

– Шагай, шагай.

– Я только обмотки подтяну.

И в очередной раз уселся на обочине. Видимо, у старшего сержанта имелись на этот счет инструкции. Он выждал минуту, снова поторопил отстающего, а когда тот легкомысленно отмахнулся, молча выстрелил из автомата. Негромкий хлопок слышали все. Стрижак быстрой походкой обходил ротную колонну и доходчиво разъяснял обстановку:

– Сейчас отстают только предатели и трусы. У нас один путь – пробиваться к своим.

– Под конвоем, – продолжил Надым. – Шаг в сторону – побег. Одного уже ухлопали, кто следующий?

– А ты шагни, попробуй.

Голос особиста звучал ласково и зловеще. Пристрелит к чертовой матери. Надым замолчал и убрался в глубину колонны. Он хотел сбежать еще по дороге на фронт, но состав гнали с короткими остановками до станции Баскунчак. Двери вагонов были наглухо закрыты, их распахивали раза два в сутки, когда приносили воду и еду, и на десяток минут выпускали людей подышать свежим воздухом.

Злые, как овчарки, конвоиры (вохра, вертухаи чертовы!) открыли огонь в молодого вора, который, дурачась, отбежал дальше других. Тело толкнули сапогами, убедились, что не промазали, и отогнали остальных зеков прочь.

– Чего уставились? Жмура никогда не видели?

Снова ехали куда-то на юг. Выгрузились возле огромного соленого озера Баскунчак и объявили, что дальше предстоит идти пешим ходом. Зеки, одуревшие от недельной духоты и запертых вагонов, рассматривали унылую степь, верблюдов, погонщиков в войлочных шапках.

– Куда привезли? Здесь же пустыня.

– Стройся!

К месту дислокации двигались колонной. Вохра убралась вместе с порожним эшеленом, сопровождали бывших заключенных солдаты запасного полка. Они ценили свою службу (все же не фронт) и стерегли подопечных не менее бдительно.

Надым понял, что попал в железное колесо, которое, провернувшись, раздавит его. Он не питал иллюзий насчет перехода к врагу. Зачем умным и расчетливым немцам нужен уголовник? Он вынашивал мысль скрыться и пересидеть войну где-нибудь в большом тыловом городе. Например, в Баку или Махачкале.

Там держат верх националы, но отыщется место и чужаку. Тем более во внешности Надыма преобладали восточные черты. Мать была русская, отец неизвестно кто, кажется, вор из Казахстана. Сейчас, когда можно вырваться, дорогу опять преграждал конвой. Раздраженный, страдающий от боли в руке, здоровяк Захаров только искал, на ком отыграться. И Воронков с автоматом под мышкой бдительно следил за отстающими, шагая в хвосте колонны.

Глинистое русло давно пересохшей речки было твердым, как асфальт. На привал остановились среди сухих голубоватых маслин. По весне и в начале лета эти невысокие и густые деревья источают приторный аромат, сейчас они увядали. Кто хотел пить больше других, срывали мелкие темные плоды, лишь отдаленно напоминающие знаменитые итальянские маслины.

Впрочем, мало кто из этих людей слышал об Италии. В большинстве своем малограмотные деревенские парни и мужики, ставшие по злой судьбе штрафниками, сидели или лежали, равнодушные ко всему. Война оказалась безжалостной и неудачной, человеческая жизнь ничего не стоила, накатывало тупое безразличие. Появись сейчас враги, многие остались бы на месте. Не было желания ни драться, ни убежать. Воронков расхаживал между людьми, говорил положенные слова, они не воспринимались. Маневич расставлял посты, старшина Глухов осматривал распухшую ладонь младшего оперуполномоченного Захарова.

– Спирта нет, – рассуждал он. – Чистотел здесь тоже не растет, остается смачивать бинт мочой.

– Бросьте эту дурь, – недовольно заметил Стрижак и достал из полевой сумки пузырек с остатками одеколона. – Вот, на две перевязки хватит.

Вместе с Митрохиным и Елховым он рассматривал карту, негромко споря, какой маршрут лучше избрать. К востоку голубой прерывистой цепочкой тянулись Сарпинские озера. Пожалуй, единственная преграда на пути немецких войск к Волге. Наверное, там создавалась новая линия обороны. Пришел политрук Воронков, снял сапоги, истлевшие портянки и с наслаждением пошевелил босыми пальцами.

– Зря ты ноги не бережешь, – снова оторвался от карты Стрижак. – Привык в комсомоле на кровати спать да при штабе околачиваться. А здесь воевать надо, походы совершать.

– Ходили мы походами, – с усилием произнес слова популярной песни политрук и невесело усмехнулся.

Политическая активность, замешанная на болтовне и лицемерии, вытравили у Виктора Воронкова нормальные человеческие чувства. Он давно превратился в молодого демагога, цепко идущего наверх. Его забрали с последнего курса университета в военно-политическое училище. Воронков неплохо проявил себя, быстро вырос до помощника начальника политотдела стрелкового корпуса по комсомольской работе. Должность, на которой можно пройти всю войну, совершенно не испытав ее тяготы.

Он даже получил боевую награду, медаль «За отвагу». Ее вручали за личную храбрость и реже всего политработникам. Однако Виктор Васильевич быстро понял суть войны, заимел

нужные связи в наградном отделе и после рядового визита в передовой стрелковый полк стал обладателем боевой медали. Он убедил себя и других, что, действительно, проявил мужество. Пробирался в темноте по каким-то траншеям, видел россыпи трассирующих пуль, а стены блиндажа, где он выступал перед комсомольцами, дважды сотрясались от беспокоящего огня немецкой гаубичной батареи.

Начальник политотдела ласково похлопывал его по плечу, молодец, Виктор Васильевич, умеешь находить зажигательные слова для людей, проводить горячие комсомольские собрания. И в армейской газете печатались небольшие емкие статьи Воронкова с заголовками «Отомсти, боец!» или «Бить врага – это главное».

Но действительность ставила на пути к карьере неожиданные преграды. Однажды Воронкову с трудом удалось выбраться из попавшего в окружение полка. Две тысячи бойцов и командиров просто исчезли, пропали партийные документы и знамя. Когда политрук рассказывал о своих злоключениях, его несправедливо обидели:

– Ты бы бланки партбилетов догадался сжечь. Или спешил очень... жизнь свою спасал?

Затем прицепились к пустому случаю с беременной связисткой из штаба. Ее следовало демобилизовать, однако та знала шифры, и отпускать сотрудницу неизвестно куда особый отдел не соглашался. Воронкову, как отцу будущего ребенка, предложили узаконить отношения и найти для беременной женщины безопасное место в тылу. Виктор Васильевич лишь на минуту представил появление деревенской девки в ухоженной квартире родителей, реакцию образованной мамы и попытался выскользнуть из ситуации.

Вот тогда они и столкнулись с особистом Стрижаком. Майор припомнил ему трусливое бегство из окруженного полка, настроил против Воронкова начальство, и тот загремел на укрепление вновь созданной штрафной роты. Провожали с лицемерной торжественностью, роту называли штурмовой, там требовался энергичный политрук, который может повести за собой оступившихся людей. А в глазах читалось злорадство – понюхай, чем окопы пахнут.

Неважный запах имели окопы. Ворочаясь на соломенном матрасе, в углу грязной комнаты, Виктор Васильевич вспоминал обустроенный штабной быт. Ночью, выходя по нужде, надо было смотреть под ноги, иначе вляпаешься в свежую кучу. Штрафники, грубые и необразованные люди, ленились дойти до уборной и садились по нужде где попало. Не с кем было даже поговорить по душам. Командир роты Митрохин не разбирался ни в книгах, ни в музыке, а взводные лейтенанты умели только выкрикивать команды. Кормили безобразно: сплошная каша, липкий хлеб, вызывающий изжогу, вода вместо чая или компота. Однажды он намекнул Митрохину, что для руководства следовало бы готовить отдельно. Туповатый вояка поморгал и ответил:

– Нам с людьми в бой вместе идти. Значит, и жрать должны из одного котла.

Первая же атака обрушила на Воронкова чувство безысходности. Он видел, как трупы штрафников усеяли склоны холма. Люди падали, словно оловянные солдатики, оказывается, жизнь на передовой обесценивается до нуля. Не меньший страх вызывали тяжело раненные. Старшина Глухов безошибочно определял:

– Этот померет... этот еще помучается.

– Что, и в госпитале не помогут?

– Кто же ему поможет? – усмехался выпивший старшина. – Брюхо пропорото, вон мочевой пузырь текет.

Неуместная пьяная веселость старшины раздражала. Неужели с такой же легкостью он будет тыкать в тяжело раненного Воронкова? Такого быть не может! Политрук не должен подставлять себя под пули, для этого существуют рядовые солдаты.

За прошедшие после атаки дни настроение политрука несколько улучшилось. Во-первых, его обещали снова взять в политотдел, во-вторых, Митрохин подготовил наградные листы, весьма скромные, но Виктору Васильевичу обещали вторую медаль «За отвагу», чего он очень

добивался. Если над первой «Отвагой» посмеивались, то теперь награда будет получена заслуженно, можно смело проситься на прежнюю комсомольскую должность. Искупил старые грехи личной отвагой, что и отмечено медалью.

Стрижак облизнул сухие губы и ткнул пальцем в карту:

– Здесь неподалеку поселок Хулхута, надо глянуть, кто там, немцы или наши.

– Хулхута дальше, – возразил Митрохин, – а ближе всего Ханата. До нее километров пять.

– Могу сходить, – предложил Борис Ходырев, который на правах командира отделения сидел неподалеку от начальства.

– Большой поселок? – обернулся Стрижак.

– Десятка три домов, глянуть не на что. А вот озеро рядом с ним известное, охота хорошая.

– Ты здесь бывал?

– В командировке. Электричество проводили, а начальник участка меня на гусей брал.

– Это хорошо. Воронков, возьми Ходырева и шагай в Ханату.

– Вдвоем? – удивился политрук.

– Возьмите третьего для компании.

– Прямо сейчас идти?

– Нет, до вечера чухаться будем. Не забудьте фляги для воды и пожрать чего-нибудь принести.

Приказ показался Воронкову издевательским. Как все просто, сходи, разведай, доложи да еще воды принеси. Иди непонятно куда! Дурацкая разведка, идиотские названия – Хулхута, Ханата... А ведь сейчас день, вокруг открытая степь и враги. Шустрый командир отделения тем временем подозвал приятеля и поинтересовался у Стрижака, можно ли взять с собой трофейный пулемет.

– Не тяжело будет?

– Зато в случае чего отбиться сумеем.

– Ну-ну, действуй, орел, я на тебя надеюсь.

Виктор Васильевич с раздражением следил, как бойкий сержант обматывает вокруг пояса патронную ленту, забрасывает на плечо трофейный «МГ», а рядовой Межуев собирает в вещевые мешки фляги. Один мешок пришлось взять Воронкову. Фляги, в большинстве стеклянные, оказались тяжелыми. Политрук тихо высказал свое мнение Митрохину:

– Не разведка, а дурь сплошная.

– Зря ты автомат не почистил, – невпопад заметил капитан.

– Лучше послушай, что там гремит.

– Пушки стреляют, – глядя на северо-запад, определил Митрохин. – Обычное дело на войне. Хуже, когда тишина.

– В игрушки играем. Пулеметы, пушки...

– Иди, иди, – поторопил его ротный. – Стрижак того и гляди психанет.

– Пропади ты с ним пропадом!

Воронков со злостью плюнул и двинулся впереди своей маленькой группы. Смуглый, а может, просто чумазый сержант Ходырев шел следом. Рядовой штрафник Межуев, горе-разведчик, шагал с туго набитым вещмешком и винтовкой за плечом. Последние дни он не брился, рыжеватая щетина спуталась в редкую бородку, один ботинок был замотан телефонным проводом.

– Господи, вот убожество, – шептал политрук.

На северо-западе продолжало греметь.

Там доживала свой последний час противотанковая батарея. Артиллеристы неплохо встретили рано утром наступавшую вражескую колонну. Трехдюймовые орудия засыпали ее градом точных снарядов. Подбили легкий бронетранспортер и танк «Т-3». Пока вражеские

машины разворачивались в боевой порядок, размолотили грузовик с солдатами. Это оказалась самая болезненная потеря. Снаряд разорвался позади кабины, убил, искалечил целое отделение, с трудом вытащили контуженного офицера.

Затем удача от артиллеристов отвернулась. Их накрыли минометным огнем, одну за другой разбили три пушки. Немцы сумели погасить и оттащить в безопасное место горевший танк. Командир штурмового отряда смотрел в бинокль на окутанные пылью русские позиции, где виднелись вспышки выстрелов. Одинокое орудие продолжало выпускать снаряд за снарядом.

Досадная получалась задержка. Вышел из строя танк, горел дозорный бронетранспортер, а вокруг обломков грузовика лежали тела немецких солдат. Заканчивались мины, пускать в лобовую атаку другие танки офицер не хотел. По его команде опытный командир тяжелого танка выпустил пять снарядов в то место, где пыльное облако рассекали вспышки.

Громоздкая русская трехдюймовка стояла исцарапанная осколками, от раскаленного ствола несло гарью. Полчаса назад командир батареи Бызин Саша отправил на артиллерийских упряжках раненых, теперь следовало спасаться уцелевшим людям. Нечем было взрывать пушки, с одной сняли замок, на второй казенник заклинило, замок не поддавался.

– Уходим, товарищ лейтенант.

– Нельзя технику оставлять, – бормотал контуженый командир батареи, ковыряясь в замке.

Бызин знал, если останется жив, с него обязательно спросят за материальную часть. Не находя выхода, он принялся забрасывать пушку ручными гранатами. Осколки звякали о металл, сыпалась краска, слегка погнуло щит. Немцы с интересом наблюдали за взрывами на батарее, даже прекратили огонь. Лейтенант в отчаянии воскликнул:

– Ребята, уходите... мне все равно пропадать.

Он закончил артиллерийское училище за год до войны, быстро вырос до командира батареи, но дважды попадал в окружение. Не сумев отчитаться за оставленную технику, летом под Котельниковым едва не угодил под суд. Сейчас лейтенант снова чувствовал свою вину и лихорадочно придумывал способ уничтожить орудия. Надо подтащить ящик со снарядами и поджечь его. Или стрельнуть из противотанкового ружья. Он даже потянулся к брошенному ружью, но командир взвода управления тянул его за плечо.

– Не сходи с ума, Сашка! Сматываемся, пока живые.

– Надо стрельнуть.

Тогда комбата подхватили на руки, посадили на уцелевший орудийный передок и погнали упряжку прочь. Человек пять пушкарей пристроились рядом, остальные бежали следом. Вид убегающего врага мог посмешить победителей, но командиру немецкой штурмовой группы было не до смеха.

Срывались сроки наступления, предстояло хоронить погибших, грузовик набили ранеными и срочно отправили в тыл. Потери были обидные, погибли и получили тяжелые ранения подготовленные бойцы из штурмового батальона, которых нечем заменить. Обида офицера была столь велика, что он без колебания приказал расстрелять захваченных в плен троих артиллеристов. Кому нужны пленные, оказавшие такое упорное сопротивление?

Отряд лишь к полудню двинулся дальше. Батарея не сумела продержаться до вечера, как это предписывалось. Большая часть артиллеристов погибла и осталась на позициях, изрытых воронками. Отдельно лежали трое расстрелянных, малая часть под командованием лейтенанта Саши Бызина спешно выбиралась к своим. Командир батареи тащил в мешке орудийный замок. Доказательство, что он не бросил технику врагу.

Две громоздкие пушки, побитые осколками, стояли, как памятник. Немецкий офицер проводил их рассеянным взглядом с высоты танковой башни. Вокруг лежала солончаковая безводная степь, ветер гнал шары перекасти-поля, верблюжьей колючки. Гусеницы вязли в крас-

новой почве: смесь глины и песка. Разве здесь будет что-то расти, кому нужна эта дикая равнина?

Где-то впереди была Волга, до нее можно добраться к вечеру. Так думали и те солдаты, которых похоронили час назад. Грустно остаться в таком тоскливом месте навсегда.

Высохшее за летние месяцы озеро Ханата густо поросло камышом. По берегам тянулись заросли красноватой мясистой травы, признак соленой почвы. Крошечный поселок разбросался по склонам пологой возвышенности. Небольшие дома из кизяка, глины, такие же сараи, истоптанная бараньими копытцами земля. Сначала наблюдали, затем бросились к колодцу. Пить хотелось до того, что не шевелились языки. Длинная кожаная веревка вместо цепи разматывалась бесконечно, ведро поднимали еще дольше.

– Пейте, товарищ политрук, – вежливо предложил Борис.

Воронков сделал один, другой жадный глоток, с руганьем выплюнул.

– Соленая...

Ходырев отпил и не согласился.

– Нормальная вода. Здесь лучше не бывает.

И снова припал к краю ведра. Вдоволь напился и Ваня Межуев. Стали быстро развязывать вещмешки, чтобы достать фляги, но Воронков настаивал:

– Давайте поищем хорошую воду.

Тем временем возле крайнего дома появились двое калмычат в суконных халатиках и круглых шапках. Вслед за ними вышла женщина небольшого роста с черной косой.

– Немцы есть поблизости? – спросил Борис.

Воронков не сразу понял смысл ответов. Женщина произносила слова с сильным акцентом, он уловил лишь название Цаган-Нур.

– Так местные Сарпу называют, – пояснил Ходырев, – немцы пока на той стороне озера.

Мальчишки приблизились, стали с интересом рассматривать пулемет. Тем временем Борис чертил на глинистой земле подобие карты и продолжал задавать вопросы женщине. Она улыбалась, и Воронков подумал, они похожи друг на друга: смуглый сержант Ходырев и калмычка из заброшенного поселка Ханата.

– У вас есть вода? – спросил политрук.

Он показывал жестами, что очень хочет пить, энергично двигал губами, подносил ко рту воображаемую кружку. Наверное, так разговаривали с туземцами европейские мореплаватели. Женщина бросила на него странный взгляд.

– Мы набираем воду из того же колодца. Другой у нас нет.

Несмотря на характерный акцент, она выговаривала слова правильно.

– Я бы купил молока.

Женщина на несколько секунд задумалась, а Ходырев упрямо тянул ее за рукав халата и показывал линии на земле, изображавшие план местности. Оставив без ответа вопрос Воронкова, продолжала объяснять и даже улыбалась парню. Затем они заспорили, Борис стер носком сапога карту и напомнил просьбу политрука.

– Сейчас принесу, – сказала женщина.

Воронков огляделся вокруг. Поселок показался ему убогим и жалким. Здесь почти не росло деревьев, отсутствовали огороды, не было заборов. Выгоревшая унылая степь, мутное обмелевшее озеро и столбы пыли, поднимаемые ветром. Небольшого роста всадник остановился поодаль, приближаться не стал. Из соседнего дома выглядывала старуха, подошли еще двое детей. Ну, вот, устроили демонстрацию! Воронков занервничал.

– Чего они уставились?

– Новые люди редко появляются, интересно им, – ответил Борис.

– А смотрят волками.

– Чему радоваться? Кто приходит, обязательно что-то отбирает.

- У них брать нечего, огородов, и то нет. Ленъ землю обрабатывать.
- Солончаки, ничего не растет, кроме арбузов.

Женщина вынесла молоко в ведре, Воронков жадно выпил одну и вторую кружку, затем запоздало предложил спутникам. Борис пить не стал, набрал три фляги, им с Межуевым досталась всего кружка на двоих. Остальные фляги наполнили водой. Всадник поодаль вытянул руку с нагайкой и что-то гортанно крикнул.

- Угрожает, что ли? – спросил политрук.
- Он мальчишкам грозит, – засмеялась женщина, – с жеребенком играют, пугают его.
- Мы бы хлеба купили, деньги у меня имеются.
- Нет хлеба. И вообще, уходили бы вы отсюда. Немцы приедут, побьют вас.

Виктор Васильевич еще больше занервничал, оглянулся. В ушах стоял гул от непрерывно дующего ветра. Иван Межуев задрал голову и смотрел в небо, там плыли на восток тройки бомбардировщиков. Воронков заторопил спутников, а женщина с детьми выкатила к ногам бойцов несколько глянцевого темно-зеленого арбузов.

- Вот, берите.

Тащить тяжелые, как пушечные ядра, кругляши было несподручно, обратный путь занял часа полтора. Пока делили воду, молоко и арбузы, Воронков рассказывал о своих впечатлениях: жители поселка ждут немцев, отказались дать еду для бойцов Красной армии, и вообще, обстановка политически нездоровая. Митрохин всячески избегал разговоров о политике. Он имел в свое время неприятности, когда ляпнул что-то не в кон на партийном собрании. Поэтому он перевел разговор на конкретную тему – где находятся в данный момент немцы.

Оказалось, Воронков не знал местности, мог говорить лишь приблизительно. Борис Ходырев поторопился выручить политрука, снова начертил ножом схему местности и довольно толково объяснил ситуацию. Стрижак задавал уточняющие вопросы:

- А если они здесь прорвались?
- Вряд ли, там сплошная низина, влага под глиняной коркой круглый год сохраняется, да еще озера поблизости.
- А здесь?
- На этом участке могли продвинуться, но мешает русло высохшей речки. Петлять надо.
- Ты, оказывается, знаток.
- Так мое село в ста километрах отсюда.

Воронков вроде остался не у дел, пытался что-то добавить, но общие фразы никого не устраивали. Елхов, без знаков различия, в гимнастерке со следами споротых шпал, грубо оборвал политрука:

- Не мешайся. Лучше проследи, чтобы бойцы не шатались без дела.

Стрижак и Митрохин промолчали, хотя бывший капитан оставался всего-навсего рядовым штрафником, с непомерным, по мнению Воронкова, гонором. Получалось, что политрука гнали с совещания, а прислушивались к таким, как чумазый Ходырев. Воронков поплелся прочь. Люди маялись от безделья, воды хватило лишь смочить губы. Политрук рассказал о трудностях, призвал держать дисциплину. Уголовник Надым, лежавший сразу на двух шинелях, приоткрыл один глаз, снова закрыл его и попросил не мешать послеобеденному отдыху.

- Если пожрать не принесли, так хоть спать не мешайте.

Воронкова разозлило, что Надым имеет две шинели. Многие ежились под холодным ветром, не имея ни одной, а этот развалился, как барин. Но разговор закончился не в пользу политрука. Надым просто послал Виктора Васильевича подальше. Уголовника поддержали не только шестерки, но и некоторые бойцы. Настроение окончательно испортилось после ехидной реплики:

- Вам хорошо живется, товарищ старший политрук, три кружки молока опростали, а нам на донышке досталось.

Воронков задохнулся от возмущения – какая мелочность! Он, умный человек с университетским образованием, воспитывает никчемных опустившихся людей, а они упрекают его в лишней кружке молока. Не иначе, трепло Ходырев нес языком всякую чушь. На него это похоже. Воронков не нашел что ответить, лишь спросил бойца, отпустившего в его адрес реплику:

- За какие грехи в штрафники угодили?
- За отступление без приказа, – ответил мелочный боец с искривленным шрамом лицом.
- А раньше какое звание имели?
- Старший сержант.
- Стараться надо, чтобы звание вернуть. Так-то, товарищ бывший сержант.

И зашагал в направлении кучки командиров, собираясь отругать выскочку Ходырева. На полпути его догнал истошный крик часового:

- Машина... немцы... фашисты!

Майор складывал документы в полевую сумку. Капитан Митрохин вначале растерялся, его вывел из оцепенения спокойный голос особиста.

- Ну, что же вы? Распоряжайтесь...

Александр Кузьмич Митрохин не хватал звезд с неба. Имея четыре класса образования, закончил курсы красных командиров, лет шесть командовал взводом, перед войной получил роту. Его не двигали вверх, считая слишком медлительным и недостаточно инициативным. Стрижак, отвечавший за формирование штрафной роты, все же выбрал Митрохина и не ошибся. Обстоятельность и крестьянская сметливость позволили Митрохину слепить на пустом месте подразделение совершенно особого типа.

Никто толком не знал, что такое штрафная рота, а строки приказов не давали четкого понимания. Вначале ошибочно посчитали, что это вроде чистилища для забубенных душ, готовых на самые отчаянные дела. В действительности все оказалось проще. Приходили люди, осужденные за пьяные драки и воровство, отступление без приказа (а кто не отступал в 1942 году?), утерю боевого имущества. На отчаянных смертников они совсем не походили. Дезертиры в большинстве были растеряны, некоторые являлись патологическими трусами. Непонятно, за что попали в штрафники такие командиры, как комбат Елхов и лейтенант Маневич, – они могли бы успешнее воевать, оставаясь на прежних должностях.

Особняком стояли уголовники, которые воспринимали происходящее как развлечение. Митрохин угадал общую для них черту – эгоизм и любовь к себе. Никто из блатных воевать не собирался, они откровенно смеялись над командирами и готовились любыми способами уклониться от боевых действий.

Так оно и случилось, исчезали в основном блатные. Капитан не оценил степень опасности. Уголовники едва не развалили тот фундамент, что он сумел создать. Особист Стрижак жестко вмешался в ротные дела, расстрелял двоих человек и в какой-то степени восстановил порядок.

Митрохин не являлся отчаянно смелым человеком. Он согласился возглавить штрафную роту прежде всего из-за личной дисциплинированности. Приказали – козырнул и пошел выполнять. Не последнюю роль сыграло обещанное майорское звание, высокий оклад. Численность штрафной роты приближалась к полноценному стрелковому батальону. От Митрохина не требовалось, как раньше, находиться в первых рядах, а он ведь уже устал от войны, получил два ранения.

После жестокой атаки, когда угробилось две трети личного состава, а рота угодила в окружение, Александр Кузьмич мечтал получить ранение, добраться до своих, залечь в госпиталь. Господи, ну прояви милость. Разве он ее не заработал за долгие годы службы? Именно с таким настроением Митрохин услышал крик часового, а затем совет особиста немедленно начать командовать.

Прежде всего следовало выяснить, насколько велика опасность. Оказалось, что вдалеке остановились три грузовика, броневик, вылезли десятка два солдат и, судя по всему, собираются заняться земляными работами. Из этого следовало, что наших частей поблизости нет и оставаться здесь опасно. Рано или поздно саперы обследуют местность и обнаружат роту.

Возник короткий спор – дожидаться темноты или выступить немедленно. Митрохин не любил авантюрных решений и предпочел бы отсидеться, а Воронков просто боялся боя. Степан Елхов был готов пробиваться вперед немедленно, особист Стрижак его поддержал. Таким образом, в роте появились два начальника: бывший комбат Елхов и официальный командир Митрохин. Стрижак понимал опасность двоевластия и быстро распределил роли. Степану Елхову предстояло возглавить ротную колонну, а Митрохину и Воронкову обеспечить отход.

– Как же так, Александр Кузьмич? – укордкой возмущался старший политрук. – Нас фактически отстранили от командования, в хвосте будем плестись.

Свое возмущение Воронков выразил тихо, чтобы не услышал особист. Впрочем, Стрижаку было наплевать на второстепенные вещи. Он хотел во что бы то ни стало сохранить роту как боевую единицу, вывести людей и доказать – подразделение способно воевать. А подчинять себе людей и жестко командовать он умел. В настоящее время майор видел в роли командира Степана Елхова, и наплевать, что ему еще не вернули звание. Победителей не судят.

Ну, а политрук в очередной раз лицемерил, тихо высказывая свое недовольство. На самом деле Воронков готов был плестись где угодно, лишь бы не вступать в драку. А обеспечение отхода именно драку и предполагало. Не зря для прикрытия роты новый командир Елхов оставил последний станковый пулемет и включил в группу Ходырева с трофейным «МГ-42». Борис улыбнулся Воронкову:

– Ну, вот, товарищ старший политрук, опять вместе.

Виктор Васильевич окинул его странным взглядом и ничего не ответил. Старшина Глухов, которого снова назначили командиром расчета «максима», не переставал плевать и обещал, что все ротное имущество пропадет. Однако никакого имущества не существовало. Котел, посуда и остальное барахло бросили на оставленной высоте, а в заплечном мешке Прокофий Глухов хранил лишь несколько катушек ниток и бруски черного дегтярного мыла. Сейчас он вытряхивал это богатство на землю и провожал взглядом быстро уходящих бойцов.

Семьдесят человек шагали по высохшему руслу. Пунктуальный Митрохин смотрел на стрелки старых часов: группе прикрытия разрешалось двигаться в путь спустя сорок пять минут. Воронков маялся, ходил с места на место и раздражался. Ближе всех к нему находился Борис Ходырев со своим дурацким пулеметом. Воронков припомнил ему молоко и сварливо заметил:

– Не знал я, что ты сплетник.

– Вы о чем, товарищ старший политрук?

Несколько минут препирались, затем свернули самокрутки. Межуев, перебирая запасную ленту, покался:

– Это я насчет молока болтанул. Так, сдури, не подумав.

– Ерунда, – отмахнулся Воронков. – Патронов много к пулемету?

– Семьсот штук.

– Нормально.

– Он их мгновенно жрет, – подал голос Ходырев. – На один бой не хватит.

Назначенные Елховым сорок пять минут тянулись бесконечно. Воронков торопил Митрохина, но ротный командир приказы исполнял четко и коротко ответил, что еще рано.

– Александр Кузьмич, идем, пока не поздно. Кто такой Стрижак? За роту ведь ты отвечаешь, а не всякие там особисты.

– Поэтому здесь и нахожусь, – ответил твердолобый Митрохин.

Медлить дальше было опасно. Немецкие саперы ковырялись в километре отсюда, один грузовик куда-то исчез.

– Мы же потеряем роту! – воскликнул политрук.

А чумазый Ходырев снова вмешался без спроса и заверил обоих:

– По следам отыщем, я же охотник.

Капитан Митрохин избавился наконец от всяких сомнений. Может, к лучшему, что остатки роты возглавил боевой и решительный командир. А у него такая судьба, заносить хвосты, командовать небольшой группой. Он злорадно наблюдал, как политрук все больше распаляется и без конца смотрит на часы. Это тебе не на митинге речи говорить! И уверенный в себе капитан объявил по истечении положенного срока:

– Всем оставаться на местах. Ждем еще четверть часа.

Воронков лишь всплеснул руками от возмущения, но его не поддержал даже обозленный на весь мир старшина Глухов. Как сидел вместе с помощником у «максима», так и продолжал. А недоумок Ходырев даже усмехнулся, не понимая обстановки. Лишь Иван Межуев проявил тревогу, но права голоса не имел. Ему оставалось в очередной раз протереть пулеметную ленту и, вздыхая, ждать команду.

Порой считанные минуты меняют судьбы людей. Если бы группа прикрытия отошла раньше, возможно, все бы остались живы. Но ситуация стала резко меняться.

Борис Ходырев улыбался, вспоминая, как его провожали в армию. Он крепко выпил и пошел с девушкой, ожидая, что перед уходом на фронт ему разрешено все. Но этого не произошло. Девушка позволяла себя целовать, трогать грудь, но большего добиться не удалось. В конце концов, он утомился и заснул. Утром не мог вспомнить, было у них что-то или нет. Подруга спала рядом полураздетая. Борис осторожно разбудил ее. Вместо ответа девушка вздохнула:

– Теперь нам пожениться надо.

– Ну, и поженимся, – растерянно ответил Ходырев.

– Ох, и дурак ты, Борька. Тебя возле клуба ждут, в армию идти пора. Вставай, свадьба отменяется.

Вот так его напутствовала подруга. Обещала ждать, но сказано было на ходу, без особых эмоций. Не слишком надеялась она на возвращение парня. Все, кого призывали из села раньше, сгинули, даже писем от большинства не пришло. Вернулся лишь контуженый одноклассник Витюля. Он и до этого был какой-то странный, а сейчас и вовсе заговаривался. Ходил по улице желтый, худой и повторял без конца:

– Окопы рыли, а самолеты летят... у-у-у...

– Страшно было? – спрашивали его.

– Высоко летят, а звон от земли идет... у-у-у...

– Испортили парня, – плакала мать, ее утешали, пусть хоть такой вернулся, другие своих детей вообще не дождутся.

Тем временем немецкие саперы размечали линию полевых укреплений. Фельдфебель, их командир, решил еще раз объехать окрестности и кивнул солдату, приказывая сопровождать. Чешская «Шкода» катилась по проселку, сближаясь с высохшим руслом речки. Пути врагов неуклонно сближались. Ни Митрохин, ни фельдфебель, ехавший в «Шкоде», не желали схватки. Но судьба решила все по-своему.

Небольшой грузовик вымахнул на берег и остановился. Удивительно, но на расстоянии полусотни метров немецкие саперы еще не видели русских. Фельдфебель зачерпнул щепотку земли и растер ее пальцами. Глина, песок, крупинки желтой соли, в такой почве ничего расти не будет. Шофер, светловолосый, в расстегнутом кителе, задумчиво курил. Солдат в кузове, встав во весь рост, разглядывал унылую осеннюю равнину, не было видно даже человеческого следа.

Он вдруг почувствовал чей-то взгляд и, обернувшись, увидел громоздкий пулемет со щитком. Русский вроде не собирался стрелять, но солдата пробил холодный пот. Он стоял, как живая мишень, и погибнет первым, если начнется бой. Солдат мучительно раздумывал, что делать дальше. Надо оставаться спокойным... надо. Но воображение услужливо рисовало страшную картину: русский нажимает на гашетку, и пучок раскаленного металла пробивает грудь. У солдата не выдержали нервы, он молча упал на дно кузова.

От звучного шлепка встрепнулся шофер, мгновенно повернул ключ зажигания и разогнал обороты двигателя, готовясь рвануть с места. Обернулся фельдфебель, опытный вояка, никогда не суетившийся попусту. Увидел русских и, не делая резких движений, шагнул к машине.

Все происходило, как в замедленной съемке. Сапер поставил сапог на подножку, водитель включил первую скорость, не отпуская педаль сцепления. Митрохин осторожно махал ладонью – убирайтесь, мы не будем стрелять. И старшина Глухов понимал, что не надо ввязываться в бесполезную драку. Саперы не представляли для роты опасности, но лучше их не дразнить. Разойдемся мирно.

Старший политрук Воронков потерял выдержку. Он первый раз видел врага так близко. Почти в упор. Судорожно сглотнув, Воронков нажал на спуск. Длинная очередь ударила огненным клубком, громко лязгал затвор, гильзы звякали о твердую землю. Забитый пылью и вовремя не почищенный «ППШ» захлебнулся. Шофер, получивший пулю в висок, тянулся всем телом в агонии, ноги сползли с педалей, грузовик дернулся и застыл.

Фельдфебель выскочил из кабины и дал ответную очередь. Пули звякнули о щиток «максима», старшина Глухов надавил большими пальцами на гашетку. Фельдфебеля отбросило к переднему колесу, одновременно открыл огонь из трофейного «МГ» Борис Ходырев. Больше всего досталось шоферу, его било, разрывало уже мертвого, разлетелось пластмассовое рулевое колесо, вылетали клочья из сиденья.

Сапер, лежавший на дне кузова, прыгнул вниз, но сумел пробежать десяток шагов. Его расстрелял в спину Ходырев. Старшина Глухов пытался оказать помощь своему второму номеру. Покойный фельдфебель стрелял метко: две пули угодили в лицо пулеметчику. Он сидел на земле, молитвенно раскачиваясь, зажав ладонями раны, из-под пальцев капала кровь.

– Ну, зачем ты шум поднимал, Виктор Васильевич? – укоризненно выговаривал политруку старшина Глухов. – Разошлись бы, и все дела.

Воронков смотрел на него бессмысленными глазами. Неожиданно для себя он стал инициатором убийственного ближнего боя, даже кого-то застрелил. Теперь политрук с запозданием соображал, что делать дальше. Уходить, конечно, уходить. Машина дымила, фельдфебель лежал в луже крови, смешанной с маслом, вытекающим из пробитого картера. На шофера лучше было не смотреть, тело словно пропустили через мясорубку – разорванный мешок плоти и клочья слипшихся волос.

– Сматываемся, – негромко командовал Митрохин. – Глухов, вынимай из пулемета затвор. Что там с раненым?

– Доходит.

– Ну-ка, дай гляну. – Быстро осмотрел и поторопил застывшего политрука. – Шагаем, Виктор.

– А раненый?

– Раньше надо было думать, – огрызнулся старшина. – Вояка, мать твою...

Он быстро вытащил из «максима» затвор, сплющил прикладом кожух и забросил винтовку на плечо. Митрохин показал направление – русло высохшей речки. Политрук разглядывал умиравшего пулеметчика, в голове стучала мысль: «Раненых врагу не оставляют... бросать нельзя». Он не испытывал жалости к обреченному человеку, просто привык думать заученными истинами. Однако Митрохин трезво рассудил, что тащить обреченного человека ни к

чему. Штрафного бойца, не успевшего получить прощения, оставили рядом с поврежденным пулеметом.

Митрохин шагал быстро, остальные не отставали. Русло сильно петляло, идти через степь было короче, но здесь в ложбине их не было видно. Все же через полчаса немецкие саперы на легком броневике догнали группу и встали на краю обрыва. Обе стороны продолжали делать ошибки. Без нужды открыл огонь политрук, хотя группа обеспечила главное – отход роты. Ошибку сделали саперы, кинувшиеся догонять русских, чтобы отомстить за смерть товарищей. Саперный батальон почти без потерь двигался за передовыми частями, и вот когда был ясно виден конец войны, беспорядочно отступавшие большевики убили сразу трех человек.

Слишком самоуверенно выехали саперы на обрыв. словно желали поставить точку, сразу отбить охоту к дальнейшему сопротивлению. Но не учли того, что битые русские уже приобрели немалый опыт и не собирались поднимать руки. Бронеавтомобиль открыл огонь, и первые пули достались русскому капитану.

Александр Кузьмич Митрохин, вечный капитан, так и не получивший майора, угодил под смертельную очередь, не успев увидеть врага. Следом шагал политрук, но пули обошли его стороной и угодили в рядового Межуева. Остальные шарахнулись к обрыву и оказались в мертвой зоне. Команду мгновенно взял на себя старшина Глухов.

– Не сидеть... бегом вперед!

Бежал, не оглядываясь, зная, что остальные последуют за ним. В них стреляли с обрыва трое немецких солдат, мазали, злились, суетливо дергали затворы и никак не могли поймать на мушку цель. Водитель дал броневика задний ход и торопился сменить позицию. Сумеет ли он это сделать, пулеметчик в башне добил бы группу. Борис Ходырев, затравленно озираясь, поставил сошки трофейного «МГ» на земляной уступ и открыл огонь.

Пули не пробили броню, но ударили по ней, словно отбойный молоток. Водителя оглушило. Одна из пуль влетела в узкую смотровую щель, сплюснулась и больно шлепнула горячим лепестком пулеметчика. Зашипело пробитое колесо, броневик стал крениться на один борт. Машина не вышла из строя, водитель закончил маневр, но время было утеряно. Башенный пулемет ударил вслед русским с опозданием, а солдаты с винтовками пригнулись, спасаясь от ответного огня.

Спустя несколько минут они спустились вниз. Русский капитан был мертв. Один из саперов разобрал на удостоверение должность – командир штрафной роты. Значит, на этом участке воевали штрафники. А может, у Советов вообще не осталось нормальных солдат? Второй русский, судя по знакам отличия, рядовой, тяжело раненный, со страхом ждал своей участи.

Саперы открыли затвор его винтовки, понюхали казенник, пахло свежей пороховой гарью. Ивану Межуеву задали несколько пустых вопросов, которые он не понял, но на всякий случай закивал головой. Саперы собрались в кружок, закурили и стали неторопливо обсуждать, что делать с пленным.

У Ивана были перебиты ноги выше колен, вытекло много крови, надеяться было не на что. Но, как и многие в такой ситуации, он верил в чудо. Например, подойдет добрый немецкий офицер, прикажет перевязать его и отвезти в госпиталь.

Вместо доброго офицера к товарищам спустился обозленный пулеметчик. Рассказал, что пробило переднюю шину, а заменить ее нечем – продырявило и запасное колесо. Так что нечего здесь прохлаждаться, надо помогать водителю. Минуты две препирались, кому следует добить русского. Вызвался солдат помоложе, снял с плеча винтовку, остальные отошли в сторону. Хлопнул одиночный выстрел, Иван Межуев вытянулся и застыл. Спустя полчаса залатали пробитое колесо, броневик укатил.

Глава 4

Новое пополнение

Енотаевка – село над Волгой, на полпути между Астраханью и Сталинградом. Кому-то это место покажется беспросветной глушью, а для кого-то это родина. На сотни верст тянется степь, здесь начинается зона полупустыни. С обрыва видна широкая река, желтый пойменный лес, озера. В октябре в ясные дни Волга отражает синее небо, но все чаще погода становится пасмурной. Ветер с Каспия поднимает барашки волн, летят сухие листья, а вдоль улиц поселка несется облако пыли. Строевого леса в здешних краях мало, дома строят небольшие. Зато много места, улицы широкие, хватает земли для обширных огородов.

Борис Ходырев сидел на лавочке у края обрыва, разглядывал лес, неторопливо курил. С обеда получил увольнение, договаривались пойти вместе с Маневичем, но лейтенанта придержал Елхов. После гибели Митрохина и выхода из окружения бывшего комбата все же поставили командиром штрафной роты. Он подчинился и полностью погрузился в дела. Как и покойнику Митрохину, новому командиру пообещали майорское звание. Степан Матвеевич презрительно фыркнул:

– Один уже получил.

Ходырева отпустил в увольнение с неохотой – чего болтаться без дела?

– Если выпить захотел, – сказал ротный, – то вечером сто граммов получишь. Или двести.

– При чем тут выпить? – поморщился Ходырев. – Хочу прогуляться, глянуть, как нормальные люди живут.

– Приключения ищешь? Ну-ну.

Елхов был прав. Как и всякий солдат, Борис рисовал себе в увольнении всякие приятные картины. Например, встречает красивую молодуху, живет одна (в крайнем случае, с ребенком), завязывается оживленный разговор, женщина просто сражена остроумием парня, приглашает к себе в гости, они садятся за стол и так далее до самого утра.

Однако люди занимались делами, на сержанта в начищенных сапогах никто не обращал внимания. Ходырев увидел возле почты высокую девушку и задал ей пустяковый вопрос. Девушка ответила, и Борис решил взять быка за рога.

– Вас как зовут?

– Вера.

– А меня Борис.

– Очень приятно.

– И мне тоже, – расшаркался Ходырев. – Хочется после боевых дел пообщаться с красивой девушкой. Вы не торопитесь?

Оказалось, что девушка занята какими-то делами, но готова их отложить. Все начиналось неплохо, но Бориса подвела простота. Когда Вера спросила, есть ли у него подруга, он ляпнул, не подумав:

– Вообще-то есть.

– Чего же вы к другим тогда подходите? – насторожилась Вера.

Ходырев растерялся, стал объяснять, что встречались просто так, а та подруга давно не пишет и, наверное, его забыла. Получалось неубедительно. Вера отставила ногу в блестящем ботинке и заявила:

– Почему вы так плохо думаете о девушках? Надо верить людям. Возьмите и напишите ей письмо, если у вас настоящие чувства, все наладится.

– Какие там чувства, – топил сам себя Борис. – Мы всего-то два вечера встречались, а затем меня в армию забрали.

– Значит, и ту девушку обманывали. Легкомысленный вы человек, а еще комсомолец! Стыдно таким быть.

На этом знакомство закончилось. Вера пошла по своим делам, раздосадованный Борис со злостью рассуждал: «Во, дылда принципиальная. На кой черт такая сдалась!» Вскоре его остановил патруль. Младший лейтенант долго проверял документы, а лопуховатые помощники моргали и переступали с ноги на ногу.

– Вот ты штрафник, а шляешься по улице, – строго сказал младший лейтенант.

– Я не штрафник. То есть бывший штрафник.

– Какая разница, бывший или настоящий. За что в штрафную роту попал?

– За самовольный уход из части.

– Дезертир, значит?

При этих словах помощники-лопухи перестали топтаться и взяли за ремни винтовок. Ходырев коротко рассказал свою историю, но младший лейтенант, не нюхавший пороха, ему не поверил. Тем временем собрались зеваки и стали громко переговариваться. Звучали несправедливые, обидные слова: «Дезертира поймали... воевать не хочет... вот гаденыш». Лишь одна женщина пожалела Ходырева и сказала: «Он дурачок еще, не понимает ничего. Вы его строго не наказывайте». Наверное, Бориса отвели бы в комендатуру, но невесть откуда появился старшина Глухов с каптером.

Держался он уверенно, хотя и сам в прошлом являлся штрафником. Младший лейтенант даже не догадался проверить у него или каптера документы. Старшина повел разговор с патрулем на равных, даже нахально и заявил, что забирает Ходырева.

– Он не в самоволке? – уточнил младший лейтенант.

– Нет. Отпустили размяться, а он без толку шатается. Балбес.

– Балбес, – согласился командир патруля. – Забирайте, некогда мне с ним возиться.

– Спасибо. Я его воспитаю.

Ходырев задохнулся от обиды. С вороватого старшины сняли приговор просто так, без особых заслуг. А Борис сходил в атаку, чудом выжил, затем участвовал в успешном рейде. А когда рота выходила из окружения, то вместе с покойным капитаном Митрохиным прикрывал отход. У него три убитых фрица на счету, вину свою искупил полностью. Все это он выложил Глухову. Тот лишь посмеивался.

– Не кипятись, пойдем лучше выпьем.

Борис выпивать не рвался, но и отказываться не стал. Пришли на местный базар, который оказался почти пуст. Торговали семечками и мелкой сухой рыбешкой, но Глухов прекрасно знал, что к чему. Коротко переговорил с девахой, лузгающей семечки, невесть откуда взялась темная бутылка и связка вполне приличной воблы.

Пристроились на углу прилавка, рядом с торговкой. Каптер, длинный, унылого вида парень, с отвисшей нижней губой, достал из вещмешка банку колбасного фарша, полбуханки хлеба. Самогон наливали в кружку. Торговка в плюшевом жакете не переставала грызть семечки и насмешливо поглядывала на служивых.

– Чего смотришь, красивая? – подмигнул ей Глухов. – Вали к нашему шалашу, гулять будем.

– С одной бутылки не разгуляешься.

– Неси вторую, деньги есть.

В протянутой руке старшины Ходырев разглядел несколько красных бумажек по десять червонцев, четыреста или пятьсот рублей, именно столько стоил самогон. Деваха подчинилась напору Глухова, достала еще бутылку. Не отказалась от протянутой кружки, выпила, а старшина протягивал ей на кончике трофейного немецкого ножа кусочек аппетитного колбасного фарша.

И деваха выглядела аппетитно. Лет двадцати или чуть старше, с румяными щеками и слегка подведенными глазами. Она расстегнула жакет, виднелась нарядная голубая блузка, а под ней – высокая грудь. Деваха совсем не напоминала принципиальную Веру у почты. Если кавалер ей понравится, то будет с ней весело, и пойдет все по полной программе без глупых слов о любви и дружбе. А Прокофий Глухов, возрастом за тридцать лет, считай старик, ей явно нравился. Поднес еще ломтик фарша и сладко спросил:

– Как же таких красавиц по имени кличут?

– Зина.

– Зиночка, значит. А меня Прокофий. Чудо-девушка! За такую выпить не грех.

Выпили. Причем Борису старшина налил небрежно, между делом, не предложив закусь. Вился вокруг Зины, которой понравился выкидной немецкий нож с ярко-красной рукояткой и цветным изображением улыбающейся девушки.

– Портрет немецкой гретхен. Она улыбается и не знает, что ее фрица насадили на штык в здешних чудесных местах.

– Ха-ха-ха. Я, пожалуй, приму этот ножик на память. А вы не женаты, Прокофий?

– Может, да, а может, нет. Какая разница? Я и снова жениться могу, положение позволяет.

Ну-ка, выпьем за жениха и невесту.

Зина снова смеялась, принимала кружку и очередной кусок американской колбасы.

Борис опьянел от небольшой порции самогона на голодный желудок. Подступала злость. Этот яркий выкидной нож достался дружку Ване Межуеву, тот забрал его из кармана заколото того им немца. Затем ножик выпросил старшина Глухов, обещал дать за него фляжку водки, но так и не дал. Они хотели тогда выпить, очень уж тоскливо тянулись дни на чертовом холме возле поселка Деде-Ламин. И вот Вани Межуева нет, погиб в русле высохшей безымянной речки. Тем временем старшина развивал успех и командовал каптеру:

– А ну, доставай, что там у нас имеется.

Каптер, земляк Глухова, выложил на прилавок две банки тушенки и пачку сахара в синей обертке. Торговка поразилась такой щедрости, а к разгулявшемуся старшине подковылял на костыле инвалид без ноги.

– Что, выпить хочешь, браток? – спросил Глухов. – Сейчас налью. Зина, дай человеку закусить.

Протянул инвалиду кружку, а деваха подала на кончике ножа колбасу. Инвалид опрокинул содержимое, закусил и похвалил торговку:

– Богатого кавалера нашла Зинка. Не теряйся, таких нынче мало.

– А как же, дядя Игнат.

Кто действительно не терялся, так это старшина Прокофий Глухов. Он уже по-хозяйски обнимал Зину за плечи, отставил в сторону яловый сапог и, достав хорошие папиросы «Эпоха», угостил присутствующих.

– Ой, Проша, прямо в лицо дымишь, – отмахивалась торговка, забыв про свои семечки.

– Может, и ты, Зинуля, закуришь? Офицерские.

– Я не умею.

– Научу.

– Он тебя и не тому научит, – заливался подвыпивший инвалид Игнат.

– Я сама кого хочешь научу.

Судя по всему, дело у них было на мази. Старшина представил Зине своего помощника.

– Это Аркадий Сомов, мой друг.

– Приятное имя, Аркадий, – улыбалась Зина.

Заторможенный каптер еще больше отвесил губу, раскланялся. На сержанта Ходырева никто не обращал внимания. Ему наливали вместе с другими, но закуски не предлагали. Старшине, занятому любовной игрой, было не до того, сытый Аркадий не догадывался или жмот-

ничал. Опустилась вторая бутылка, инвалид курил одну за другой дармовые папиросы и хвалил по очереди то старшину, то Зину. Прокофий Глухов четко вел свою линию и предлагал продолжить застолье где-нибудь в уютном месте.

– Ой, даже не знаю, где, – раздумывала Зина. – Можно у Таньки, правда, у нее дом маленький.

– Надо мяса свежего купить, – не выпускал инициативу старшина.

– Оно нынче дорогое, не укупишь.

– Гроши есть.

Глухов достал бумажник, тоже трофейный, тронул пальцами уголки червонцев. Откуда у старшины деньги, да еще в таком количестве? Цены на продукты просто жуткие, не подступиться. Ходырева охватила такая злость, что, не выдержав, он заматерился сквозь зубы. Личный состав роты снабжался плохо. Объясняли это просто – все идет в Сталинград, где решается судьба войны.

Кормили в основном перловкой и кислой капустой, готовили селедочные щи или непонятный суп из зеленых помидоров. Хлеб привозили издалека, его не хватало, люди ходили голодные. Ходыреву стало противно, что участвует в каком-то воровском пиршестве, хотя он съел всего лишь кусочек хлеба.

– Ну, я пойду.

– Иди, – легко согласился старшина. – Вернешься в роту, не рассказывай, что я тут загулял.

В глазах его читалось другое. Он сожалел, что неосторожно показал деньги, выставил тушенку и колбасу, украденные из ротного котла. Чего там наболтает приткий сержант? Но Борис твердо заявил:

– Пей – ешь спокойно. Я не стукач.

И презрительно глянул на каптера Аркашу Сомова, рассолодевшего, губастого. Тот стоял рядом с Зиной, жрал ее глазами и расспрашивал о подруге.

– Все будет нормально, – говорила она. – Танька тебе понравится, только сам не теряйся.

– Уж не растеряюсь, – хвалился Сомов. – Я такой.

На сержанта Ходырева они не обращали ни малейшего внимания, будто он пустое место. А между тем он единственный из всех троих активно воевал, за что снова получил сержантское звание и стал помощником командира взвода. Оказывается, проходимцы ценятся гораздо выше.

Борис медленно шел вдоль улицы, злой и взъерошенный. Сомов, осужденный на два месяца штрафной роты, пришел недели полторы назад. Служил связистом, сбежал с поля боя и едва не угодил под расстрел. Потерянный и заискивающий, он стоял тогда перед Ходыревым и послушно кивал, слушая инструктаж.

– Так точно, товарищ сержант... не подведу... слушаюсь.

Старшина Глухов признал в новичке земляка и взял к себе каптером. Великая должность. В каптерке хранится ротное имущество, часть продуктов, трофеи, личные вещи бойцов. Считай, заведующий складом – сыт, пьян и нос в табаке. За считанные дни Аркаша Сомов преобразился, потухшие глаза приобрели живой блеск, ноги в крепких сапогах ступали уверенно. Он покрикивал на рядовых и перестал есть щи из селедки. Видать, хватало чего получше. Почему везет таким никчемным людям, а сержант Ходырев, воевавший и не прятавшийся за чужие спины, должен слоняться, как неприкаянный?

Борис со злостью вспомнил червонцы, которые доставал без счета старшина. У Ходырева имелось всего двести рублей, на которые ничего не купишь, разве что стакан семечек. С такими невеселыми мыслями Борис уткнулся в обрыв. Село здесь кончалось, внизу расстилась лесная пойма, виднелись озера, а километрах в двух – голубая лента Волги. Ветер срывал с одинокого тополя желтые листья, они кружились, падали на бревна, сложенные за плетнем.

Борис закурил и стал уныло рассуждать, что сам он такой же одинокий, как этот тополь, и дни летят, как сухие листья.

После выхода из окружения Борис сделал попытку уйти из штрафной роты. Он был реабилитирован, получил прежнее сержантское звание и рассчитывал попасть в саперную или инженерную часть. Имел разговор с зампотехом автомобильной роты, тот нуждался в специалисте по электричеству, но попытку решительно пресек капитан Елхов.

– Борька, ты ведь завтра командиром взвода будешь. А у нас взводы, как роты. Какое к черту электричество, я представление на «Отвагу» послал.

Пришлось подчиниться. И с лейтенантом Маневичем сдружился, стал его помощником. Старшина Глухов, по своей хамовитости, сегодня Бориса за человека не посчитал, а во взводе Ходырева уважают. Даже проштрафившиеся офицеры спрашивают совета. А может, притворяются? Борис щелчком подбросил окурочек и стал следить, как он падает с высокого обрыва.

– Ей, солдат, есть хочешь? – оторвал его от важного занятия чей-то голос.

За плетнем стоял парень в телогрейке. Порыв ветра закрутил окурочек, он ударился о стенку обрыва, заискрился. Ходырев с минуту раздумывал, затем ответил:

– Нет. Мне возвращаться пора.

– Рыба жареная, домашнее вино... пойдём.

Пришлось согласиться. К чему выламываться, если человек от души приглашает.

В Астраханской области умеют готовить рыбу, здесь она составляет главный продукт питания. В глубокой сковородке лежали целиком караси и лини, тушенные вместе с зеленью, луком и помидорами. Новый знакомый по имени Никита разлил по стаканам яблочное вино. Из-за отсутствия сахара оно оказалось кислым, как уксус. Борис с трудом одолел стакан и набросился на рыбу. Съел линя, за ним карася, поискал хлеб, чтобы макнуть в соус, но хлеба на столе не оказалось.

– Закусывай капустой, – посоветовал Никита, снова наливая кислятину. – Хлеба по две-сти граммов на карточки получаем, да и то не каждый день.

Капуста надоела в роте, а рыба понравилась. За стол присела мать Никиты, стала расспрашивать о службе. Насчет штрафной роты в селе ходили всякие разговоры, Борис, не спеша, объяснял, что это обычное воинское подразделение, сейчас идет формирование, но вскоре предстоит бой.

Пришла сестра Никиты, Катя, небольшого роста, с хорошеньким подкрашенным лицом. Села напротив, отломив кусочек рыбы, а Ходырев, желая произвести впечатление, рассказал о штурме высоты, боях и успешном выходе из окружения. Врать Борис не умел, хотя немного приукрашивал свои подвиги. Показал трофейные часы, сообщил, что его назначили помкомвзвода и представили к медали. Рассказ вызвал неожиданную реакцию. Мать Никиты пустила слезу, жалела Ходырева и назвала его несмышленным дитем. Но если хозяйка говорила от души, то Катя язвительно усмехнулась:

– Вы такой герой, аж сидеть рядом неудобно. А чего же вас патрульные дезертиром называли?

Борис за сегодняшний день натерпелся достаточно. Вначале читала мораль девушка Вера, затем, как на пустое место, смотрела на него торговка Зина, теперь выделяется раскрашенная кукла Катя. Ходырев с достоинством ответил:

– Неприятно слышать такие обидные слова. Я, как помощник командира взвода, имею право на увольнение. Могу показать бумагу с печатью.

– Ой, да брось ты, сынок, – отмахнулась хозяйка. – Хоть бы и самовольно ушел на часок, чего тут страшного?

– Я и говорю, – продолжала добивать самолюбие Бориса красивая Катя, – захотелось пошататься, а тут патруль. Вы не бойтесь, у нас на окраине тихо, патрулей нет.

– Я пойду, – поднялся Борис.

- Куда? Вон рыбка на тарелке недоеденная. Или аппетит пропал?
- Ох, и язва ты, Катька, – возмутился Никита. – Поэтому тебя парни бросают.
- Это я их бросаю.

Ходырев уже надел шинель, туго подпоясался ремнем, исподлобья глянул на девушку. Она была хороша, зеленые глаза смотрели невинно и насмешливо. Эх, зря так получилось, ведь можно было подружиться. Не везет ему сегодня.

– Прощайте, – сказал он. – Вряд ли увидимся, нас в тылу долго не держат. Не поминайте лихом сержанта Ходырева, он не самый плохой человек на свете.

Прощание получилось несколько картинным, однако последние слова тронули девушку. Она вспыхнула, хотела что-то сказать, но промолчала и отвернулась к окну. Никита набросил телогрейку и вышел проводить гостя. На дворе уже стемнело. Парень шел, припадая на ногу. Борис спросил:

- Ранили, что ли?
- Нет, еще перед войной с сеялки свалился. Переживал страшно, хромым в семнадцать лет стал, а сейчас ничего, привык. Мои ровесники все в первый год стинули, а я вот живу. Ну, прощай.

– Прощай, – крепко пожал ему руку Борис.

И зашагал по темной улице. Слабо светились небольшие окна, сырой ветер дул с Волги. А в доме, на краю обрыва, мать выговаривала дочери:

- Нельзя так себя вести. Хороший парень, при должности, зачем отталкивать?
- Ты меня, мама, посватать решила?
- А почему бы и нет. Он из наших краев, неженатый, грамотный...
- Мелкий, чумазый, – продолжила Катя. – Хватит!

В середине октября дни короткие.

– Подъем! – дурным голосом орал дневальный, которому надоело скучать, пока все спали.

За окном стояла все та же непроглядная ночь. Строились повзводно на знакомом скотном дворе, уже почищенном, годным для физкультурных и строевых занятий. За подъемом следили лично капитан Елхов или его заместитель старший политрук Воронков. Недавно вышел приказ о введении единоначалия. Комиссары и политруки стали заместителями командиров частей. Капитан Елхов мгновенно подмял под себя Воронкова и не давал ему никакой власти. А ведь совсем недавно политрук рулил сам, подчиняясь лишь политотделу. Воронков по-прежнему любил улыбаться, ничем не показывая своего раздражения.

– Веселее, чего копаетесь, – покрикивал он, – Луговой, становись в строй, не стесняйся.

Бывший капитан Луговой, громоздкий, с заплывшим лицом и густыми усами, терпеть не мог утренней зарядки, а особенно километровой пробежки по степной дороге.

– В атаку разок и без подготовки сбегая, – говорил он, – а дальше на танке воевать буду.

С первых дней Луговой делал все возможное, чтобы уклониться от будущей атаки. Пытался попасть в помощники к политруку, стать каптером или санитаром, но теплые места были уже заняты. Маневич не поставил его и в командиры отделения.

– Рыхловатый ты, вперед не побежишь, а мне людей поднимать надо.

После пробежки и зарядки следовала уборка казармы, затем завтрак. Повар приготовил перловую кашу, или шрапнель, как ее называли. Единственным достоинством в ней было то, что она горячая, ни жира, ни масла не ощущалось. Тем не менее ели с аппетитом. Затем следовал чай, сегодня он был сладким. Все удивлялись, но причину знал лишь Ходырев. После неудачной увольнительной он подошел к старшине и потребовал:

– Ты разберись со своими помощниками. Сахару граммов тридцать полагается, не меньше. Куда он девается, не знаешь?

Прокофий Глухов хорошо провел время с молодухой Зиной, сегодня вечером снова соби­рался к ней. Препятствий, кажется, не предвиделось. С новым командиром роты и политруком он ладил. Елхов хоть и не жаловал тыловиков, видел, что старшина мужик расторопный, умеет выбить положенное для роты довольствие.

В мелочи Степан Матвеевич не вникал, кроме того, любил выпить. Специально для него Глухов доставал водку. Воронков же по своей привычке предпочитал не вникать в сложные вещи, старшина подкармливал его, и этого было достаточно. Но у Глухова имелись враги: щепетильный особист Стрижак и лейтенант Маневич. Теперь лез не в свои дела сержант Ходырев.

– Я разберусь с сахаром, – спокойно ответил Глухов. – Кстати, мы получаем половинную норму, можешь проверить.

Последние слова помимо воли Глухова прозвучали как оправдание. Кто такой Ходырев, чтобы проверять старшину роты? Чай стал слаще, а третий взвод не получил теплые портянки. Первому и второму взводам выдали, а третьему и четвертому нет. Возможно, случайность. Старшина ездил на склад, но не сумел их выбить. Зато привез из рыбацкой артели две бочки каспийской селедки, чему обрадовалась вся рота. Елхов любил закусить водку ломтиком жирной селедки и хвалил хозяйственного старшину.

А Борис Ходырев вспоминал красивую Катю и ругал себя, что не смог нормально погово­рить с девушкой. Обиделся ни за что, психанул, вот и получай. Старшина Глухов, хоть и старик, а умеет вести себя с женским полом. Однако вскоре Борису стало не до Кати. Он попал в очень щекотливую ситуацию и не знал, как из нее выбраться. Ходырев в очередной раз пожа­лел, что остался в штрафной роте.

Сержантов на должность командиров отделений подбирали обычно в запасном полку. Если на офицеров можно было надавить по служебной и партийной линии, то сержанты от предложений упорно отказывались. Они прекрасно понимали, для чего созданы штрафные роты, и не видели резона кидаться в самое пекло вместе со штрафными бойцами. Удавалось уговорить или заставить немногих сержантов. Большинство отнекивались, ссылаясь на разные причины, а самые решительные смеялись в лицо Воронкову, который занимался подбором кадров.

– Вы на нас не давите, товарищ старший политрук. Мы от фронта не отказываемся, но своих оборотов сами в бой ведите.

Воронков жаловался Елхову на несознательность сержантского состава. Капитан, не видя выхода, сумел уговорить нескольких бывших штрафников остаться в роте после снятия суди­мости. Эти люди сразу оказывались в двойственном положении. Вроде не штрафники, но постоянно находятся среди них, ночуют в одной казарме, едят из одного котла. Сверху требуют дисциплину, но опасно переступить грань. Будешь слишком придираешься, можешь сгинуть в первой же атаке. Поди разберись, откуда прилетела пуля.

После занятий, жидких обеденных щей и все той же перловой каши люди отдыхали. Боль­шинство легли поспать, находиться на улице под мелким накрапывающим дождем не хотелось. Уголовники играли в карты, от этой привычки отучить их было невозможно. Ходырев вышел наружу и рассеянно побрел вдоль ограды.

Настроение было паршивое. Вчера он получил два письма, обстоятельных и унылых. Мать была неграмотная, писала старшая сестра. После обязательных поклонов от всей родни она сообщила новости. От отца уже несколько месяцев не приходило вестей, он воевал на Кавказе и последнее письмо написал из эшелона месяца четыре назад. Судя по всему, пропал без вести.

Забрали в армию младшего брата Саньку, хотя ему недавно исполнилось лишь семна­дцать лет. Учится в летном училище под городом Ахтубинском, рассказывает, что два раза в

день дают сливочное масло, а недавно получили синюю форму. Учеба продлится до весны, а затем присвоят сержантское звание и на фронт.

Ходырев усмехнулся, вот дурачок – синяя форма, звание... Сколько же их там учат? Посчитал на пальцах, получалось месяцев шесть или семь. Брат Санька был шуплый, тихий и, в отличие от Бориса, светловолосый. Если кому на летчика учиться, то Борьке. Ну, что же, до весны многое может измениться, глядишь, попрут фрицев, хотя вряд ли...

Еще сестра сообщала, что на трудовни выдали горох, а муку лишь обещают. Весной засолили много селедки, но соли не хватает, и она запаха. Если хорошенько отмочить с уксусом, то пойдет. По поводу селедки сестра забыла, что ловил рыбу сам Борька, ему дали три дня перед призывом, уладить домашние дела. Вот и уладил, селедка протухла.

Второе письмо было от девушки, которая провожала его в армию. Он прочитал послание без интереса, оно показалось тусклым и невыразительным. Да и сама девушка ушла из памяти куда-то далеко, даже лицо размылось. Борис не на шутку увлекся Катей, хотя знакомы были меньше часа и обменялись всего десятком фраз. Ну и что? Отпросится в увольнение еще раз и познакомится по-настоящему.

Воображение понесло его невесть куда. Хоть Катя и выделяется, живут они бедновато, такого жениха еще поискать надо, сто рублей до войны зарабатывал, а за тысячу можно новый дом построить. И мать Катюшки посматривала на Бориса очень любезно, понимала, что парень серьезный. А может, рано жениться? Он еще подумает, тоже мне, красавица.

От мыслей о Кате его отвлекло странное зрелище. Боец Шиленков, осужденный за дезертирство, похоже, свихнулся. Он шагал под дождем непонятно куда, заваливаясь на бок. Пола длинной шинели волочилась следом, одна рука висела едва не до земли, лицо исказила непонятная гримаса. Борис хотел окликнуть его, но услышал негромкую команду:

– Стоп. Не надо рожу строить, ты ведь не клоун, а контуженый. Ну, кто тебе поверит?

С бугорка поднялся боец переменного состава Павел Мысниченко, разжалованный старший лейтенант, и тоже заковылял, подволакивая ногу. Его лицо изображало мучительное напряжение, он опирался на приклад деревянной винтовки, с трудом перебрасывая непослушное тело. Было понятно, человек контужен и едва идет.

– Что случилось? – вырвалось у Бориса.

Оба странных бойца застыли. Минутное молчание объяснило Ходыреву смысл происходящего. Тот, который опытнее, учил молодого, как симулировать контузию. Сразу припомнился другой случай. Три дня назад пришлось срочно отправить в санчасть двоих штрафников с признаками дизентерии. Капитан Елхов заподозрил симуляцию, устроил обыск и обнаружил среди вещей мелкие кусочки хозяйственного мыла.

Ничего особенного, мыло являлось дефицитом, но стирать или мыться такими крохами было бы неподручно. Степан Матвеевич стал копать глубже, опасаясь, что роту посадят на карантин, а штабные работники и политотдельцы начнут доскональную проверку. Среди подозреваемых тогда мелькал Павел Мысниченко. Елхов пригрозил:

– Если еще кто заболит, я сам буду лечить. Больные пойдут впереди всех, хоть с обгаженными штанами.

Ходырев видел, повторяется история с первым набором, когда мутил воду уголовник Марча. Тогда не разглядел опасности покойный капитан Митрохин. Елхов более решительный человек, но и пришедшие бойцы переменного состава уже лучше разбираются в ситуации. Они знают, какая судьба постигла роту, и ничего хорошего для себя не ждут. Знают, что могут попасть под расстрел, но рискуют. Врач из медсанчасти, пожимая плечами, допускал, что штрафники симулируют дизентерию, но доказать это трудно.

– Степан Матвеевич, вы же сами знаете, питание отвратительное, вода в здешних колодцах плохая. В Волге тоже не лучше, мазут, трупы от Сталинграда плывут. Кипятите воду, в конце концов.

– У меня уже триста человек, люди прибывают каждый день. Полтонны воды я не в состоянии вскипятить.

Начавшаяся дизентерия вроде угасла, и вот снова откровенный случай симуляции. Если факт докажут, то виновным грозит такое же наказание, как самострелам. Борис уже многому научился, понимал, что выгоднее закрыть глаза на такие вещи. Но не мог преодолеть возмущения, даже безгливости.

Кто же будет защищать родину? В родном селе Ходырева погибли и пропали без вести половина мужиков, остальные воюют, и неизвестно, сколько вернется домой. Пропал отец, погибли двоюродные братья и большинство друзей, младший братишка, пацан сопливый, учится на летчика и рвется в бой. И сам Борис через неделю-две снова пойдет в атаку, а урод Мысниченко учит, как можно симулировать контузию.

– Ты что делаешь, гад паршивый! – Борис встряхнул его за воротник шинели. – А ну, встать.

Бывший старший лейтенант вскочил, вытянулся, прижимая руки по швам.

– Шутки шутим, – растерянно улыбался он. – Жизнь тоскливая, посмеяться иногда хочется.

Плохо выдавливался из него надтреснутый смех. Осужден он был за непонятные дела, вроде за трусость, а сам утверждал, что попал начальству под горячую руку. Получилось так, что на его участке подорвался на mine штабной офицер, ехавший на передовую для проведения рекогносцировки. Машина налетела на свою же мину, погибли три человека. Скорее всего, инцидент списали бы на случайность, но обозленный начштаба дивизии, потерявший хорошего помощника и новую автомашину, копнул глубже.

Мысниченко пытался свалить вину на подчиненных, но те не стали молчать и выдали следователю все, что знали. Оказалось, командир саперов посылает на постановку мин и разминирование кого попало, в том числе новичков, а сам как огня боится притрагиваться к минам, особенно немецким.

Старший лейтенант просто сломался. На его глазах подорвался опытный сержант-сапер. Мысниченко уцелел тогда чудом, решил перекурить, а сержант начал разминирование без него. Когда раздался взрыв, в трясущихся пальцах старшего лейтенанта еще дымилась самокрутка. Саперу оторвало руки, исковеркало лицо, он полз прочь, из пустых глазниц текла кровь. Кричать было просто нечем.

С тех пор Мысниченко стал бояться взрывчатки. Каждый раз в памяти всплывала та картина, сержант без глаз и рта полз мимо него, дымилась самокрутка и дымилась неглубокая воронка с оторванной рукой на краю. Из веселого заводного парня старший лейтенант превратился в патологического труса. В саперной роте начался развал, обязанности исполнялись кое-как. Взводные, глядя на своего командира, не лезли на опасные участки.

– Ты соображаешь, чем все может закончиться? – угрюмо поинтересовался Борис.

– Иди, настучи. Тогда, действительно, все плохо кончится. Ты за старание лишний угольник на петлицы получишь, а меня...

Он снова замолчал. Возможно, искал убедительные слова, хотел оправдаться, надавить на жалость, но тишину нарушил молодой штрафник Шиленков, осужденный за дезертирство. Как и сам Ходырев, он постоял на краю ямы в мучительном ожидании смерти, но получил в последний момент помилование.

– Товарищ сержант, простите. Ради бога, никому не сообщайте. Черт попутал, страшно стало, ведь из прежней роты никого в живых не осталось.

Шиленков, как многие в роте, получил кличку. Его называли Шило, хотя ничего острого, резкого в обличии и повадках не было. Обычный боец, струсивший и бежавший из учебного полка. Мягкие, безвольные черты лица, неподдельный страх в глазах. Второй раз судить не

станут. Не будут строить бойцов, зачитывая приговор, а просто отведут к ближайшему оврагу и шарахнут в затылок.

Такое уже случилось. Шиленкову по дороге в роту показали на глиняный бугор и рассказали, как безжалостный особист расстреливал штрафников за малейшие провинности.

– Сколько же здесь людей лежит? – вырвалось тогда у Шиленкова.

– Много, – припугнули его, – смотри сам сюда не попади.

Нет, Шило сюда не попадет. Он осознал свою вину и будет отважно сражаться. Не получилось. Зловещая тень Сталинграда снова лишила его мужества, а сейчас повисла угроза быстрой расправы. Его судьба зависела от обозленного смуглого сержанта, который ходил в любимчиках у начальства. Ему, конечно, поверят, а с Шиленковым церемониться не будут.

Все хорошо знали, что командир роты имел право расстреливать штрафников за невыполнение приказа или симуляцию. Елхов, как и покойный капитан Митрохин, на такие вещи никогда не шел, но каким образом он отреагирует на этот раз? Да еще едва не каждый день появляется в роте особист со своим помощником-мордворотом. Рассказывали, тот расстреливал людей по одному знаку, не вынимая изо рта папиросы. Не видя иного выхода, Шиленков рассказал все без утайки.

Как и многие штрафники, Шило уже приготовил себя к смерти. Среди вновь прибывших ходили слухи о лобовых атаках сквозь минные поля, безжалостных заградительных отрядах за спиной. Куда ни кинь, везде клин. Но неожиданно выход появился. Сначала два человека закосили под заболевших дизентерией, номер удался, оба лежали в изоляторе, а срок им шел. Продержатся неделю-другую, глядишь, и откосят от передовой.

Паша Мысниченко, добрая душа, в начале войны попал под взрыв снаряда, получил контузию и знал, как ее симулировать. Взятся обучить этому Шиленкова, просто так, из жалости.

– Не бреши, – напирал на разжалованного старшего лейтенанта Ходырев. – Откуда у тебя жалость? Ты молодых на мины посылал, гробил почем зря, а тут решил кого-то спасти.

Все было просто. Паша Мысниченко заключил с Шиленковым сделку. Дезертир обещал продать запасное белье и принести литр самогона. Кроме того, бывший старлей собирался проверить, как сработает Шиленков, и есть ли смысл закосить таким же образом самому. Дело в том, что штрафников иногда возили на причал разгружать баржи, а немецкие самолеты бомбили оживленное место почти каждый день.

Пустая возня, неуклюжие попытки любой позорной ценой спасти свою жизнь возмутили Ходырева.

– Ох, сукины вы дети, – ругался Борис. – Ну, что с вами делать?

Стукачей везде и всегда презирают. Если Ходырев сообщит об этом начальству, получится – он стукач. Если скроет, и в будущем симуляция случится, то плохо придется ему самому.

– Меньше шатался бы, спокойнее жил, – буркнул Мысниченко.

– Пошел к черту, трус поганый.

Но бывший командир роты уже понял, Борис не побежит заявлять. Да и о чем докладывать? Валяли дурака, корчили рожи, что взять со штрафников? Им не сегодня-завтра идти в свою последнюю атаку, пусть сходят с ума, как хотят, а от боя не отвертеться.

– Ладно, замнем для ясности. Только не показывайте больше свою дурь.

Разошлись вроде мирно, но помкомвзвода приобрел лишнего врага. На Ходырева косился старшина Глухов, а значит, и каптер Аркаша Сомов, теперь прибавился Мысниченко, кандидат на должность командира отделения. Почти дворцовые интриги. Каждый хотел выжить, выкарабкаться на сухое теплое место. Лейтенант Маневич заметил плохое настроение друга.

– Чего закис, Бориска?

– Так... с бабами не везет.

– Ты еще до баб не дорос. С девками целуйся.

И захохотал. Хороший парень Серега Маневич, ему бы рассказать о сегодняшнем случае. Но Борис рассказывать не стал. Наладился поваляться после ужина, отдохнуть, но прибежал дежурный по роте:

– Эй, Борька, к тебе гости.

– Кто такие?

– Хромой и какая-то девка с ним.

В груди екнуло. Неужели Никита с Катей заявили? Не может быть.

Капитан Елхов сидел в ротной канцелярии вместе с Воронковым и просматривал дела осужденных. По некоторым из них возникали вопросы. Люди сходили в атаку, ранений не получили, суд в освобождении им отказал. Но срок наказания истекал, надо было что-то решать. Он позвонил в штаб армии, которому подчинялась рота, и стал излагать суть дела.

– Действуй по закону, – перебили его.

– По закону их надо освобождать.

– Валяй, – разрешили ему. – А воевать будешь вдвоем с политруком. Кстати, ты имеешь право сам продлять срок пребывания в штрафной роте. Вот и действуй.

– Не за что им прибавлять. И потом, я не судья, чтобы приговоры выносить.

– Хватит рассуждать! Решай сам и не лезь с пустяковыми вопросами.

– Ничего себе пустяки, – злился Елхов. – Нашли вершителя судеб, верховного прокурора.

На губу посадить, это можно, а срок прибавлять...

На другом конце провода уже бросили трубку.

– Виктор, звякни в политотдел, – попросил он Воронкова. – Может, подскажут что-то поумнее.

Воронков обрадовался возможности поговорить лишний раз с коллегами, напомнить о себе и своем рапорте. Но политработники ответили невнятно, их можно было понимать как хочешь. Лично для себя Воронков также не услышал ничего интересного и разочарованно положил трубку на рычаги.

– Ну, чего там твои болтуны? – спросил Елхов.

– Ничего конкретного.

– Ладно, сами разберемся.

Кроме того, следовало назначить несколько командиров отделений из вновь прибывших штрафников. Энергичный деятельный Елхов в людях разбирался слабовато. Зачастую руководствовался первыми впечатлениями. Капитану не понравился разжалованный командир батареи Саша Бызин. Держался, по мнению Елхова, слишком уверенно и вину свою не признавал. В то же время на ротного произвел хорошее впечатление бывший сапер Мысниченко. Капитан, не задумываясь, предложил его кандидатуру.

– А что? Бывший командир саперной роты, уж отделение потянет.

– Надо проверить, – осторожно заметил Воронков, – с Маневичем посоветоваться.

Елхов сморщился, как от кислого. Он, получив по новому положению всю полноту власти, мог не оглядываться на политработников, влезавших куда надо и не надо. Елхов не терпел возражений ни с чьей стороны. На новой должности отдалился и от Сергея Маневича, который был слишком независим и мог ляпнуть неприятные вещи прямо в лицо. Скрепя сердце, позвал лейтенанта. Тот ничего не знал о случае с симуляцией, но высказал другое опасение:

– Не уверен, что он сработается с подчиненными. Проявлял трусость, людей ни во что не ставил.

– Это, возможно, домыслы. Штабной майор на mine подорвался, вот Пашке Мысниченко все грехи и вспомнили.

– Ну, давайте назначим.

– И танкиста Лугового тоже, – подсказал Елхов.

– Я против.
– Почему?
– Темный он какой-то.
– Что конкретно в нем не нравится?
– Все. Морда, усы, трусость, которую он проявил.
– Ты уж слишком придираешься, – сощурил глаза капитан. – Тебе тоже такую формулировку навесили, когда судили. Храбрым не называли, а скорее, наоборот.

Маневич хотел ответить по привычке резкостью, но сдержался. Воронков не любил взводного, по натуре он был полной противоположностью смелому и открытому лейтенанту. Когда ротный и Маневич не ладили друг с другом, Воронков чувствовал себя спокойно.

– Меня судили за отступление без приказа, – буркнул лейтенант. – Уж лучше Бызина командиром отделения назначить. Толковый парень.

– Твой толковый парень батарее немцам бросил, удирает, аж пятки сверкали. Пусть рядом воюет, а Луговой возглавит отделение. Все, разговор закончен.

– Есть, – козырнул Маневич. – Я могу идти?

– Шагай.

Сергею Маневичу не понравилось напоминание о прошлой судимости. Свою вину он искупил, получил ранение, зачем старое ворошить? Елхов менялся на глазах. После удачного взятия высоты и умелого вывода роты из окружения авторитет капитана значительно вырос. По слухам, его хвалил командир дивизии, ожидал дальнейших смелых действий и представил к ордену.

Люди прибывали каждый день, количество личного состава перевалило за триста человек. Имелось свое делопроизводство, печать, финансовая часть, недавно выделили десять повозок с лошадьми. Елхова приглашали на совещания наравне с командирами крупных подразделений. Роту называли штурмовой, приводили в пример, а капитан заявлял:

– Ударим не хуже, чем под Деде-Ламином.

При этом он забывал, какие оглушительные потери понесли при взятии высоты. Известность шла не на пользу когда-то скромному комбату. Он совершенно не посчитался с мнением Маневича, когда назначил двух новых командиров отделений. Лейтенант расстроился и хотел поделиться невеселыми мыслями с Ходыревым. Однако тот был слишком возбужден.

– Сергей, ко мне девушка пришла. Отпусти на пару часов.

– Иди к Елхову, он теперь все решает. Командиров отделений нам самолично подсунул.

Борис его не слушал, бежал в ротную канцелярию. Разрешение получил без труда, даже до утра.

– Хватит времени? – важно спросил Елхов.

– Так точно. Спасибо, товарищ капитан.

– Орел, таких надо в командиры двигать, – сказал Елхов после его ухода. – А то заелись некоторые.

Воронков понял, ротный имеет в виду Маневича, и поддержал нужный настрой командира.

– Да, лейтенант что-то не того...

Он небрежно покрутил ладонью. Если Маневича назначат заместителем командира роты, он обязательно начнет цепляться к политруку, выталкивать вперед, где привык находиться сам. От проницательного взгляда белоруса становилось не по себе, такой дурак сам угробится и тебя угробит. Однако настроение Елхова менялось из стороны в сторону, он подозрительно глянул на политрука и спросил с вызовом:

– Чего лыбишься?

– Улыбнуться, что ли, нельзя?

– Грамотный шибко, интриги за спиной плетешь. Только не помогут тебе приятели из политотдела.

– Ну, что вы, Степан Матвеевич!

– Они здесь останутся, а ты вместе со мной воевать будешь. Ох, скользкий ты, Витька... а Маневич парень правильный. Или не так?

Он угрожающе смотрел на политрука, тот не знал, что ответить. Неловкое молчание прервал старшина Глухов, который пригласил обоих поужинать.

– Пошли, комиссар, – сказал Елхов. – Надоели бумажки до черта... да и ты вместе с ними.

В комнате старшины было хорошо натоплено, на столе стояла сковорода с жареной картошкой, на алюминиевых тарелках лежало крупно порезанное сало, куски селедки. Под хорошую закуску выпили одну бутылку, за ней вторую. Глухов полез было за третьей, но командир его остановил:

– Хватит, Прокофий. Покурим, а там видно будет.

В это же время уголовники сидели возле печки, пили крепкий чай и вели неторопливый разговор. В центре внимания оставался Надым, который рассказывал о жестоком бое за высоту. Он не слишком хвастал, посмеивался над собственными страхами, но клонил историю в нужную сторону.

Получилось так, что блатные сыграли в бою едва не главную роль. Мужики позорно бежали и ложились под пулями. А когда капитан Елхов повел взвод в обход, братва себя показала. Почетную роль в своем рассказе Надым отвел покойному воренку Антохе, который проявил чудеса храбрости и погиб среди трупов убитых им фашистов. Сам Надым рубился саперной лопаткой, как шашкой, и уделал двух фашистов.

– Да, братва – это сила, – задумчиво протянул молодой вокзальный вор Мишка Кутузов.

Никто из воров не помнил его имени или фамилии. Года два назад он получил удар заточкой в лицо, которая повредила лицевую мышцу. Глаз оставался полузакрытым, отчего он и получил кличку, к которой добавляли имя прославленного полководца. Кутузов был силен физически, неразвит и очень ленив. Он любил хорошо пожрать, ему не нравились ранние подъемы и долгие занятия в поле. Вот бы посидеть у гудящей печки до конца войны...

Среди вновь прибывших наибольший вес имел уголовник с большим стажем Персюков по кличке Персюк. Он не нравился Надыму из-за чрезмерной агрессивности и не слишком умного поведения. Персюк, в свою очередь, не жаловал Надыма.

– Нечем хвалиться, – рассуждал Персюк. – Родину защищал, немца убил. Он что тебе, враг? Лучше бы порядок в роте навел. Глянь, что делают уроды.

Он показал пальцем на двоих бойцов, которые сушили на печной трубе портянки. По казарме плыл неприятный дух, да и сами бойцы выглядели неряшливо, ковырялись в грязных пальцах ног, чему-то смеялись. В этом отношении уголовники придерживались более строгих тюремных правил, предписывающих чистоту и аккуратность.

– Михаил Ларионыч, наведи ажур, – попросил Персюк. – Кроме тебя, некому. Надым все дела запустил, с фашистами сражался.

Глаз вокзального вора Кутузова приоткрылся чуть пошире. Он встал, за ним поднялись трое воров помельче. Кутузов брезгливо сорвал двумя пальцами портянки и швырнул их в лицо одному из бойцов. Затем поднял тяжелый башмак с налипшей грязью и метнул его во второго штрафника.

– Ты че, сдурел? – кричал тот, зажимая разбитую губу.

У Кутузова были больные застуженные уши, лицо выражало усталость. Словно из последних сил, он смахнул кричавшего бойца на пол.

– Уборку надо делать. Всем мыть полы!

Мелкие воры сгоняли в кучу бойцов, Кутузов распоряжался. Однако он не тронул бывших командиров и штрафников, имевших авторитет. В этот момент появился старшина Глухов, который одобрил инициативу Кутузова.

– Правильно. А ты чего, Мысниченко, сидишь? Помогай. Тебя и Лугового командирами отделений назначили, можете сержантские угольники цеплять.

Бывший командир саперной роты оживился. Весь день ждал, что Ходырев проговорится и последуют суровые разборки, а вместо этого получил неожиданное повышение.

– Эй, Шило, чего притух? Бери швабру, помогай, – весело крикнул он.

– Вот как надо, – сказал Персук, сжимая и разжимая мощные кисти рук. – Теперь пожрать бы.

Еда нашлась. Накануне украли два солдатских одеяла и дверные петли. В селе их обменяли на рыбу, подсолнечное масло и самогон. Большой поднос с жареными карасями поставили на дощатые нары, самогон наливали из чайника. Персук пригласил сержантов:

– Карасей целое ведро нажарили. Не побрезгуйте с рядовыми бойцами откусать.

Кто-то из сержантов отказался, Мысниченко и Луговой приглашение приняли. Рыба подгорела и аппетитно хрустела на зубах. Танкист Луговой, вытирая усы, тащил крупного карася, затем принял кружку самогона.

– За удачу, – подсказал очередной тост Кутузов.

– За ее самую, – смеялся Луговой.

– Хлеба нет, – вспомнил Персук. – Сходи к старшине, Мишка. Они там ужинают, небось поделятся.

Старшина выдал Кутузову за хорошо проведенную уборку полбуханки хлеба. Примолкшая рота старалась не слушать аппетитный хруст жареной рыбы. Тощий ужин, состоявший из кислой капусты и чая, давно переварился, а караси пахли домашним маслом. Бывший командир батареи Саня Бызин подшивал чистый подворотничок, рядом сидели два его артиллери-ста. Они брали пример с командира и тоже приводили в порядок обмундирование.

Разный народ подобрался в штрафной роте. Отдельно от других сидели горцы Азамов и Ягшиев, вели неторопливый разговор на своем языке. Воевать они не хотели, родные аулы находятся далеко, зачем им чужая война? Один раз они уже пытались сбежать, угодили под суд, второй раз не простят. Оба вспоминали свои дома, укрытые под огромными ореховыми деревьями, шум прозрачной горной речки, протяжную песню, которую душевно поют по вечерам девушки. Почему жизнь так жестока? Азамов в начале войны женился и родил сына, а Ягшиев не успел собрать калым. Вряд ли невеста его дождется. Пропадет он в унылой холодной равнине, и род не продолжится.

Кутузов, наоборот, чувствовал себя весело и уверенно. Брюхо было набито, самогон приятно кружил голову. Он не задумывался о предстоящих боях и по своей молодости не ощущал страха. Не зная, к кому бы еще привязаться, остановился перед нарами, на которых сидели горцы.

– Чего примолкли, абреки?

Кавказцы выдавили улыбку. Они не любили русских, а таких, как Кутузов, особенно. Хотелось есть, закончилась махорка, а нахальный парняга курил огромную самокрутку, отставив ногу в добротном сапоге.

– Что, не понимаете? Сейчас научу.

– Не надо, Мыша, – попросил старший из горцев Азамов. – Замерзли, спать будем.

– Ничего, скоро погреемся, – подбодрил их Кутузов. – В Сталинграде сейчас жарко. Оказывается, все вы понимаете и готовы сражаться. Не слышу?

– Готовы, – послушно повторили оба.

Уголовник продолжил обход огромной сырой казармы. Под камышовой крышей клубились испарения, свет нескольких керосиновых ламп освещал лица людей. Саша Бызин объяснял подчиненным, как правильно делать перебежки и ползти по-пластунски.

– Ни грамма водки перед атакой. Хотите жить и увидеть детей, рассчитывайте каждый шаг. Людей губят страх и паника.

Постепенно вокруг него собралась большая группа штрафников. Разинув рот, его слушал семнадцатилетний ординарец ротного Костя Гордеев, бойкий и расторопный парень. Кутузов тоже подошел, хотел вмешаться, но понял, что не следует. Бызин занимал раньше немалую должность командира батареи, он учит людей воевать и не позволит лезть с выходками.

Оба кавказца горячо перешептывались, они не видели выхода из тупика. Бывший танкист-ремонтник Луговой отошел от недолгого опьянения и молча сидел на нарах, привалившись спиной к стене. Пребывал в унынии и политрук Воронков, который решил перед сном прогуляться. Его не взяли в политотдел, предстояло и дальше служить в штрафной роте. Имелись свои плюсы. Один день здесь шел за шесть, накапливалось неплохое жалование, засчитывался боевой стаж. Когда-нибудь это пригодится, но удастся ли выжить? Совсем недавно Воронкова едва не бросали в атаку, как рядового штрафника, он прикрывал отход роты и мог погибнуть или попасть в плен. Такое пренебрежение к себе, опытному работнику с незаконченным высшим образованием, просто обескураживало.

Кому будет польза, если он тупо умрет, как умирают эти грубые, невежественные люди? Виктор Васильевич умел хорошо и правильно говорить. О сгоревшем отчем доме, о мужестве, о девушке, которую ты должен защитить от врагов. Мелкий дождик бил в лицо холодными брызгами, Воронков его не замечал. В кармане лежало письмо от связистки, матери его ребенка. Неграмотное, с дурацкими приветами и сюсюканьем по поводу родившейся дочери. Господи, неужели эта женщина всерьез рассчитывает, что он вернется?

Выпитая водка и беспросветный октябрьский дождь усиливали тоску. Роту еще не укомплектовали, но Воронков знал, их в любой момент могут бросить в бой. Безнадежный, не имеющий смысла, который снова унесет жизни большинства штрафных солдат. Но он ведь не штрафник? Жалость к себе выжала слезы, которые смешивались с каплями дождя. Повинуясь внезапному чувству, он вернулся в канцелярию и быстрым почерком написал три письма, которые следовало вручить после его смерти.

Самое откровенное – матери. Он сумбурно клял судьбу, начальство, безжалостно швырнувшее молодого талантливого человека в помойную яму. Более сдержанное послание для отца. Тот не всегда мог понять сына, порой считал его выскочкой, обвинял в эгоизме. Ну, что же, сын честно прошел свой путь, погиб, на память о нем пусть останется солдатская медаль.

Третье, самое короткое письмо, скорее распоряжение, адресовалось начальнику политотдела. Виктор Васильевич просил перечислить невыплаченное жалование матери, личные вещи раздать товарищам (перечислялись фамилии), а пистолет вручить одному из молодых политработников. Он так отчетливо представил собственные похороны, что невольно всхлипнул. Требовалось с кем-то пообщаться, рассказать о своих переживаниях.

Воронков пошел к Маневичу. Лейтенант чистил «ГТ», лицо было сосредоточенным и грустным. Белорус наверняка поймет его. Однако туповатый взводный выслушал сумбурное излияние молча, даже поморщился. Виктор Васильевич скомкал горячую речь, перевел разговор на тему служебной подготовки, вернулся к себе.

Он окончательно протрезвел, порвал письма и сожалел о том, что кинулся откровенничать с младшим по должности. Воронкова убаюкивал дождь, монотонный бубнеж за перегородкой в комнате, продолжалась выпивка. Он вскоре заснул. Опасность и страх смерти маячили где-то вдалеке, не сегодня и не завтра. Сон был глубоким и крепким.

Сергей Маневич почистил, наконец, пистолет, но продолжал сидеть возле тумбочки. Он размышлял о своей семье, с которой расстался год назад, и с тех пор не имел никаких известий.

Беларусь под немцем, многие партизанят, рассказывают о жестоких расправах над мирным населением. Мысли лейтенанта были простые, четкие. Ему не нравилась обстановка, сложившаяся в роте, тревожило, что многие бойцы слабо подготовлены и не имеют понятия о самых элементарных вещах. Как быстро примкнуть штык, как поставить на боевой взвод гранату и умело метнуть. Пожалел, что нет рядом Бориса Ходырева, такого же простого и понятного человека, как он сам.

Маневич вздохнул, надел португеею и, подтянув сапоги, пошел в казарму. Уголовники не спали, в воздухе стоял запах перегара, висел махорочный дым. Лейтенант знал, люди будут тайком пить, никого не отучишь от курения в казарме. Но оживление и шум после отбоя неприятно задели взводного.

– Персюков, а ну, спать.

– Не хочется...

– Сержант Луговой, почему не следите за порядком?

Раздался смешок. Танкист оторвался от своих мрачных мыслей и, привычно играя дурака, рявкнул сквозь густые усы:

– Отбой, семь секунд! Время пошло.

– Пошло время, – пел Кутузов.

Маневичу очень не понравилось, что новый сержант трется возле уголовников. Он решил поговорить об этом позже, терпеливо дожидаясь, пока все улягутся, и двинулся проверять посты.

Катя, полураздетая и возбужденная, вздрагивала от прикосновений пальцев. Она сидела с Борисом в летней кухне, одурела от бесконечных поцелуев и не знала, что делать дальше.

Катя принимала решения легко и без оглядки. Она уговорила брата пойти с ней и вызвать Бориса скорее из каприза, чем увлеченности. Сержант произвел на нее впечатление своим независимым поведением. Он не пытался за ней ухаживать, к чему красивая девушка уже привыкла и откровенно капризничала. Катя сразу поняла, Борис не на шутку увлекся ею. Может, влюбился? Девушка с привычной легкостью включилась в игру, но события поворачивались в неожиданную сторону.

Таяло ее всегдашнее равнодушие. За один вечер парень ей стал интересен, она выслушала его рассказ о жизни, и в нем не было рисовки. Война пока не задела семью Кати. Отец работал в рыболовецкой артели, старший брат покалечился и не подлежал призыву, другой брат работал на нефтезаводе в Астрахани и имел броню. Она спросила Бориса, ждет ли его кто в тылу. Тот ответил вполне искренне:

– Может, и ждет. А какая теперь разница?

– Почему же так?

– Ты что, не понимаешь?

Катя потупила глазки, отодвинулась подальше, стала застегивать непослушными пальцами блузку. Она отлично все понимала, просто хотелось и дальше поиграть в вопросы, узнать получше нового знакомого.

– У вас с ней было?

– Не получилось.

– Как это?

– Напился я, – брякнул Ходырев, и этот ответ развеселил девушку.

Она смеялась не меньше минуты, всплескивала руками. Со стороны произнесенные слова казались глупостью. Двое детей резвились, над чем-то потешались, снова начинали целоваться, а затем испуганно отодвигались друг от друга. Катя опасалась, что не сумеет справиться с собой. Созревшее тело легко поддавалось ласкам. Сегодняшний вечер мог иметь любые последствия. Но Борис чувствовал ответственность и не лез слишком настойчиво.

– Никитка двадцатого июня покалечился, – рассказывала Катя. – В больнице лежит, а тут радио сообщает, война началась. Так его допрашивали потом, не специально ли он ногу в колесо сунул. Вот глупость-то.

– Не такая и глупость, – ответил Ходырев и рассказал о сегодняшнем случае. – Один трус другого симулировать обучал. Как это?

– Стыдно, – согласилась Катя. – А ты сам не боишься?

– Конечно, боюсь. Ночью трассеры несутся, всей шкурой чувствуешь, как тебя убить могут. Словно картонку проткнут и дальше полетят. Поначалу никто не заметит, может, утром обнаружат. Я такое видел.

– О симулянтах расскажешь кому-нибудь?

– Вряд ли. У нас стукачей не любят. Может, командиру взвода сообщу, а может, и нет. Мы с ним друзья, только не хочется лишнюю обузу вешать. Дело ведь подсудное, если докажут умысел, могут и расстрелять.

Затем тема войны из разговора исчезла. Они снова принялись целоваться, пуговицы на блузке опять расстегнулись, Борис в очередной раз совладал с собой и стал рассказывать о своей семье. В голове родилась мысль сделать Кате предложение, но Борис тут же отогнал ее. Они совсем не знают друг друга, он будет выглядеть круглым дураком. На войне свадьбы не играют. Вместо этого Борис глуповато спросил:

– Мы ведь будем дружить?

– По-моему, мы уже дальше дружбы зашли.

– Меня на всю ночь отпустили.

– Нет, посидим с полчаса, и отправляйся к себе. Про меня и так сплетни ходят. Узнают, что ночевал, вообще проходу не дадут.

– Ну, и пусть, – упрямо повторял Ходырев. – Пусть попробуют.

Полчаса затянулись. В дверь кухни деликатно постучал Никита, которого послала мать. Перед этим она сказала сыну:

– Если Борька ночевать останется, пусть в твоей комнате спит.

– Боишься за Катю, мам?

– Если она что-то решит, то нас не спросит, – зевнула женщина. – Иди, разгоняй голубков.

Ей предстояло рано вставать. А Никита отметил, что мать говорит про сержанта совсем по-свойски, Борькой называет. Ходырев ночевать наотрез отказался, решительно заявил, что пойдет в роту. Шагать предстояло четыре километра, но Борис легко одолел бы и двадцать.

Они поцеловались на прощанье, договорились встретиться, и Ходырев быстро зашагал к себе.

Глава 5

Штрафные заморочки

Сергей Маневич проверял по описи оружейную комнату, или «оружейку», как ее называли. Роту могли поднять по тревоге в любой день, поэтому завезли винтовки, несколько ручных пулеметов и небольшой запас патронов. На страх и риск Елхов хранил также трофейное оружие. Сейчас Маневич не мог отыскать один из пистолетов. Если штатное оружие было аккуратно разложено по ящикам, то трофеи были просто свалены в угол. Иногда приходил в оружейку Борис Ходырев и по привычке чистил пулемет «МГ-42».

Лейтенант позвал Бориса. Насчет пистолетов он ничего не знал, оба точно не помнили, сколько их имелось. Стали советоваться, докладывать об этом ротному или нет. А что докладывать? Голые подозрения.

– Бардак, – вскипел Маневич. – Сержанты водку с уголовниками пьют, старшина с вещмешком в деревню ходит.

Составили подробную опись трофеев, но Глухов подписывать документ отказался. Маневич тут же заподозрил его в нечестности и высказал все, что думает. Старшина, в свою очередь, разозлился на взводного:

– Вы селедку жрете, не спрашивая, где я ее беру. Даром нынче ничего не дают.

Все знали, старшина по разрешению Елхова меняет списанное обмундирование на продукты для ротного котла, ходит к председателю колхоза и в рыболовецкую артель. Благое дело обернулось злоупотреблениями, Глухов не обижал в первую очередь себя и подкармливал руководство роты. Но к возможной пропаже оружия он отношения не имел. Тем не менее старшина выслушал много неприятных слов и пошел напрямик к Елхову.

Неизвестно, что он наговорил капитану, но прохладное отношение к Маневичу сменилось откровенной неприязнью. Оставалась вакантная должность заместителя командира роты, на нее прочили Маневича. Теперь вопрос о повышении отпал. Уголовники лишь приветствовали распри среди начальства, и это мгновенно сказалось на общей обстановке.

В четвертом взводе сорвали занятия по тактике, а каптера Сомова поймали с двумя парами теплого белья, которое он тащил на продажу. Сомов попал в штрафники за хищение, получил два месяца, которые собирался отбыть в каптерке. Сейчас Елхову предстояло решать, что делать дальше. Сообщать о краже кальсон глупо, не расстреливать же его за это. Сомова срочно перевели в третий взвод к Маневичу. Несмотря на свою неприязнь, ротный считал, что именно в этом взводе лучше всего поддерживается дисциплина.

В эти же дни Ходырев сцепился с Персюковым. Сержант меньше всего хотел стычки. Он уже понял специфику штрафной роты. Полного порядка здесь не наведешь, слишком пестрый и сложный личный состав, все решится само собой. Большинство погибнут или угодят в госпиталь, остальные вернутся в свои подразделения. Но отправка на передний край задерживалась, роту усиленно пополняли и держали в запасе.

Персюк раздобыл в санчасти справку о болезни. Погода в те дни стояла мерзкая, дул холодный ветер, с утра до вечера сыпал холодный дождь, по утрам температура приближалась к нулю. От полевых занятий люди старались уклониться, жаловались на болячки, но оставлять их в казарме было рискованно, безделье к хорошему не приведет.

Когда Борис заглянул в казарму, то стал свидетелем следующей сцены. Персюк, Кутузов и еще несколько человек сидели возле печки, на которой стоял чайник литров на семь. Оказалось, они пьют подогретую брагу, а закусывают воблой. Под ногами лежала большая вязка сушеной рыбы, компания с аппетитом обглаживала хребты. Персюк имел освобождение, Кутузов числился в другом взводе, поэтому Борис их не тронул. Приказал встать двоим бойцам своего взвода и показал на выход:

– Бегом на занятия!

Минуту раздумывал, что делать с брагой, затем решительно наклонил носик и вылил остатки на землю рядом с печкой. Персюк схватил его за кисть руки и сжал с такой силой, что Борис невольно ахнул. Персюку было тридцать шесть лет, он снова набрал прежние девяносто килограммов, округлились мощные плечи. Ходырев казался рядом с ним мальчишкой, хотя имел крепкие мышцы, был увертлив и ловок. Персюк оттолкнул его и задумчиво произнес:

– Ох, не доживешь ты до фронта.

Кутузов и остальные воры печально закивали:

– Не доживешь, точно.

– А парень хороший... был.

– Царствие ему небесное.

Персюк продолжал с сочувствием:

– А если и доживешь, то на переднем крае помрешь. Думай, как себя вести.

Ему опять поддакнули. Персюк сделал ошибку. Он насаждал в казарме тюремные законы, но о фронте и боевых действиях имел смутное представление. Считал, если здесь держит верх, то останется главарем и в окопах. Остальные будут воевать, а он сумеет отсидеться. Ходырев уже хорошо знал цену смерти, преодолел страх в первой атаке и не собирался уступать разожравшемуся борову.

– Кутузов, пошел на занятия! – крикнул Ходырев.

– Ты мне не командир.

Борис стащил его за воротник, гимнастерка треснула, Кутузов упирался, но делал это вяло. Он опасался открытой стычки, а Ходырев закусил удила.

– Всем на выход!

Прибежал дежурный по роте, танкист Луговой. Стал было успокаивать Бориса, но того трясло от злости, он был готов сорвать с плеча винтовку и любой ценой добиться своего. Все потянулись на выход, а Персюк демонстративно улегся на шинель и забросил руки за голову.

– Вызови дневального, пусть приберутся, – приказал он Луговому. – Быстрее, чего застыл!

Дежурный рысцой побежал исполнять команду вора.

На следующий день состоялся смотр, результатом которого капитан Елхов остался недоволен. Командир четвертого взвода Федор Колчин явно не справлялся со своими обязанностями. Люди были расхристанны, двое стояли на плацу в телогрейках, перепоясанных брючными ремнями.

– Где шинели? – грозно спросил ротный.

Бойцы мялись, пытались улыбаться, но капитан не был настроен к шуткам.

– Промотали? Пропили? Отвечать!

– Украли, – наконец выдал один из них.

При таких словах уголовник Кутузов засмеялся.

– Этого на губу, – коротко приказал Елхов, даже не оборачиваясь.

Вор попытался спорить, его бесцеремонно толкнули прикладом, сорвали хороший ремень и повели к землянке – гауптвахте. Взгляд Елхова перебежал от одного взвода к другому. Люди Маневича выгодно отличались: обувь аккуратно подшита, шинели заштопаны, старые шапки со звездочками сидели ровно. Но капитану хотелось поддеть строптивного лейтенанта. Он забыл про бойцов в телогрейках и закричал, раздувая ободранное плохой бритвой горло:

– Это что такое? Цирк, толстый клоун! Почему нарушается форма?

Палец тыкал в заметно округлившегося Персюка. Заслуженный вор очень не хотел идти на построение, но медицинская справка не помогла. Он не любил холода, под шинелью и гимнастеркой были надеты две пары теплого белья. Яловые сапоги пришлось сверху надрезать,

так как толстые икры да еще обтянутые фланелевыми кальсонами и шерстяными комсоставовскими бриджами не помещались в голенище.

Капитан пришел в бешенство. Он сам одевался весьма скромно, носил кирзовые сапоги, простую солдатскую шинель. Командирские бриджи и яловые сапоги подействовали на него как красная тряпка на быка. Персюк пытался закончить дело миром и одновременно не уронить воровское достоинство.

– Нормальная одежда, капитан. Какие могут быть претензии? – и сам себе ответил: – Нет претензий и быть не может.

Лицо Елхова побагровело. Он словно впервые увидел строй, нахальное лицо уголовника.

– Распустились! Я вам наведу порядок.

С Персюка также стащили пояс и повели вслед за Кутузовым. Сержант Луговой преданно уставился на Елхова. Капитан скользнул по нему безразличным взглядом, обернулся к старшине.

– В казарме воруют. Твоя вина?

– Моя, товарищ капитан, – легко согласился Глухов, но командира роты такой простой ответ не устраивал.

Здесь же на плацу политруку Воронкову было приказано разобраться по факту исчезновения шинелей.

– Строго спросить с командиров взводов, – гремел голос Елхова. – В сторонке хотят остаться. Не получится!

В своем возмущении он забыл про требования устава, не позволяющего критиковать офицеров в присутствии подчиненных. Он разнес в пух и прах командира четвертого взвода, Федора Колчина, обозвал его мямлей. Досталось и Маневичу, который без сомнения являлся лучшим взводным. Строптивый лейтенант на этот раз смолчал и ничего не ответил на несправедливые обвинения. Мало кто заметил, что глаза Маневича блестели, ему понравилась резкость капитана.

Его помощник сержант Ходырев также остался доволен, хотя вскользь прошлись и по нему. Дисциплина во взводе, да и во всей роте немного подтянулась. Вечером в казарме стояла тишина, и Борис без труда отпросился к Кате. Никто не знал, что будет с Персюком и Кутузовым. Большинство считали, что через день-два их выпустят. Спросили Воронкова. Тот ответил, как всегда, улыбаясь:

– Нарушений дисциплины сейчас никто не потерпит.

Разложил газеты и прочитал довольно примитивную лекцию о подвигах бойцов Красной армии. Подвиги на самом деле существовали, ведь немцы уже полтора месяца не могли взять Сталинград и топтались возле узкой полоски берега. Но откровенное газетное вранье штрафников веселило. Артиллеристу Бызину не понравился рассказ о сказочном подвиге четверых бронбойщиков, которые с легкостью уничтожили в одном бою 15 вражеских танков.

Командир батареи Саша Бызин схватился с бронетанковым отрядом врага, сумел подбить две машины. Это оказалось нелегким делом, батарею в конце концов уничтожили. Он никак не мог понять смысл явной лжи. Двумя маломощными неуклюжими ружьями невозможно нанести врагу такие потери. Ну, а если где-то есть подобные былинные герои, то Бызина надо списывать к чертовой матери, как никудышного артиллериста.

Он не выдержал и рассказал о том, как сражалась его батарея. Немцы не подставляют свои машины под выстрелы, умело маневрируют, возможно, побаиваются, но тактическое мастерство помогает им добиваться успеха.

– Помогало, – сдержанно усмехнулся Воронков и поднял палец, – а сейчас не очень-то помогает.

Он оставил газеты и ушел. Уголовники собрались в кучку и негромко переговаривались. Вожаки сидели в землянке-гауптвахте, часовые никого к ним не подпускали. Приняли махорку для передачи, но хлеб и сало передать отказались.

– Командир роты запретил. А ну, не лезь, нам приказано стрелять, если что...

Иван Андреевич Стрижак уже забыл, когда ночевал в штабе армии. Ему постоянно давали новые поручения, а сегодня объявили – штрафная рота будет переброшена к подножию высот возле поселка Дубовый Овраг для нанесения контрудара. Ему предстояло сопровождать роту и проследить за выполнением приказа.

От Дубового Оврага расстояние до южной окраины Сталинграда составляло всего пятнадцать километров, можно сказать, ближние подступы. Обстановка в городе оставалась непонятной, газеты твердили одно и то же, Сталинград героически сражается, успешно отбивает атаки противника, нанося ему большие потери.

Однако майор владел более полной информацией. Вот уже две недели подряд немцы ведут наступление в северной части города, протянувшегося вдоль Волги на пятьдесят километров. Контратаковать на территории Сталинграда наши войска не могут. Негде развернуться, полоса обороны составляет 200–300 метров. Чтобы в очередной раз ослабить вражеский напор, принято решение нанести удары южнее города.

Рота насчитывала к тому времени четыреста человек. Стрижак вызвал к себе Елхова и ознакомил с письменным приказом по армии. Капитан бегло прочитал содержание, понял смысл и грустно покачал головой.

– Кидают, как вязанку дров в костер. Когда быть готовым?

– Автомшины придут в шесть вечера. Время на погрузку один час. Больных много?

– Есть несколько человек, в основном, придуриваются. Двоих я арестовал.

– За что?

– Придрался к ерунде, но оба мутят воду. Уголовники.

– Только не вешай на меня свои проблемы.

– В шесть вечера освобожу обоих, посажу в машину, пусть едут.

Обсудили детали предстоящего ночного марша, затем Елхов вернулся в роту и собрал подчиненных. Сообщение приняли по-разному. Маневич и молодые командиры взводов не скрывали возбуждения, они устали от неопределенности и давно ждали приказа о начале активных действий.

Воронков явно растерялся, приподнятое настроение взводных его раздражало. Их бросают на южную оконечность Сталинградской обороны, там никого не щадят и не успокоят, пока роту полностью не выбьют. Бои за никому не нужную высоту под Деде-Ламином всего лишь детские игрушки по сравнению с предстоящим испытанием. Завтра их всех построят на передовой, и какой-нибудь дуболом, прикрываясь словом «Сталинград», поставит безнадежную задачу.

Политрук едва не кинулся звонить в штаб армии. В последние дни он сумел наладить прежние связи, отвез кое-какие подарки коллегам по комсомольской работе. Там обещали при первой возможности замолвить слово перед начальником политотдела. Но в этой ситуации никто помогать не станет. Лицемерно напутствуют в бой, пожелают удачи и призовут к мужеству.

Боже мой, какая чушь! Воронков едва не хватался за голову от отчаяния. Командир четвертого взвода Федя Колчин, на которого сыпалось больше всего замечаний, гордо вышагивал и старался выглядеть выше своего мелкого роста. Крепко сбитый, широкий в груди, он напоминал Воронкову небольшого упрямого бычка и казался смешным перепоясанный многочисленными ремнями, с полевой сумкой, болтавшейся у колен.

Поправив шапку с новенькой эмалевой звездой, Колчин привязался к старшине, выпрашивая автомат. Глухов объяснил, что автоматов мало и выдаются они по личному указанию Елхова.

– Как же, – расстраивался младший лейтенант. – У меня «наган», какой с него толк.

– Дам я тебе свой автомат, – не выдержал Воронков.

– Вот спасибо, – обрадовался взводный и тут же озабоченно спросил: – А вы что, в тылу остаетесь?

– Я пойду вместе со всеми, – теряя терпение, выкрикнул политрук, – но тебе автомат нужнее.

– А запасной диск имеется?

– Ты один успеешь расстрелять, – вмешался старшина. – Иди, иди, почисть оружие.

Маневич и Ходырев вели себя более спокойно и занимались делами. Они сформировали новое отделение, назначив его командиром артиллериста Бызина. Затем проверили обувь, одежду и оружие. Хотя отправку на передний край ожидали, застала она людей врасплох. Обнаружилось множество досадных хозяйственных недочетов. Кроме того, Маневичу не нравились командиры отделений Мысниченко и Луговой, назначенные по инициативе Елхова.

Бывший танкист-ремонтник Максим Луговой приходил полчаса назад и жаловался на сильное расстройство желудка. Намекал, что у него, может быть, дизентерия, хотя симптомы больше напоминали медвежью болезнь, вызванную страхом. Маневич не стал его слушать и выгнал прочь.

– Штаны постирай и готовься к маршу. От боя не уклонишься, не надейся.

Луговой, раздувая буденновские усы, пошел собираться. Понял, что никакие жалобы на плохое самочувствие не помогут, а Маневич с возмущением высказывал Воронкову:

– Какой из него командир? Он уже заранее умирает. Я Сашу Бызина на отделение поставлю, не возражаете?

Воронков лишь отмахнулся. Маневич разозлился на безразличие политрука к кадровым делам и ехидно заметил:

– Сейчас все волнуются, у Лугового даже медвежья болезнь открылась. Дело нешуточное, в самое пекло бросают.

– Считай, в Сталинграде воевать будем, – поддакнул Ходырев, тоже не любивший Воронкова. – Говорят, там командиры только впереди идут, а роты до последнего человека воюют.

Лейтенант и его помощник веселились, глядя на растерянного политрука. Оба чувствовали себя неудобно, но за делами становилось легче, особенно, когда видишь человека, который боится гораздо больше, чем ты сам. Воронков не знал, что ответить насчет командиров, идущих впереди. Лишь посоветовал:

– Проведите беседы с личным составом.

– Уже провели, – доложил Ходырев. – Люди прощальные письма пишут, я тоже написал.

Воронков поспешил уйти и завернул к старшине. Тот окончательно испортил настроение. Брякнул на стол пару хороших сапог.

– Эх, забирай на память, Виктор Васильевич. Шапка новая нужна? Все одно пропадать. Хоть в могиле красивыми лежать будем.

Политрук понял, старшина успел хорошо выпить, и выговорил ему. Глухов в ответ прижимал ладони к груди:

– На смерть ведь идем, Витюша, мой дорогой. Ну, как же не выпить? А дело я свое знаю, два взвода уже одел-обул, сейчас третий одевать буду.

Не менее встревожены были арестанты Персюк и Кутузов. Персюков ходил взад-вперед, прикидывал, решал. Кутузов мял вечно больные, застуженные еще в лагере уши и размышлял, можно ли уклониться от боя, сославшись на глухоту.

– Чего ты ерунду мелешь! – крикнул Персюков. – Какие уши? Руки-ноги целые, винтовку держать можешь, значит, пошел сражаться. За родину!

Сказав последние слова, Персюк неподдельно скривился. Неужели есть такие идиоты, которые готовы ради каких-то идеалов поставить на кон свою жизнь. Он рвался на фронт с единственной целью – сбежать. Воевать не собирался, считая никчемным занятием рисковать ради пустых слов. Персюкова тревожило, что двое суток к ним никто не подходит, не иначе готовят какую-то пакость.

Приходила мысль сбежать с гауптвахты, но это оказалось непростым делом. Если раньше немногочисленных арестантов охраняли кое-как, то в последние дни Елхов словно сорвался с цепи. Лично обходил посты и обещал часовым веселую жизнь, если они что-то проморгают.

– Эй, Шило, – позвал он одного из часовых. – Что, вся рота уезжает?

– Похоже на то. Писари с документами вроде остаются, а остальных в Сталинград.

– Если побегу, стрелять будешь?

Шиленков опасался авторитетного уголовника, но еще больше боялся Елхова. Подумав, он дипломатично ответил:

– Не надо бежать. Капитан сердитый, лучше его не злить.

Кутузов, по давней лагерной привычке, имел при себе заточку, сделанную из металлического штыря. Он без колебаний пускал ее в ход и мог по команде Персюка легко убить часового. Тимофей Персюков шел на мокрые дела с оглядкой, но сейчас не видел иного выхода. Кутузов в ответ согласно кивнул и попробовал на палец отточенное блестящее острие. Шиленков, не чуя опасности, доверчиво приблизился, отвечал на вопросы вора, но в этот момент прибежал Ходырев:

– Персюкова к особисту! – крикнул он.

Повели. Уголовник пытался заговорить по дороге с сержантом, тот отмалчивался. Когда Персюк схватил его за плечо, Борис отпрыгнул и поднял винтовку. В глазах парня сквозила ненависть, палец лежал на спусковом крючке. Персюк видел, тот готов выстрелить и борется с собой.

– Тихо, тихо, – забормотал Персюков, показывая пустые ладони.

У Стрижака имелась своя информация. Он с порога спросил уголовника:

– Бежать собрался?

Персюк видел, на столе нет никаких бумаг. Особист не собирался проводить расследование, за его спиной нетерпеливо перетаптывался помощник. Тимофей вспомнил рассказы о смерти Марчи, которого застрелили походя, просто так и бросили в скотомогильник. Молчание затягивалось, помощник проявлял нетерпение, у Стрижака дернулись мышцы на скуле.

– Товарищ майор, только время теряем, – сказал помощник. – Вывести его, и все дела.

Персюк понял, что просто слова его не спасут. Надо говорить по делу.

– Собирался, – кивнул он, – но не сбежал.

– Почему?

– Страшно было. Поймают.

– На передовой тоже подохнешь, – равнодушно сказал особист. – Какая разница?

– Там хоть какой-то шанс. Один из десяти. Мало, но играть можно.

– Один из ста, – уточнил Стрижак. – Шагай во взвод и без фокусов.

За то время, пока рота стояла на пополнении, многие обзавелись подругами. Большинство женщин буквально за час, непонятно откуда, узнали об отправке. Они облепили забор, тревожно переговаривались и ждали. Елхову пришлось дать полчаса на прощание. Старшину Глухова провожала Зина с подругой Таней. Причем Таня не обращала внимания на своего кавалера Аркадия Сомова, а обнимала старшину. Тот сумел задурить головы обеим женщинам.

– Береги себя, Проша, – просили они.

Вора Надыма, который последнее время ушел в тень, провожала толстуха с двумя детьми. Женщина редела, Надым нервничал и повторял:

– Хватит, идите домой.

Уголовники над ним посмеивались:

– Ну и плюху нашел.

Надым оттолкнул женщину и пошел к казарме. Непонятно, что чувствовал этот человек. Неписанный закон запрещал настоящим ворам иметь семьи. Женщин полагалось презирать, использовать, как вещь, а затем выкидывать. Надым с его возможностями мог бы найти кого попримечнее, но он привязался именно к толстухе и ее детям. У двери казармы обернулся и крикнул:

– Я вернусь.

Скрытного Воронкова провожала высокая стройная девушка. Судя по всему, политрук много чего ей наобещал, а сейчас тяготился непрощеным визитом. Он тоже уговаривал девушку идти домой и врал, что напишет ей. Виктор Васильевич легко рвал такие отношения, подруга ему надоела, и он опасался лишь одного, чтобы она не забеременела. Повторного скандала, как это случилось со связисткой, он боялся. Воронкову снова пообещали должность в политотделе, и ненужные хвосты были ни к чему.

Борис Ходырев прощался с Катей. Оба не находили нужных слов и молча держали друг друга за руки. Время бежало быстро, когда осталась минута или две, они заговорили, перебивая друг друга.

– Катька, дожись. Я на тебе женюсь, ей-богу.

– Боречка, береги себя, не лезь куда попало.

– Ты скажи, согласна?

– Мама носки и рыбу сушеную передала. Возьми.

– Мои родители не против будут, а по весне...

Никита, брат Кати, вмешался в бестолковый разговор, сунул Борису сверток и заверил:

– Я тут присмотрю, не сомневайся.

Катя наконец заплакала и несколько раз поцеловала жениха в щеки. Подвыпивший Никита неожиданно ляпнул:

– Эх, надо было тебе Катьке дитя заделать, тогда никуда бы не делась.

– Еще успеем, – вытирала слезы Катя, а Ходырева уже тащил за рукав лейтенант Маневич.

Рота срочно грузилась в машины. Бойцов 2-й штрафной роты провожали не только женщины, но и диковинный оркестр, собранный по инициативе капитана Елхова. Состоял он из огромной медной трубы – геликона, баяна и обычного горна, которым играют сбор и дают команды на подъем-отбой.

Способный музыкант Гриша Сечка, раздувая щеки, выводил на горне красивую мелодию марша «Прощание славянки». Баянист фальшивил, гармонь редела не в такт, но получалось от души. Геликон также старался и притоптывал в такт облепленным грязью ботинком. Получалось до того трогательно, что женщины не выдержали и заплакали. Как обычно выпивший Сечка заливался на горне еще пронзительнее, не обращая внимания на сильный ветер и брызги осеннего дождя.

Затем музыканты сдали свои инструменты оставшимся в расположении роты писарям и погрузились на машины.

Глава 6

Передний край

Уже через полчаса грузовики врюхались в грязь. Их пришлось выталкивать, и это повторялось за ночь не меньше десяти раз. Когда рассвело, Борис увидел, все облеплены, словно панцирем, мокрой глиной. Одна машина поплавила подшипники, вторая перевернулась на мокром спуске. В остальные людей набилось, как селедки, ехали даже на подножках.

Похолодало, небо очистилось от облаков, взошло тусклое негреющее солнце. Ходырев потрогал пальцами затвор винтовки, он не двигался, забитый глиной. В сапогах хлюпала жижа, мокрая шинель облепила тело. Он стал считать людей, но вести учет было невозможно, в кузов набились люди из других взводов.

Сержант не видел, как перед рассветом сбежал Персюков. Он действовал хладнокровно и обдуманно. Перед этим Персюк в очередной раз предложил Надому присоединиться к нему. Тот ответил отказом.

– Пропадешь ни за грош, – посочувствовал ему Персюк. – Из Сталинграда не возвращаются.

– Как карта ляжет, – коротко ответил Надым.

Кутузов тянул время и не хотел принимать никакого решения.

– Как хочешь, Мишка, – сказал на прощанье Персюк. – Когда рассветет, поздно будет.

Приятель никак не отреагировал, и Тимофей Персюков стал действовать в одиночку. Он неплохо подготовился. Украл в оружейке трофейный пистолет, в кармане шинели лежали деньги, а в вещмешке консервы и запасное белье. Когда колонна исчезла в утренней полутьме, Персюков дважды выстрелил в себя через котелок, набитый тряпьем, которое, как фильтр, задерживало пороховые газы.

Опытный уголовник рассчитал правильно. Двойное ранение вызывает меньше подозрений. Первую пулю он послал в бок, прошив кожу, второй раз стрелял в руку. Однако боль в боку оказалась такой сильной, что следующий выстрел получился неточным. Пуля перебила одну из костей предплечья, Тимофею сделалось плохо. Он присел и долго приходил в себя. Затем стащил шинель, гимнастерку и замотал раны бинтом.

Как и ожидал, на рассвете появились первые машины в обратную сторону. Его подобрали без лишних вопросов. В тыл везли раненых, состояние их было ужасным. Некоторые получили ранение три-четыре дня назад, повязки все это время не менялись, начиналось воспаление. Машину подбрасывало на ухабах, но если Тимофей, будучи здоровым, тряску раньше не замечал, то теперь каждый толчок вгрызался в тело щипцами.

Полуторка в очередной раз застряла. Те, кто покрепче, вылезли из кузова и толкали. Персюков тоже пытался помочь, но неосторожно надавил на раненую руку и едва не потерял сознание. Ни медсестры, ни санитары в машине не оказалось, ему помогли другие раненые и шофер. Примотали к перебитой руке дощечку-лубок, напоили водой, которой Тимофей не запасся. Он не рассчитывал, что в холодную дождливую ночь потребуется вода. А между тем пить хотелось нестерпимо, сохли губы, горели щеки.

– Э, браток, у тебя воспаление, – сказали ему.

– Так быстро? – удивился Персюков.

– Ну, как же быстро. Тебя когда ранили? Сутки, двое назад?

– Сегодня утром.

– Путаешь ты, не могли тебя утром ранить.

Тимофей замолчал. Машина остановилась посреди степи, людей стали выгружать. На заброшенной овцеводческой ферме находился перевалочный пункт.

– Почему дальше не везут? – спросил Персюков.

– Не успевают оборачиваться, сам же видел, что в санбатах творится.

Тимофей согласно кивнул. Конечно, он видел и все понимает. Основную часть прибывших положили на солому в огромный хлев, а наиболее тяжелых внесли в натопленный дом. Персюков оказался в тепле, хотя не считал себя тяжело раненным. Санитарка спросила:

– Где ваша карточка переднего края, товарищ?

Тимофей знал, что карточки выдают в местах боев, и ответил вполне убедительно:

– В кармане.

– В каком именно?

– Не тебе ли ты его, – сказал сосед с перевязанной головой. – Сама поищи.

Персюков хотел возразить. В кармане лежали деньги, вдруг возникнут вопросы. Санитарка извлекла «вальтер», который Тимофей в горячке не выбросил. Находке не удивилась, осторожно положила рядом, извлекла стопку червонцев и лишь затем удостоверение личности бойца переменного состава штрафной роты. Пистолет оказался самым убедительным аргументом.

– Оне, штрафники, ребята отчаянные, в рукопашку идут, – снова подал голос сосед. – Пистолет у фрица добыл.

Насчет денег вопросов не возникало. Финчасть аккуратно выплачивала денежное довольствие с риском для жизни, таково было правило для передовых частей в Сталинграде. Все же санитарка сходила к врачу, который не спал вторые сутки и пил крепкий чай, готовясь к новым операциям.

– Какие там карточки, – отмахнулся капитан-хирург. – Привезли, и слава богу. На самострела не похож?

– Нет. Рука перебита, а второе ранение в бок. Может, посмотрите, у него воспаление началось.

– Дашка, ты загляни в соседнюю комнату. Там в живот раненые лежат, вот кому срочно помогать надо.

Санитарка Даша сменила Персюкову бинты, подивилась татуировкам. Сосед, осмотревший пистолет, обнаружил в стволе патрон, осторожно разглядел оружие.

– Наверное, у фрица в бою отобрал. Может, и раны из него получил.

Сосед не догадывался, как близок к истине. Тимофей впадал в беспамятство, снова приходил в себя. Санитарка больше к нему не подходила, на пересыльном пункте скопилось слишком много раненых. Вскоре Тимофея затошнило от запаха нечистого белья и гниющих ран. Парное тепло гудящей печки раздражало, мешали стоны. Он стал ругаться, при этом отчаянно матерился. Хирург поднял голову от операционного стола и приказал:

– Утомоните его. Мешает резать.

Обезболивающих уколов не хватало. Персюкова старались успокоить словами, затем дали водки. Он выпил кружку и попросил вынести его на улицу.

– Холодно там, – предупредили Тимофея. – Ночью мороз стукнет.

– Лучше померзну. Не могу я в тепле лежать, тошнит...

Его внесли в огромный хлев, рассчитанный на отару овец. Здесь было спокойно и темно, лишь клубился пар от дыхания десятков людей. Персюков курил папиросы одну за другой, голова кружилась от водки и слабости. На ужин принесли горячее молоко и белый хлеб. Есть совершенно не хотелось, Персюков попросил еще водки.

– Нельзя вам, – сказала санитарка. – Ешьте и пейте хоть через силу.

Хлеб в глотку не лез, а от молока снова подступила тошнота. Тимофей заснул, но сон больше напоминал бред. В камере следственной тюрьмы его обвиняли в стукачестве. Тимофей энергично доказывал, что это не так. Аргументы не действовали, тогда он сорвался на крик.

– Вы сами блядво, – орал Персюков. – Меня вся братва знает.

Ему не верили, крик становился громче. Новый сосед, худой, с многодневной щетиной и перевязанными руками, убеждал Тимофея успокоиться.

– А чего они, – скалил зубы Персюков, – стукачи им кругом мерещатся.

– Дураки они, – соглашался сосед. – Давай лучше закурим.

Курили. Вокруг ворочались люди. Худой оказался заботливым соседом, помог выбраться наружу, подержал за плечо, пока Тимофей мочился. Огромный черный шатер раскинулся над головой. Подсушенный морозом воздух был прозрачен. Звезды мерцали, как диковинно расшитая искристая скатерть. Худой тыкал пальцем вверх и называл созвездия.

Тимофей тоже разбирался в астрономии. Когда бежал по молодости из лагеря под Кунгуром, ориентировался по такому же куполу. Жадно вдыхая холодный воздух, поправил соседа:

– Это не Полярная звезда, она повыше.

– Наверное, – соглашался тот.

На северо-западе край ночного неба светился дальними отблесками. Там находился фронт, гибли люди, не прекращалась война.

– Далеко отсюда, – вздыхал сосед. – Слава богу, отмучились. Завтра привезут в госпиталь, там тепло, постели чистые. До весны отдохнем, отоспимся вволю.

Однако до Персюкова смысл сказанных слов доходил с трудом, сознание туманилось, он едва держался на ногах. На рассвете Тимофей потерял сознание, вызвали врача, но когда капитан пришел, было уже поздно.

– Выносите, чего смотрите, – сказал он. – И закопайте утром всех умерших, пока земля не замерзла.

Остальная рота в ту ночь находилась в пятнадцати километрах от Сталинграда. Там не прекращались бои. Отчетливо слышались не только орудийные взрывы, но и отдельные выстрелы. Темнота не могла набрать силу. Мерцали отблески орудийных вспышек, многочисленных осветительных ракет, где-то горело.

Позиции пехотной дивизии, которой временно придали штрафную роту, располагались в болотистой низине. Здесь к подножию Ергенинских холмов подступали многочисленные Сарпинские озера. На перешейках и островах располагались траншеи, землянки, артиллерийские позиции. Все объекты отлично простреливались с холмов, дивизия несла огромные потери. Ее спасало от полного уничтожения лишь сравнительно большое расстояние до высот и постоянно прибывающие маршевые роты, которые перемальвались артиллерийским огнем.

Склоны и прилегающие к ним поля с кустарником, деревьями, небольшими оврагами и мелкими остатками разрушенного хуторка занимали немцы. Это было что-то вроде предполья или предмостной обороны, а мостом являлись холмы и дороги между ними.

Задание Елхову поставили яснее некуда. Захватить участок предполья, продвинуться насколько можно и встать у основания холмов. Капитан не стал задавать лишних вопросов, уточнил лишь детали взаимодействия и будет ли артиллерийская поддержка.

– Чем я вам помогу? – удивлялся начальник штаба дивизии. – Мы в болоте сидим, батареи ополовинены, снаряды за шесть верст по ночам таскаем. Вот у тебя четыреста активных штыков, а у меня от батальонов одни названия остались. В ротах, где сорок, а где двадцать человек. Да и в каком состоянии, сам видел.

Оборона в заполненных ледяной водой и грязью осенних траншеях изматывала людей. Здесь не осталось здоровых бойцов. По траншеям слонялись, а чаще дремали изможденные люди. Немногие землянки и блиндажи были залиты водой, боеприпасы выставляли на бугры, там же по ночам дремали. С простудой в тыл не отправляли, лишь когда человек впадал в бред от высокой температуры, его тащили вшестером сквозь болото, грузили на лошадей и доставляли в санчасть. С холмов немцы вели постоянный будоражащий огонь, получалось что-то вроде смертельной лотереи. Прятаться негде, даже если забраться в холодную воду под бре-

венчатую крышу землянки. Трехкилограммовая мина, набравшая хорошую скорость, пробьет ее, как фанеру, и рванет внутри.

Конечно, если наступать, то большими силами, и сразу брать высоты. Польза от предполья, если его удастся захватить, небольшая, но это своего рода плацдарм, через который по твердой земле можно стянуть дополнительные силы и артиллерию. Впрочем, дальнейшее – это уже стратегия, до которой Елхову не было дела.

В те первые ноябрьские дни никто еще не знал о готовящемся контрнаступлении под Сталинградом. Но командование уже настойчиво срезало углы, готовило плацдарм для будущего удара. Одним из них должен был стать участок возле поселка Дубовый Овраг, откуда просматривалась окраина Сталинграда.

На этот раз водку не давали. Ужин накануне оказался скудным, а перед рассветом старшина Глухов раздал лишь махорку. Впрочем, голод, сопровождавший людей последние недели, отступил. Все находились в лихорадочном возбуждении, прислушивались к гулу канонады на севере и терпеливо ждали команды. Двинулись в темноте. Под ногами хрустел лед, в некоторых местах подмерзшая корка не выдерживала тяжести, бойцы проваливались в густую вязкую почву.

Третий взвод перебрался через лесополосу, смешался с четвертым. Младший лейтенант Федя Колчин пытался собрать своих людей, получилась суета. С дальнего холма, прямо в лица, полетели трассеры, бойцы упали на землю, но большая дистанция рассеивала пули.

– Не суетитесь, пошли вместе, – сказал Маневич.

Он сменил шинель на телогрейку, движения лейтенанта были четкие и уверенные. Сергей Маневич шел налегке, тогда как Колчин тащил тяжелую полевую сумку, набитую ненужными бумагами и личными вещами. Мешали двигаться захлащенные грязью полы длинной шинели, которую он пожалел оставить, за пазухой были набиты гранаты, карманы оттягивали пачки патронов.

Ходыреву было приказано прикрывать взвод огнем, поэтому он двигался в хвосте. Музыкант Гриша Сечка тащил запасные ленты, пыхтел и вполголоса ругался. На самом деле он был доволен, что оставлен при пулемете.

Над передним краем взлетела ракета, высветила брошенную повозку и тушу убитой лошади. Слева шел второй взвод, бойцы молчали, но хруст льда под сотней пар ботинок и сапог выдавал их. Рота дошла до колючей проволоки. Заграждение было так себе, в два ряда. Колючка обвисла, колья кое-где наклонились или валялись на земле. Миновали боевое охранение пехотного полка, отделение или неполный взвод с ручным пулеметом.

Такие подразделения, выставленные вперед, обычно несут большие потери. Но сейчас бойцы в траншее видели, им еще повезло, они останутся здесь, а штрафники через считанные минуты окажутся под огнем. За спинами бойцов восточный край горизонта уже заметно посветлел, но равнина впереди лежала непонятной темной полосой. Лишь справа мерцали утихшие к утру зарницы Сталинграда.

Капитан Елхов находился в центре, он потерял Воронкова, но искать было некогда. Взводы быстро разворачивались, лейтенанты и сержанты действовали четко, людей подгонять не приходилось. Шаг ускорился, перешел в бег, молчаливый, зловещий. Не менее зловеще молчали и вражеские позиции.

Сергей Маневич не чувствовал тела, ставшего невесомым. Он бежал размеренно, рядом находился командир отделения Саша Бызин. Очереди из темноты ударили сразу в нескольких местах, поле осветилось ракетами. Целиться в темноте, при обманчивом свете ракет непросто. Вырастают и гаснут тени, люди сливаются с землей. Первые минуты обошлось без жертв, затем трассы стали находить цели.

То в одном, то в другом месте падали убитые и раненые, остальные лишь ускоряли бег, никто не кричал, берегли дыхание. Артиллерист Бызин видел пульсирующие вспышки прямо

перед собой. Сколько до них? Рядом воздух словно разрезало огромным лезвием, пули летели пучками, коротко свистели, на смену им прилетали другие. Раздался звучный удар о человеческое тело. Бызин обошел убитого и натолкнулся на своего наводчика, замедлившего шаг.

– Не стой, убьют, – сказал бывший командир батареи.

Наводчик послушно кивнул и ускорил шаг. У кого-то не выдержали нервы, человек закричал, отгоняя страх. Крик подхватили, невнятный, угрожающий, более похожий на звериный вой. Сквозь него прорывались ругательства, но не было пока слышно ни единого выстрела. Слабые не отставали от сильных, атака получилась дружной. Ходырев бежал, держа на весу «МГ», лента болталась и ударяла по ногам. От ракет стало совсем светло, как днем, а к пулеметам прибавился треск вражеских винтовок.

Третий взвод вырвался вперед. Четвертый, несмотря на усилия младшего лейтенанта Колчина, отставал. Замедлили шаг уголовники, к ним присоединились бойцы послабее. Кучку обтекали бегущие бойцы, с руганью и угрозами подтолкнули, создавалась толкучка. Рядом с бывшим каптером Сомовым упал на колени тяжело раненный боец и захлебнулся криком, закрывая ладонями лицо. Стало жутко, Аркадий попятился. Подскочивший сержант с руганью толкнул его в плечо:

– Вперед. Не останавливаться.

В ту же секунду свалились еще двое. Колчин, путаясь в длинной шинели, с подаренным Воронковым автоматом, отважно бежал прямо на пулеметы. Его пример подействовал. Сомова охватила такая злость, что он забыл о страхе и перехватил покрепче винтовку.

Эта атака отличалась от той первой возле поселка Деде-Ламин. Месяц – большой срок. Изменился состав штрафной роты, на смену солдатам, которые не видели ничего, кроме летнего отступления, пришли те, кто участвовал в упорных осенних боях. В большинстве своем это были далеко не лучшие бойцы, но многие имели боевой опыт. Их скрепляли стойкие командиры и штрафники, вроде артиллериста Бызина, твердо желающие искупить свою вину.

Разжалованный старший лейтенант Мысниченко преодолел страх и вел за собой отделение. Очередь с близкого расстояния убила двух бойцов, остальные не рискнули бежать дальше, упали под прикрытием земляного уступа. Мысниченко пытался поднять их, пуля звякнула над ухом, он тоже залег рядом с ними. Сверху сыпались кусочки мерзлой земли, вражеские пулеметчики не давали высунуться. Старший лейтенант, а теперь сержант, не желал терять время просто так. Он собирал гранаты и умело швырял их, делая секундную задержку. Шестисотграммовые РГД взрывались в воздухе, не долетая до вражеских окопов, но непрерывный треск действовал врагу на нервы, сбивал прицел.

Ходырев лежал в воронке и поддерживал наступающих огнем. Позади остальных находился старшина Глухов, которому, как обычно, поручили командовать «максимами». Четыре пулемета, размещенные на одной линии, вели дуэль через головы бойцов. Шел наступательный бой. Одни штрафники делали перебежки, другие стреляли из винтовок и ждали своей очереди.

На позиции «максимов» стали падать мины. Выпущенные с большого расстояния, они взрывались разбросанно, но вскоре одна угодила в цель. Уцелел лишь третий номер. «Максим» перевернулся, рядом с воронкой ворочались два смертельно раненных пулеметчика. Их кинулось было перевязывать, но Глухов закричал:

– Всем вести огонь. Не отвлекаться, я сам разберусь.

Подождал и убедился, что помочь не сможет, обоим изрешетило осколками, они истекли кровью за минуту.

Первый взвод вырвался далеко вперед под прикрытием ивняка. Кусты, вышиной метра два, на краю мелкого замерзшего озера прикрывали людей неплохо. Съехали по склону, перескочили через замерзший пятак, а наверху с маху угодили на минное поле. Саперы возились всю ночь, часть мин сумели обезвредить, остальные, что ближе к вражеским окопам, взрывались одна за другой. Противопехотки отрывали ступни ног, покалеченные люди ползли прочь,

наталкивались локтями или коленями на следующую мину, которая добивала их. За считанные минуты участок покрылся дымящимися воронками, взвод залег, люди боялись сдвинуться с места.

Из вражеской траншеи их принялись выбивать по одному прицельными очередями, взвод таял на глазах. Лейтенант погиб, сержанты не могли остановить панику. Капитан Елхов видел, как подорвались сразу три человека, метнувшиеся из-под огня и наскочившие на мины. Все трое потеряли голову от болевого шока, продолжали ползти, натыкались на следующую противопехотку и гибли по очереди.

Елхов наблюдал происходящее в бинокль, ругал саперов, но и понимал, что большего они сделать не смогли. Безногое тело продолжало ползти мелкими рывками, опираясь на локти, доносился слабый крик. Капитан опустил бинокль, в ту же секунду раздался глухой взрыв. Пламени при ясном солнечном утре видно не было, взметнулся лишь клубок дыма, земли, человек превратился в плоский бугорок. Капитан подозвал ординарца Костю Гордеева.

– Иди, отыщи политрука, пусть шагает в первый взвод, а то прячется, как хреновая невеста. По пути загляни к Борьке Ходыреву. У него хороший пулемет, пусть больше активности проявляет.

Ходырев расстрелял ленту и с помощью музыканта Сечки заправил новую. Он также видел, как гибнет первый взвод, но перед ним была своя цель. Лежал под земляным уступом Мысниченко, не мог поднять людей Маневич. Борис стрелял по вражескому пулемету под бетонной плитой. Немцы оборудовали здесь небольшой дот и вели непрерывный огонь.

Борис неплохо пристрелялся, из плиты летело крошево. В ответ неслись пули, разбивая замерзший бруствер. Острые кусочки с такой силой хлестнули в лицо, что Ходырев отпустил рукоятку пулемета и съехал на дне воронки. Музыкант Гриша Сечка застыл, сжимая голову ладонями.

– Живой? – окликнул его Борис.

– Лучше подохнуть, чем так страдать... Ай!

Разрывная пуля щелкнула огоньком по краю воронки, мелкие осколки хлестнули музыканта. Он разжал руки и стал разглядывать пальцы.

– Ранен?

Страх на его лице сменился радостным выражением. Сейчас музыкант имел право уйти, искупил вину кровью. Но осколки были слишком мелкими, а крохотные ранки напоминали булавочные уколы. По выражению лица Ходырева понял, улизнуть не удастся. В воронку сверху вниз заглянул ординарец Елхова, беспшашный малец лет восемнадцати, угодивший в штрафники напрямиком с оборонного завода. Он сбегал от тяжелой беспросветной работы, без сна и выходных. Фронт казался ему избавлением. Сейчас Костя чувствовал себя как рыба в воде, не боялся смерти и бегал под пулями, выполняя поручения ротного.

– Капитан велел не телиться, а вести огонь.

Ординарец употребил более сильные выражения. Ходырев втащил его за рукав и, кажется, тем самым спас. Очередь с запозданием разнесла остаток бруствера, зажигательная пуля прошла сквозь ворот шинели, противно запахло женой шерстью.

– Горим, – сказал Сечка. – Бой в Крыму, все в дыму...

Тонкая детская шея Кости Гордеева вертелась, он пытался глянуть на воротник. Руки с обгрызенными ногтями сжимали трофейный автомат, один из тех, которые захватили под Деде-Ламином.

– Костя, что там с первым взводом? – спросил Ходырев.

– Пропадает братва. Товарищ капитан приказали гасить вражеские огневые точки.

– Слышал.

Борис снова припал к «МГ», горячий ствол потрескивал, под ним таял лед. Ординарец бесстрашно бежал дальше.

– Пропадет парень, – сказал он, нажимая на спуск.

– Говно не тонет, – отозвался Сечка, придвигая очередную коробку.

Григорию Петровичу Сечке недавно исполнилось тридцать два года. Он считал себя бывалым, хорошо пожившим человеком, хотя его бывалость имела много темных сторон. Гришу выгнали из музыкального училища за мелкие кражи, затем он работал в десятке разных мест, попадал в неприятные истории, пока не закрепился в кладбищенском оркестре.

На этом скорбном месте жизнь Гриши просто заискрилась. Зачем прорываться в городскую филармонию, много и тяжело трудиться, когда есть такие места. Где, выучив несколько печальных маршей, можно жить хлебно и безбедно. Войну он воспринял равнодушно, но когда зимой призвали и его, Сечка расстроился. Воевать он не желал, ведь там не наливают водки, не кормят, как на поминках, жирными щами с мясом и картошкой. Там, говорят, и женщин мало.

Рядового Сечку направили в дивизионный оркестр, но со временем он заелся и не оценил своего счастья. Попался на левых заработках. На переформировке музыкантов одалживало иногда местное начальство для проведения торжественных похорон. За это не платили, и хитроумный Сечка договаривался о похоронах за деньги. Несмотря на войну, многие не жалели денег проводить в последний путь своих близких. Григорию Петровичу, как руководителю, шла львиная доля.

Его хлопнули с поличным. Вытряхнули из карманов пачку червонцев, а из офицерского чемоданчика немисливо дорогие по военным временам продукты: копченую колбасу, буженину, шоколад. Военный обвинитель тряс старческим пальцем и призывал суд:

– Расстрелять борова! Гляньте, как он разожрался на людском горе.

Прокурор и сам был упитанный, но что возьмешь со старика? А толстяк Сечка с глянцевыми щеками и объемистым животом невольно свидетельствовал о своей несправедной сытой жизни. Судья глянул на его шерстяные бриджи, хромовые сапоги и уронил:

– Ничего, в окопах жир растрясет, – и после короткого совещания добавил: – Семь лет мерзавцу за групповые хищения государственного имущества и мошенничество. С заменой на три месяца штрафной роты.

Так Сечка угодил во 2-ю штрафную роту, где отчасти растряс жирок, но оставался круглым, как колобок, правда, уже без хромовых сапог и полковничьих бриджей. Хромачи сменили на задубевшие старые ботинки, а штаны на залатанные шаровары третьего срока носки. Не нюхавший пороха музыкант с тоской вслушивался в грохот боя. Из раздумья его вывел голос сержанта Ходырева:

– Гриша, просыпайся!

Борис ловко менял раскалившийся ствол, потрогал затвор, тоже сменил на запасной. Сечка подсунул запасную ленту, блестящую и гибкую, как змея. Ходырев снова припал к пулемету и дал пристрелочную очередь.

Бесстрашный ординарец Костя Гордеев наконец отыскал Воронкова и привел к командиру роты. Елхов не стал выговаривать политруку, а сразу поставил конкретную задачу.

– Первый взвод пропадает. Им один бросок остался. Видишь кусты? Вдоль оврага удобно. Тополь сбитый валяется. Чем не укрытие?

Елхов показывал еще какие-то удобные для перебежек места, а Воронков видел лишь многочисленные неподвижные тела. Некоторые еще шевелились, пытались ползти, их накрывали пулеметным огнем.

– Понял? – спросил Елхов. – Есть возможность проявить героизм. Проявляй и спаси людей.

«Вот сам и спасай!» – едва не вырвалось у Воронкова, но вместо этого он угрюмо проговорил: – Нельзя там атаковать, мины сплошные.

– Ошибаешься, мин не так много. Это остатки не полностью разминированного поля. Там осталось несколько штук, если взять правее, мимо вон той ивы, то пробежишь безопасно.

Легко водить рукой. Сам капитан выручать взвод не торопится под предлогом более важных дел. Воронков топтался и медлил. Елхов отвернулся, занятый положением на правом фланге, затем сказал, не повышая голоса:

– Не смей показывать страх перед подчиненными. Вперед.

Воронков, проклиная все на свете, двинулся на левый фланг. Когда услышал свист пули, лег и продолжил путь по-пластунски. Его догнал ординарец Костя Гордеев и зашагал рядом, держа в зубах папиросу. Виктор Васильевич глядел на него с земли, мальчишка рассматривал ползущего политрука сверху вниз. Сцена получалась не только смешная, но и унижительная. Офицер старательно ползет, а солдат спокойно шагает, да еще и курит. Слышал, наверное, слова капитана, потому и выделяется.

– Ложись, – зашипел Воронков, но малец даже не пригнулся. – Идиот. Вот идиот.

Непонятно, кому были адресованы последние слова: ординарцу Гордееву, ротному Елхову или самому себе. Не сумел выбраться из этой ямы, значит, хлебай до последнего. Политрук и ординарец при желании не могли понять друг друга. Костя успел пережить за время войны самое плохое: погиб отец, пропал старший брат, умерла зимой сестренка. Сам он с шестнадцати лет работал в холодном громыхающем цеху, где приходилось спать рядом с работающим станком, потому что смены длились пятнадцать часов, а шагать до барака предстояло целый час по зимним пустым улицам.

Это время лучше потратить на сон. Выспаться вволю оставалось недостижимой мечтой в течение года. В цеху и раздевалке было очень холодно, но не теплее и в бараке, где ворочались, кашляли двое младших братишек. Раньше с ними занималась сестра, но она умерла. Возможно, от простуды, а может, от того, что подняла тяжелое корыто с бельем. Надорвалась, долго болела, заматывала низ живота платком. В день смерти этот платок примерз к полу и стал буро-зеленого цвета.

Еще Костя любил спать в цеху, потому что получал в столовке тарелку горохового супа и можно было всегда стрельнуть закурить. Со временем он возненавидел цех. Он казался мальчишке живым громыхающим существом, которое сделало его рабом. Казалось, вся жизнь состоит из бесконечной работы, а на улице всегда темно. Он не мог вспомнить, ходил ли когда на речку купаться и полежать на солнышке.

На вокзал Костю пришла проводить мать, иссохшая женщина тридцати семи лет, больше похожая на старуху. Она работала на том же заводе. Огромные закопченные корпуса можно было видеть с любой точки городка. С матерью попрощались без лишних слов. Оба вздрогнули от пронзительно ревущего заводского гудка, возвещающего полдень. Мать торопилась в барак, где и весной было холодно и сыро. Ей дали всего час, а еще требовалось затопить печку и накормить двух младших сыновей, без конца болевших и не желавших ходить в школу.

Костя ехал вместе с другими осужденными, рабочими того же завода-молоха, какими-то уголовниками, растерянными крестьянами. Он проиграл по глупости свитер и шапку, зато выспался, а на станции назначения получил военную форму. Елхов пригнул парня, даже немного откормил. Костя был предан капитану и резво кидался выполнять любое поручение. Неприязнь ротного к политруку передалась ординарцу, Костя выражал ее как мог. Ему было страшно, пули опасно посвистывали над головой. Однако он заставил политрука встать. Тот отряхнул землю с колен и устало спросил:

– Ну, чего добиваешься?

– Добраться быстрее до первого взвода.

– Все, шагай обратно. Доберусь без тебя.

Но упрямый ординарец отстал лишь с полпути, когда Воронков ускорил шаг. А к политруку война сегодня повернулась самой безобразной своей стороной.

Он шел, стараясь не обращать внимания на пули, это почти удавалось. Затем ему начали попадаться раненые. Боец шагал выпрямившись, закидывая назад голову, и аккуратно нес

перед собой перебитую руку. Рукав шинели был отрезан, предплечье наскоро перебинтовано и примотано к дощечке, заменявшей шину. Омертвевшие желтые пальцы сложились щепоткой, сам штрафник едва держался на ногах и делал невероятные усилия, чтобы не упасть.

Воронков отступил, давая возможность пройти, произнес какие-то ободряющие слова. Человек прошел мимо, словно через пустое место. Стали попадаться тела убитых. Лейтенант, командир взвода, лежал, скорчившись на боку, зажимая ладонями живот. Видимо, он умер в агонии, выкопав сапогами ямку в мерзлой земле. В роте лейтенант пробыл недолго. Воронков запомнил, что он выделялся кудрявыми волосами и правильным античным профилем. Красивое лицо взводного неприятно опухло, пожелтело, кудри смерзлись в безобразный комок. Рядом валялась щеголеватая шапка-кубанка, которую вмяли в лед чьи-то сапоги.

Навстречу Виктору Васильевичу один штрафник тащил другого. Они словно выбрались из преисподней, были вымазаны сажей и грязью. Ничего странного в этом не было, люди грелись у костра, спали на голой земле. Воронкова поразил вид раненого. Он еще не видел вблизи действие противопехотных мин, которые размалывают кости ног и разрывают промежность.

Раненый был без шинели. Низ живота прямо поверх ватных штанов перемотан бинтом, желто-красным и сплошь мокрым. Одна нога превратилась в обрубок, лицо застыло от боли и пережитого страха. Покалеченного бойца тащил, выбиваясь из сил, его товарищ. Увидев политрука, он застыл, опасаясь, что его снова погонят на передний край. Раненый обмяк, стал валиться. Воронков не мог оторвать взгляда от иссеченных осколками, пропитанных кровью и мочой ватных штанов. Он живо представил, что натворила мина, и мгновенно вспотел.

– Здесь оставить? – понял по-своему реакцию политрука второй штрафник.

При этих словах тяжело раненый открыл глаза, хотел что-то сказать, но вместо слов выдул розовый пузырь, который лопнул и потек слюной с губы. Остаться с искалеченным человеком было не менее страшно, и Воронков сделал штрафнику знак рукой:

– Неси, – и зачем-то спросил: – Тяжело ранен?

– Не приведи бог, – стал торопливо докладывать добровольный санитар. – Все всмятку размолотило, три пакета извели, а сквозь бинты текет и текет.

– Иди, – перебил его Воронков.

Боец снова взвалил на плечо тяжело раненого и сказал торопливо шагнувшему прочь политруку:

– Так я на вас сошлюсь, если что. Надо нести бедолагу. Из кишок, наверное, текет. Спасти человека надо.

Последние слова Виктор Васильевич уже не слышал. Он оказался на открытом месте, где его обстреляли. Зловредного ординарца поблизости не было, и Воронков благополучно дополз до круглого оружейного окопа, где сбились десятка два человек. Люди лежали между оружейными гильзами и ломаными ящиками, вот откуда взялась дощечка на руке раненого.

– Здесь все уцелевшие? – спросил Воронков у сержанта.

– Славяне живучие, – ответил тот. – Еще столько же в соседнем окопе, да и по другим норам люди прячутся.

Немцы по-прежнему обстреливали поле. Спасаясь от пулеметных очередей, сверху прыгнул Кутузов, подмял лежавших и засмеялся:

– Ну, вот я живой.

Приятель хлопал его по спине и предлагали закурить. Кавказцы Азамов и Ягшиев сидели, как всегда, в стороне, втиснувшись в отсечный ровик. Оба пугливо прислушивались к стрельбе и тревожно переговаривались. Для раненых освободили место, они лежали бледные, молчаливые.

– Их выносить срочно надо, – напомнил сержант. – Почти все тяжелые, мы их перевязали, а что толку. Сами гляньте.

Он показал глазами. Воронков увидел в метре от себя бойца, лежавшего с поднятой культей. Мокрый бинт сочился, вишневые капли набухали и равномерно срывались на рукав шинели другого раненого. Тот не замечал, что ткань пропиталась кровью, так как находился в более тяжелом положении. Горло было замотано обычным полотенцем с широким бурым пятном, под голову подложили пустой ящик. Человек кашлял, захлебывался, глаза обморочно закатывались.

Сержант смотрел на Воронкова с надеждой. Политрук не испугался, пришел сюда в самое пекло и, наверное, что-то придумает. Прекратили тревожное бормотанье непонятные восточные люди Азамов с Ягшиевым и высунулись из бокового ровика, где когда-то хранились снаряды. Кутузов трогал распухшие уши и чего-то ждал.

– Командир требует продолжить атаку, – неуверенно проговорил Воронков.

При этих словах Кутузов усмехнулся и недоверчиво покачал головой. Азамов и Ягшиев снова спрятались в ровик. Сержант свернул самокрутку и предложил Воронкову. Политрук отказался, полез за папиросами. Пачка смялась, остались лишь оторванные мундштуки и месиво табака с обрывками бумаги. Кутузов осторожно потянул пачку к себе.

– Давайте я вам сверну. Милое дело, из папиросного табака самокрутки вертеть. Нам в лагере иногда капитанский табачок выдавали. Ну-ка, лизните...

Он протянул самокрутку из газетной бумаги, Воронков послушно лизнул сгиб, принял сигарку и закурил. Неожиданное дело, чтобы блатные делали офицерам самокрутки. А Кутузов продолжал рассуждать:

– Товарищ Сталин тоже любит в трубку папиросный табак набивать.

– Да, – согласился Воронков. – Кажется, «Герцоговину Флор».

В этом общении штрафников со старшим политруком (считай, по званию капитан) проглядывалось что-то наигранное, натянутое. Воронков был слишком далек от них, он занимал ранее еще более высокую должность, сидел на совещаниях рядом с генералом, случалось, и выпивал. А сейчас оказался в окопе посреди нейтралки, и жизнь политрука зависела от разношерстной штрафной публики.

– Идти придется, – сказал после минутного молчания Воронков.

– Бежать, – поправил его сержант.

Он вызвал еще одного командира отделения, тот приполз из соседнего окопа и доложил, что у него также имеется двадцать бойцов. Не меньшее количество залегло на поле, им приходится туго, поэтому они поддержат атаку. В наличии оказалось два ручных пулемета. Легко раненные пообещали, что пока не уйдут и поддержат атакующих винтовочным огнем. В этом не было особого героизма, уйти в санбат они не смогли бы сейчас и при желании. Воронков окончательно завоевал доверие, когда подтянул к себе винтовку и рассовал по карманам несколько обойм.

– Эх, винтовочка-винтовочка, породнились мы с тобой, – весело пропел политрук. – Ударим, товарищи?

– Еще как!

Тягуче завывла мина, набрала высоту, долго падала, затем с коротким треском взорвалась неподалеку.

– Пятьдесят миллиметров, – определил кто-то. – Мелочовка, но вредная, сволочь.

Люди напряжились. Орудийный окоп был тесно набит, если сюда угодит даже мелочовка, то натворит дел. Вторая мина упала ближе. Надо вставать. Показывая, что подняться будет не просто, пулеметная очередь хлестнула по брустверу, расщепила цевье чьей-то винтовки. Владелец с такой озабоченностью рассматривал поврежденное оружие, что соседи невольно рассмеялись.

– Бери мою, – предложил один из раненых. – Дарю, не жалко.

Смех затих. Стало ясно, кто-то погибнет в первые же секунды, преодолеть себя стоило огромных сил. Пауза затягивалась, и сержант уже собирался поторопить Воронкова. Однако в этот момент послышался треск гранат и крики на правом фланге. Ждать было нельзя, это понял даже Воронков, не слишком сведущий в законах боя. Он поднялся первым:

– Там сражаются наши товарищи! Вперед.

Ходырев прикончил пулеметчиков под бетонной плитой и выпускал остаток ленты по всем целям подряд. Менее эффективно действовали расчеты «максимов» во главе со старшиной Глуховым. Они не трогались с места и вели огонь с большого расстояния. Брали интенсивностью стрельбы. Вода в кожухах закипала, расчеты спешно откидывали крышки и опустошали фляги, прерывая огонь лишь на минуту. Очереди «максимов» летели с большим рассеиванием, однако нервировали врага.

Бзын первый воспользовался пулеметной поддержкой и внезапно поднял свое отделение. В этом ему помог уголовник Надым. Неизвестно, в какую сторону провернулись его мысли, однако он заревел с яростью: «Вперед!», и кинулся вслед за сержантом. Уголовника не посмели послушаться трое-четверо воров, рангом помельче, дружно бежали бойцы, верившие разжалованному лейтенанту Бзыну, не отставали и более робкие штрафники.

Маневич среагировал мгновенно, ему помог сапер Паша Мысниченко. Взвод бежал к окопам противника с отрешенностью и злобой, все орали непрерывное «а...а...а», которое катилось впереди цепи. Немцы вели беглый огонь. Чтобы поймать на мушку и метко поразить бегущего человека, требуются крепкие нервы, а они сдавали в тот период и у той и другой стороны. Шестая армия Паулюса стояла практически на месте уже полтора месяца, когда передовые части вошли в Сталинград. Уже наступил ноябрь, близилась суровая русская зима, а движения вперед не было. Натиск русских отбивали пока сравнительно легко, но он не ослабевал.

И вот новая атака. Она отличалась от предыдущих отсутствием артиллерийской подготовки и настойчивостью. Унтер-офицер нырнул в окоп под бетонную плиту, отодвинул тело тяжело раненого пулеметчика и взялся за рукоятки старого кайзеровского пулемета «МГ-08». По обеим сторонам вели огонь солдаты его отделения. Опытным ухом, как хороший дирижер, он уловил излишнюю торопливость. Автоматы соревновались друг с другом в скорости, выпускающая длинные неприцельные очереди. Пять-шесть винтовок хлопали с невиданной скорострельностью – при таком темпе не поймаешь цель.

Оставалась надежда на себя и второй пулемет на острие окопов. Унтер-офицер хладнокровно открыл огонь. В рамке прицела возникали и пропадали фигуры в песочных шинелях и меховых шапках, они тянули варварские штыки, узкие, коварные, с блестящими жалами. Красноармейцы падали лицом вперед, их толкала инерция бега. И это было не менее тревожным признаком, чем беспорядочная стрельба отделения. Сегодня русские не шарахались, не сбивались в толпу, как это случалось раньше. Они продолжали бег, и жала штыков приближались.

Второй номер, несмотря на перебитую ключицу, помог быстро перезарядить ленту. Унтер-офицер стрелял, поворачивая ствол по дуге, впереди него образовалось мертвое пространство, заваленное телами. В какой-то момент он отпустил гашетку и не услышал второго пулемета. Хуже того, навстречу ему по траншее бежал раненый солдат. Куда, зачем? Причину он понял быстро – русские прорвались.

Беспорядочно взрывались гранаты, все покрывал вой десятков озлобленных глоток. Унтер-офицер достал из кобуры пистолет, оттолкнул раненого и шагнул за поворот траншеи. Там вертелась сумасшедшая круговерть. Люди били друг друга прикладами, штыками, лишь изредка слышались выстрелы.

Командир отделения принимал участие в войне с Францией, провел полгода в пустыне, где воевал против англичан, но подобного не видел. Там оставался хоть какой-то намек на цивилизованную войну, здесь же творилось доисторическое побоище.

На бруствере лежала отличная автоматическая винтовка с магазином на двадцать четыре патрона. Ею можно было действовать как пулеметом и разогнать целый взвод. Такие штуки лишь недавно поступили на вооружение и зарекомендовали себя хорошо. Сейчас новенькая винтовка с оптическим прицелом валялась без дела, а ее владелец, приятель унтер-офицера, схватился с маленьким русским лейтенантом в длинной шинели.

Стрелять было несподручно, поэтому унтер-офицер примерился ударить лейтенанта рукояткой, но прямо на унтера лезли двое красноармейцев со штыками наперевес. Его спасло хладнокровие, которое трудно было сохранить.

Он вытянул руку с массивным «вальтером», почти касаясь острия штыков, и несколько раз нажал на спуск. Оба русских упали, накрыв собой лейтенанта и приятеля унтер-офицера. Они ворочались, пытались встать, мешая друг другу. Добивать их было некогда, на унтера по брустверу бежал еще один русский, держа винтовку, как дубинку.

Красноармеец уже поднимал тяжелый кованый приклад, когда навстречу сверкнули несколько пистолетных вспышек. Унтер-офицер выпустил остаток обоймы за секунду, затвор лязгнул и встал в заднее положение. Он отщелкнул пустую обойму, которую следовало просто выкинуть и быстро достать новую. Но унтер-офицер, всегда аккуратный, продолжал сжимать израсходованную обойму и неловко ковырялся двумя пальцами в кармашке кобуры. Кожа на морозе застыла, металл не поддавался.

Распихивая тела, перед унтер-офицером встал русский лейтенант. Маленький, лобастый, как бычок, он тяжело дышал. Шапка с головы слетела, мокрый чуб торчал хохолком, коротко стриженная голова была мокрая от пота. Он подтягивал сбившуюся на спину брезентовую кобуру и не сводил взгляда с немца. Оба ускорили движения. Запасная обойма, наконец, выдернулась из узкого кармана, оставалось вставить ее, передернуть затвор и нажать на спуск. Требовалось всего две-три секунды, не больше, но этих секунд у опытного бойца вермахта не оставалось.

Младший лейтенант Федя Колчин, как и многие люди маленького роста, болезненно переживал разные мелочи. В училище, казалось, все смеются над ним. Болезненное самолюбие заставляло его относиться к себе требовательно. Он считался одним из лучших выпускников, сдавал на отлично нормативы, имел хорошую физическую подготовку. Так получилось, что при выпуске он получил старый, вытертый от времени «наган», а не новенький вороненый «ТТ», как многие курсанты. Тогда Федя оскорбился, не оценили его успехов, но теперь «наган»-самовзвод спас ему жизнь.

Помогла и хорошая тренировка. Колчин опередил врага, выхватил оружие за рубчатую рукоятку, курок взводить не требовалось, палец трижды нажал на спуск, поразив врага в упор. Перешагнув через мертвое тело, младший лейтенант пошел дальше по траншее. Второй номер пулеметного расчета вытянул навстречу одну руку (другая не слушалась), возможно, сдавался, но пленных в такой ситуации не берут. Пуля пробила ладонь, ударила в лицо. Федя добил врага и стал перезаряжать «наган».

В траншее продолжалась рукопашная схватка. Бойцы третьего и четвертого взводов напирали уверенно. Артиллерист Саша Бызин пригвоздил штыком светловолосого вражеского солдата, тот извивался и хватал руками цевье винтовки. Сумел оттолкнуть артиллериста и сделать несколько шагов. На него налетел Надым и принялся молотить прикладом.

Маневич стоял на бруствере и наблюдал за ходом боя. Неудавшийся симулянт Шиленков налетел на вражеского ефрейтора. Тот отбил неумелый выпад и сильно ударил затыльником приклада в лицо. Хрустнуло, Шиленков опустился на колени, закрывая макушку ладонями. Его спас Маневич, уложив ефрейтора точной очередью.

Пулеметчик на левом фланге держал «МГ»-34 на весу. Лента трепыхалась блестящей змеей, гильзы сыпались и весело звенели о мерзлую землю. Если вокруг верх брали штрафники, то на небольшом участке вражеский пулеметчик быстро менял ситуацию в свою пользу.

Он уничтожал бойцов одного за другим, в него стреляли, ранили второго номера, но пули облетали солдата стороной.

Один из штрафников сумел зайти со спины. Второй номер, зажимая рану на боку, убил русского из пистолета. Пулеметчику было некогда благодарить товарища за помощь, он действовал, как автомат, перезарядил ленту и снова открыл огонь. На глазах у командира отделения Максима Лугового погиб его приятель. Пули пробили парня насквозь, из спины вылетели ключья. Шинель дымилась от попаданий трассирующих пуль, но смертельно раненный человек топтался на месте и даже не падал.

На секунду бывший капитан Луговой поймал его взгляд, наполненный тоской и пониманием, что жизнь стремительно уходит. Обреченный человек пытался крикнуть, позвать на помощь, изо рта хлынула кровь. Луговой испуганно отступил, споткнулся и свалился на другого раненого. Тот был также испачкан кровью и задыхался. Максим подтянул колени к подбородку и застыл. Это спасло его. Вражеский пулеметчик очищал пространство перед собой, хлестая очередями бегущих и раненых.

Он бы натворил дел, но бывший сапер Мысниченко выстрелил в него сбоку, выбил пулемет из рук. Подскочил Надым и сильно ударил штыком. Это был кульминационный момент боя, немцы стали покидать траншею. Саша Бызин догнал убежавшего ефрейтора и выстрелил в спину.

Трое врагов отступали по ходу сообщения и вели непрерывный огонь из автоматов. Сапер Мысниченко бросил им вслед гранату, они успели скрыться за поворотом. Пошарив по сторонам глазами, он позвал ближнего бойца. Это оказался Шиленков, давний приятель.

– Шило, стой здесь и стреляй. Не давай поднять башку. Я обойду, взорву их к чертовой матери.

Мысниченко, как опытный сапер, предпочитал действовать взрывчаткой. Когда-то он ее очень боялся, а сейчас действовал без оглядки. Он желал подогнать отступивших врагов, внести в их ряды панику. Разжалованный старший лейтенант мечтал восстановить честное имя и чувствовал себя прежним Пашкой Мысниченко, душой компании и веселым бабником.

Он собрал в охапку трофейные гранаты, быстро отвинтил колпачки и стал швырять одну за другой. Взрывы следовали непрерывно, в отсечной траншее началось шевеление.

– Подпекает, – орал он. – Сейчас еще добавлю...

Шиленков и не думал поддерживать приятеля огнем, сидел, скорчившись, в углу окопа. Шел суматошный бой, и хотя штрафники брали верх, пули свистели повсюду, находя новую жертву. Вражеский ефрейтор высунулся лишь на секунду и выпустил точную очередь. Пули пробили Паше Мысниченко горло и верхнюю часть груди. Он упал рядом с Шиленковым, дергался, пытался встать и забрызгал все вокруг кровью. Шиленков испуганно отодвинулся подальше.

Третий и четвертый взводы, объединившись, гнали врага, занимая траншею. В бронеколпаке неосмотрительно закрылись пулеметчики. Бойцы молотили по металлу прикладами, колпак гудел, как колокол. Совали в смотровые щели штыки, матерились и призывали сдаться.

Маневич, пробегая мимо, приказал Надыму:

– Разберись с ними. Только быстро, иначе в спину ударят.

– Момент, товарищ капитан.

Надым не стал мудрить. Ему принесли трофейный автомат, он выпустил в смотровые щели два магазина. Изнутри кричали, затем распахнулась узкая дверь, и вылезли два окровавленных вражеских солдата. Не сговариваясь, несколько штрафников принялись добивать их штыками. Появился громоздкий Максим Луговой, отпихнул всех, нацелил штык в еще живого пулеметчика.

– Нажрался нашей земли, гад?

Рыжий солдат пытался заслониться рукой. Штык пропорол ладонь, царапнул по добротной каске.

– Бей еще раз, – кричали бывшему танкисту-ремонтнику. – Лучше пулей. Пробьет горшок или нет?

В кучку людей ворвался Бызин.

– Все вперед! А ты, Максим, где болтался?

Луговой стал оправдываться, но его не слушали, все бежали заканчивать бой. Рыжий немец до половины втянул туловище в колпак и бессильно застыл. В него угодило не меньше трех пуль, кровь вытекала, но помочь себе он был не в состоянии.

Старшина Прокофий Глухов был ловок, увертлив и начисто лишен принципов. Его подвела лишь жадность. В армии он служил давно, высоко не поднимался, да и не хотел. Он хорошо понял разницу между заведующим складом и бравым лейтенантом с красивыми шеvronами. Шевроны можно прицепить любые, а на лейтенантское звание хорошо не поживешь.

Он встретил войну на должности старшины батальона, проворовался и был понижен до взвода. Здесь вляпался в глупую историю с овсом, угодил в штрафную роту, сумел снова взять ситуацию в руки. Глухову мешало излишнее самолюбие. Когда первый раз его поставили за пулемет, он мог бы свалить дурака, сделать вид, что не способен толком владеть «максимом». Вместо этого он прекрасно справился и в придачу к обязанностям старшины сделался штатным пулеметчиком.

Глухов не терял времени на формировке. Пользуясь большим наплывом людей и путаницей в документации, он получал продукты и придерживал их. За банку тушенки в голодной Астраханской области давали пятьсот рублей, сахар расхватывали на лету, не торгуясь.

Он обзавелся сразу двумя молодыми подружками, отбив вторую у заторможенного Аркаши Сомова. Глухов понял, на войне можно жить прекрасно. Однако никто не знал, что он пережил в те минуты, пока под осенним холодным дождем выдували «Прощание славянки» лабухи во главе с пьяницей Сечкой. Его вызвали в каптерку, где помощник Стрижака без лишних слов врезал ему ладонью в ухо. Затем вывернул карманы и ткнул лицом в разлохмаченную грудку червонцев. Особист не вмешивался, лишь поторопил старшину:

– Доставай остальное.

Глухов вытаскивал из разных углов каптерки припрятанные деньги, банки тушенки, пакеты с сахаром и сухим молоком. Сержант Захаров бил его снова и потирал огромную ладонь с лиловым шрамом. Прокофий мог лишь догадываться, насколько близко был к смерти. Стрижак уже решил, если обнаружится любая золотая вещь, Глухова немедленно расстреляют перед строем. Старшину спасло то, что он не брал золото, а лишь деньги.

Особист несколько минут раздумывал. Расстрел за воровство нужная вещь, но веских причин для казни нет. У старшины штрафной роты хорошее жалованье, он мог иметь и прежние накопления. Далекое не все сдают заработанную плату в фонд обороны. Даже в самые трудные месяцы войны Стрижаку приходилось встречать денежных людей, которые заработали вполне честно. Но в данном случае пахло обычным воровством. По щекам Глухова текли слезы, он шмыгнул, вытер сочившуюся кровь.

– Чего плачешь? – спросил особист. – Страшно подышать?

– Страшно, – признался Прокофий. – Мне же всего тридцать два года.

– Все когда-нибудь помрем.

Казалось, особист забавляется с обреченным человеком, как кот с мышью. Здоровяк Гена Захаров с удивлением подвел итог:

– Четыре тысячи рублей и продуктов полный мешок. Ты же половину роты обожрал. И даже не потолстел. В одиночку крал или друзья помогали?

– Нет, я один, – невнятно пробормотал Глухов.

– Крепко старался, но друзья у тебя были.

Старшина опустил голову, и Стрижак перечислил сам, загибая пальцы:

– Дружок твой, Аркаша Сомов, уголовники, Шиленков на базаре толокся. Но отвечать тебе придется.

Впрочем, разговор длился недолго, и били его так, слегка. Пнули раз-другой, затем спросили, есть ли в роте кипяток. Глухова пробил пот, неужели, как рака, шпарить будут? Не может такого быть! Оказалось, кипяток нужен, чтобы напоить штрафников перед дорогой горячим чаем с украденным молоком и сахаром.

– Хоть какую-то пользу принесешь, – равнодушно сказал Стрижак. – Беги да невест своих обними на прощанье. А на фронте старайся, отсидеться не удастся. Тебе всерьез свою шкуру спасать надо.

И вот Глухов старался. Он вел огонь из «максима», выпустил четыре ленты, а теперь менял позицию. Остальные пулеметчики не спешили, старшина их подгонял. Он словно видел маячившую позади громоздкую фигуру Захарова. Садист чертов! Старшина легко находил себе оправдание, и вины за воровство не чувствовал. Но шутить со Стрижаком было опасно, здесь, на пороге Сталинграда, тот мог шлепнуть его в момент за любой мелкий грех.

Немцы разглядели фигуры солдат с их неуклюжими пулеметами и открыли минометный огонь. Штрафники ускорили шаг, расходясь веером, взрывы плясали вокруг крайнего расчета. Это были 80-миллиметровые мины с большим разбросом осколков. Они накрыли расчет, перевернули «максим», уцелевший пулеметчик побежал назад, двое лежали возле дымившейся воронки.

Второй расчет увяз в бурой солончаковой грязи и безуспешно пытался вытащить «максим». Наконец бойцы догадались, подняли пулемет и хотели вынести на руках. Сверху упали две мины, выплеснув целую гору жидкой грязи. Когда ветер развеял дым, в озерном заливе виднелись три пологих бугра, один из них некоторое время шевелился, затем утих.

Глухов желал лишь одного: пусть его легко ранят в руку или ногу. Тогда можно с чистой совестью убраться. Мина рванула под ногами второго номера, подбросила его, перевернула и шмякнула головой о землю. Подносчика хлестнуло осколками, он уронил коробки и уползал на четвереньках. Телогрейка и теплые штаны были издырявлены градом мелких осколков, торчали клочья ваты.

Глухов замер, прижавшись щекой к траве. В ушах звенело, к горлу подкатывала горечь, как позавчера вечером, когда его безжалостно ударил в живот помощник особиста. Немцы больше не стреляли, возможно, им было не до старшины. На линии траншеи шел бой, раздавались крики, доносилась беглая стрельба. Второй номер лежал вроде невредимый, лишь голова была откинута под непонятным углом. Парню переломило и свернуло шею. Подносчик в десяти шагах ворочался и звал на помощь.

Старшина подполз к нему и убедился, что помочь невозможно. Телогрейка и ватные штаны пропитались кровью, человек доживал последние минуты. Глухов беспомощно огляделся. Он был один среди истоптанной земли, далеко впереди находились холмы, на подступах к ним шел бой. Мелькнула мысль, а что, если вернуться? Он не штрафник, получил контузию, имеет право обратиться в санчасть.

Слева наступал пехотный полк. Видимо, командиры решили воспользоваться ситуацией и ударить вместе со штрафниками. Однако атака сорвалась. Цепи накрыли сильным минометным огнем, стреляли несколько пулеметов. Пехота убегала, пряталась, солнце за спиной, большое, холодное, освещало многочисленные тела в шинелях. Не слишком успешно шло наступление. Начальство наверняка обозленное, лучше не попадаться под горячую руку. И Елхов смотрит косо, забыл, сколько дармовой водки сожрал. Глухов поднялся и медленно пошел вперед – по одному человеку стрелять не будут.

Из воронки появились Ходырев и музыкант Сечка. Сержант тащил на плече пулемет и запасную ленту. Проходя мимо воронки, Глухов увидел, что дно засыпано толстым слоем стре-

ляных гильз. Ходырев поработал на совесть, только будет ли из этого толк? Борис не слишком жаловал старшину и шагал, не оглядываясь, зато приветливо махнул рукой пьяница Григорий Сечка.

– Никак заблудился, старшина? Пошли вместе. Курить есть?

– Я махорку всем выдал.

– Так это махорка, а у тебя небось папиросы, – и захохотал, показывая выбитые по какому-то дурному делу зубы.

Фамильярность музыканта корбила, хотя удивляться было нечему. Через Григория Сечку старшина сбывал иногда сахар. Тот был проходимец еще тот и не боялся поасться. Правда, вел себя музыкант раньше более уважительно. Почувяв падение старшины, обнаглел. Глухов не ответил. Курить ему не хотелось, во рту и так пекло от ядовитого запаха взрывчатки. Он окликнул Ходырева:

– Слышь, Иванович, пулеметный взвод побило. Весь, целиком.

– Что, ни одного «максима» не осталось? – после паузы уточнил Борис.

– Какие совсем разбиты, какие ремонта требуют. И ребят побило, один я остался.

Ходырев промолчал и ускорил шаг, направляясь к траншеям, где гремел бой. Коротконогий толстяк Сечка перешел на бег. Глухов тоже заторопился. Запоздало вспомнил, что не имеет никакого оружия, – опять командиры привяжутся. Потянул с земли первую попавшуюся винтовку. Та зацепилась за одереженевшую руку мертвеца. С усилием выдернул. Погибший боец с небритой отвисшей челюстью уставился в небо. Глухову сделалось так тоскливо, что он едва не застонал.

Третий и четвертый взводы заканчивали бой. Уцелевшие немцы отступали по ходам сообщения, огрызаясь частыми выстрелами. Саша Бызин забежал вперед и бросил несколько гранат. Угодил точно, они взорвались в траншее. За свою смелость едва не поплатился жизнью. С холма открыл огонь пулемет. Помощник Бызина, артиллерист-наводчик, подававший ему гранаты, свалился к ногам бывшего командира батареи. Пули рикошетили от мерзлой земли. Саша добежал до хода сообщения и прыгнул вниз.

Раненный им немец медленно шел, держась за стенку траншеи. Разорванная шинель висела ключьями, он сделал один, другой шаг и замер. Качнулся, едва не упал, затем повернул голову к Бызину. Артиллерист подтянул винтовку, но его опередил Шиленков, выскочивший из-за поворота.

С маху догнал врага и сильно ударил штыком, затем нагнулся, рассматривая блеснувшие на руке часы. Не удержавшись от соблазна, стал их расстегивать. Немец зашевелился, выдернул кисть руки и снова поднялся. Шиленков схватил его за плечи, повалил и принялся душить. Если в траншеях в центре и на правом фланге бой уже заканчивался, то первому взводу приходилось туго.

Старший политрук и два сержанта подняли людей. Один из сержантов упал сразу же, едва успели выскочить из артиллерийского окопа. Как и предполагал Воронков, бросок уже в первую минуту стоил жизни сразу нескольким штрафникам. Остальные бежали дружно, к ним присоединился весь взвод, хоть и прореженный, но еще многочисленный. Минное поле закончилось, но усилился встречный огонь из траншеи.

Бывший вор Кутузов бежал, выставив перед собой винтовку со штыком. Боец впереди свалился как подкошенный, перекатился по инерции на несколько шагов и замер. От Кутузова не отставали приятели. Воронков уже простился с жизнью и ежесекундно ожидал удара в грудь. Вокруг падали люди, но политрук оставался пока невредимый. Не отставали Азамов и Ягшиев. Вперед вырвались трое штрафников, бывших офицеров. Все трое были осуждены за отступление без приказа и собирались доказать, что они не трусы.

Офицеры ворвались в траншею первыми. Двое погибли от выстрелов в упор, третий, умело орудуя штыком, заколол пулеметчика, второй номер шархнул от страшного лезвия

прочь и получил удар в спину. Следом прыгали остальные штрафники, растекались по траншее и вступали в драку. Воронкова выручала спортивная ловкость и хорошая физическая подготовка. Он понимал, единственная возможность выжить – это бить первому.

Не слишком умело, но очень сильно он нанес такой удар оказавшемуся перед ним автоматчику, что вместе с лезвием вошел в живот ствол винтовки. Политрук тянул и никак не мог вытянуть оружие. Вокруг него дрались прикладами и штыками, кричали, душили друг друга. Воронков едва не угодил под выстрел унтер-офицера, тот пальнул из винтовки. Обожгло щеку, но ствол отбил разжалованный лейтенант, который успел заколоть двоих врагов.

Он отогнал унтер-офицера, тот отступил и, не сводя глаз с русского, быстро передернул затвор. Два выстрела ударили одновременно, они стреляли едва не в упор, но сумели лишь ранить друг друга. Лейтенант стоял, тяжело дыша, унтер-офицер снова дергал затвор, но перезарядить оружие не успел. Кутузов заколоть его штыком. Пока выдергивал лезвие, подступили Азамов и Ягшиев и приготовились еще раз добить.

– Пошли вон, – отогнал их Кутузов. Они мешали ему обшарить труп.

Первый взвод, несмотря на большие потери, сработал неплохо. Но командир и большинство сержантов погибли, возглавить людей было некому. Воронков полностью выложился во время атаки. Когда заняли передовую траншею, он приказал закрепиться и вернул бойцов, намерившихся с ходу ворваться во вторую линию.

Это можно было сделать, но из политрука словно выпустили пар, он больше ничего не хотел делать. Немедленно послал связного к Елхову, просил нового командира взвода и ожидал, когда его отзовут. Назначить на должность взводного кого-то из штрафников ему не приходило в голову, а сам возглавить взвод он никогда бы не рискнул.

Вторая линия находилась в ста метрах. Немцы, выбитые из передовой траншеи, получили приказ контратаковать и приступили к исполнению немедленно. В отличие от красноармейцев, они не шли цепями, подставляя себя под пули. Группы вражеских солдат просачивались через ходы сообщения, другие делали быстрые перебежки под прикрытием кустарника, используя низины и бугры. Их поддерживали пулеметным огнем со склонов. Многие из штрафников считали – самое трудное, лобовая атака на пулеметы, уже позади. Однако оборона в удобных траншеях оказалась непростым делом.

Из ближнего бронеклопака вел огонь пулемет «МГ-42». Очереди шли кучно, видимо, стреляли с массивного станка, поглощавшего отдачу, и пользовались оптикой. Стрелки выбирали в первую очередь ручных пулеметчиков и не отпускали их. Расчеты двух «дегтяревых», не выдержав точного огня, нырнули на дно траншеи. Третий пулеметчик продолжал стрелять, отгоняя атакующих, пока пуля не угодила ему в голову.

Теперь штрафники первого взвода огрызались лишь винтовочным огнем и торопливыми очередями из трофейных автоматов. Причем длинные очереди летели как попало, от сильной отдачи задирали стволы – автоматный огонь получался вхолостую. Это позволило одной из немецких штурмовых групп приблизиться по ходу сообщения вплотную к траншее. Они наступали умело. Сначала летели гранаты, затем расчищал путь пулеметчик, и группа делала очередную перебежку.

Граната разорвалась рядом с Воронковым. Политрук едва успел пригнуться. Боец рядом с ним бегло стрелял из винтовки, целясь в пока еще пустой ход сообщения. Соваться под пули немцы не рисковали. Из-за поворота снова полетели гранаты с длинными ручками. Боец отступить не успел, выронил винтовку и стал сползать по стенке траншеи.

Вражеский пулеметчик, выскочив из-за поворота, открыл огонь. Он приближался к траншее быстрым шагом, за ним следовали двое автоматчиков. Едва пулемет смолк, посыпались очереди из автоматов. Бойцы, столпившиеся у хода сообщения, отпрянули в стороны. Земляные стены осыпались от попаданий, разрывные пули звонко щелкали голубыми огоньками. Из жердей, скреплявших ходы сообщения, летело крошево.

Немцы уже подступали к траншее, когда, расталкивая всех, появился раненый лейтенант. Шинель он снял, шея и левое плечо были замотаны бинтами. Он держал в руках ручной пулемет и ругался то ли от боли, то ли от досады:

– Чего столпились! Ну-ка, отойди.

Смелость лейтенанта поразила всех. Он первым ворвался в окопы, чудом вышел живым из поединка с унтер-офицером в дуэли на пять шагов. Сейчас снова лез на рожон и, кажется, знал, что делает. «Дегтярев-пехотный» в его руках ударил длинной очередью. Плоский диск крутился, подавая патроны, гильзы сыпались веером. Немецкого пулеметчика сбilo с ног, шарахнулись назад два солдата рядом с ним. Диск закончился, лейтенант опустил дымившийся пулемет.

– Бросайте гранаты вслед. Ты и ты, бегите к соседнему ходу сообщения. Быстрее!

Контратаку отбили. Лейтенант в одной гимнастерке трогал намокшие повязки и жаловался Воронкову:

– Ох, и ноет... сил нет. А под повязками кровь сочится. Пойду, наверное...

– Может, останетесь? – попросил Воронков. – К ордену вас представим.

– Ну, какие сейчас ордена? Дай бог, чтобы судимость сняли. Прощайте, не увидимся, наверное, больше.

– Обязательно увидимся, – бодро сказал политрук.

– Нет, – печально качал головой лейтенант. – Мне повезло, в санбате отлежусь, а ваши дела плохие.

Вокруг лейтенанта собрались несколько раненых, которые готовились уйти в тыл. Они послушно кивали головой, подтверждая сказанные слова, и нетерпеливо перетаптывались.

– Почему же плохие? – напряженно улыбался политрук.

Лейтенант стал объяснять. Вторая линия немецких траншей находится под носом, фактически нависает, как камень. Ее надо было обязательно брать, для этого имелась возможность, но сейчас уже поздно.

– Сверху ударят, прижмут вас, а те, как крысы, через ходы сообщения ползут.

– Что же делать?

– Вцепиться зубами в землю и держаться. Авось пришлют подкрепление, может, с артиллерией. Хотя где здесь пушки ставить? Их с холмов расшибут.

Слова насчет зубов в землю показали Воронкову рисовкой. Он и сам не раз повторял подобные бодрые фразы, не вдумываясь в смысл. Да и не требовалось задумываться, политрук обычно уходил в тыл, а сражались другие.

Ослабевший от ран смелый лейтенант (уже не штрафник) устало посоветовал засыпать землей и тщательно охранять ходы сообщения, соединявшие первую линию со второй.

– Держите их под обстрелом, а лучше заминируйте.

– Где я мины возьму? – раздраженно пожал плечами Воронков, которому надоели мрачные прогнозы лейтенанта.

Раненые потянулись в тыл, а политрук отправил к Елхову второго связного. Кроме просьбы о подкреплении, он жаловался, что погибли командиры отделений, командовать некому, а также просил прислать сапера для минирования ходов сообщения.

Связной свернул записку, сунул ее за подкладку ушанки и поспешно отправился исполнять поручение. Политрук не казался ему надежным командиром, людей во взводе осталось немного. Позиции вовсе не внушали доверия и вдавались клином во вражескую сторону. И хотя у подножия холмов немцы сосредоточили не так много сил, воевать в окружении с двух сторон казалось безрассудством.

В ста метрах впереди находилась вторая линия траншей, в которой наблюдалась постоянная возня. Фрицы наверняка нанесут контрудар, и это случится в ближайшее время. Поэтому

связной спешил. Перед глинистым бугром остановился, раздумывая, перемахнуть его бегом либо обойти вдоль извилистого овражка, где росли кусты ивняка и небольшие тополя.

Спускаться туда связной все же не рискнул, опасался мин. Он видел, как взрывались один за другим его товарищи, уползли прочь с исковерканными ногами, и сейчас тщательно выбирал путь. Боец прикинул расстояние. По открытому месту предстояло бежать метров тридцать. Вражеские пулеметчики могли за это время взять его на прицел, но других вариантов не оставалось.

Боец натянул поглубже шапку и перехватил поудобнее винтовку. Хороший рывок, и он преодолел бугор, а дальше его хоть как-то прикроют кустарник и редкие деревья. Внимание штрафника привлек утонувший в бурьяне серый комок. Он присмотрелся и разглядел мертвого человека. Это показалось дурным знаком, боец заколебался. Вдохнул и, преодолевая нехорошее предчувствие, рванул вперед.

Ему казалось, он бежит стремительно, вот одолел вершину, ноги легко несут невесомое тело, он плывет, бег ускоряется, и боец уже несется под уклон. В полете не требовалось точки опоры, но связной все же пытался ее найти. Случилось непонятное, он ударился головой и рукой о землю и с запозданием сообразил, что упал.

Снайпер на склоне холма выбросил стреляную гильзу и приготовился добить русского. Тот бежал медленно, скользил в растаявшей на солнце глине, поэтому поймать его в прицел и сделать точный выстрел не представляло труда. Но тратить вторую пулю он не видел необходимости. Солдат ворочался на одном месте, не в силах сдвинуть тело, наверное, перебило позвоночник.

Связной увидел перед собой приятеля, которого полчаса назад послали с первой запиской к командиру роты. Тогда он завидовал ему, вот, мол, спасется, а оказалось, завидовать нечему. Сейчас они лежали рядом, наверное, так и останутся вместе. Повинуясь чувству долга, умирающий боец кое-как достал записку и порвал ее на клочки. Задул ветер, поднял кусочки бумаги и разнес по бугру, приклеив к липкой глине. Короткое послание состояло всего из нескольких слов: «Срочно присылайте помощь, большие потери». И подпись Воронкова.

Капитан Елхов и без всяких посланий хорошо видел обстановку. Третий и четвертый взводы, смешавшись, но без суеты быстро налаживали оборону. Второй взвод несколько приотстал, но оседлал небольшую возвышенность и вцепился в нее крепко.

Положение первого взвода было противоречиво. Он обескровлен, не способен к дальнейшему наступлению, но отвоеванная позиция казалась самой выгодной. Если ударить и захватить вторую линию траншей (там всего сто шагов), то получится крепкий узел обороны или плацдарм для будущего броска. Впереди извилистая сырая низина. Как укрепления, могут служить фундаменты нескольких хуторских домов, защищают позиции заросли ивняка и несколько тополей.

Нельзя оставлять такое выгодное место врагу. Час назад Елхов имел разговор с командиром дивизии. По его тону ротный понял, тот не слишком верил в успех, а когда штрафники заняли первую линию, оживился и потребовал дальнейшего движения вперед.

– Не с кем воевать, – возразил Елхов, существенно завышая потери роты.

Впрочем, капитан был недалеко от истины. С холмов непрерывно выпускали мины, не прекращался пулеметный огонь, потери постоянно увеличиваются. Наступать всей ротой, конечно, не удастся, но ударить на левом фланге пока еще можно.

Он мог откровенно посоветоваться лишь с особистом Стрижаком. Оба пришли к выводу, надо немедленно атаковать на левом фланге как наиболее перспективном. Туда решили срочно перебросить остатки третьего, наиболее боеспособного взвода. В расположении КПП роты вышли Ходырев с помощником Сечкой и старшина Глухов.

– Здесь подождите, – сказал Елхов, – скоро Маневич сюда подойдет. Двинетесь на поддержку левого фланга, там драка предстоит.

– Разрешите заняться обедом? – спросил Глухов.

– А чего им заниматься? – удивился капитан. – До вечера сюда хода нет. Сам погляди.

С высот обстреливали цепочку раненых, двигавшуюся вдоль болота. Из-за большого расстояния стрельба получалась неточная, но цепочка потянулась от греха подальше в камыши. Раненые ломали непрочный лед и брели, расталкивая камышовые заросли.

Среди них был боец с искалеченной взрывом промежностью. Его тащили на плащ-палатке четыре человека. От холодной воды к нему вернулось сознание, он не мог заставить себя дотронуться до раненого места, знал и без этого, что там все перемолото, а от левой ноги остался обрубок. Если бы у искалеченного человека имелся пистолет, он без раздумья пустил бы себе пулю в висок. Он нашарил в одном кармане винтовочную обойму, а в другом письмо жены. Передал все это санитару, набрал в грудь воды и кувыркнулся через край плащ-палатки в холодную зеленую воду.

Его стали вытаскивать. Человек вцепился пальцами в корни травы, желая захлебнуться. Поднялась возня, на которую немедленно отреагировали с высот. Четыре мины рванули, разбрасывая метелки камыша, поднимая уродливые фонтаны воды, ила и водорослей. На поверхности озера колыхалось бурое пятно, недосчитались санитары.

Вытащили искалеченного бойца, пытавшегося свести счеты с жизнью. Он притих, трясся от холода и больше топиться не хотел. Зато не смогли извлечь санитаря. Мина разнесла ему верхнюю часть туловища, оторвала голову, руки. При каждой попытке поднять останки еще больше расплывалось огромное красное пятно.

– Ладно, пусть лежит, – решил старший из санитаров. – Место не хуже другого, к весне чистые кости останутся. А ты, браток, больше не кувыркайся, бог велел жить в любом состоянии.

Покалеченный никак не реагировал, а его приятель-штрафник, улизнувший втихаря под предлогом оказания помощи, решил вернуться назад. На ротном КПП капитан Елхов безжалостно добивал старшину Глухова:

– Ты возле обедов-ужинов достаточно потерся, повоюй теперь с пулеметом. Вон, может, тебя Борька третьим номером возьмет, хотя вряд ли. Возьмешь, Боря?

– Он и сам ученый, – отводя взгляд, пробурчал Ходырев. – Сейчас оружия больше, чем людей, найдет небось, что надо. Если воевать, конечно, захочет.

Появился Маневич, которому сразу поставили задачу атаковать вторую линию траншей. Лейтенант кивал головой, просить о передышке не имело смысла. На левом фланге складывалось такое положение, либо ударить и обеспечить себе надежные позиции, либо тебя непременно столкнут.

– Что с Воронковым? – спросил Сергей.

– Сидит и ждет. Передай, чтобы никуда не спешил и находился при тебе. Выбьешь фрицев из траншеи, обещаю Красную Звезду.

– Мне лично?

– И Борьке тоже. Мы ему медаль обещали, да вот не получилось.

– Во, счастливцев, – усмехнулся Маневич. – Куда ему теперь цапки вешать?

Взвод потянулся к траншеям. Переход совершили благополучно благодаря артиллерийскому прикрытию. С окраины Сталинграда одиночная батарея посылала пристрелочные снаряды. На рыжих склонах с пожухлой травой вздымались темные фонтаны и медленно опадали. Ответный огонь немцы не вели, не желая лишний раз показывать огневые точки.

Вряд ли этот обстрел являлся частью одного плана. Штрафная рота возилась пока в одиночестве. Пехотный полк на левом фланге пытался вначале тоже наступать, но длилось это недолго. Как бы то ни было, а редкие трехдюймовые снаряды помогли Маневичу довести людей до нужного места без потерь. Воронков растроганно обнял Маневича. В искренность политрука Сергей никогда не верил и сразу объявил:

– Тебе приказано оставаться здесь, – и пресекая возможные вопросы, поставил все точки. – Твое дело – политработа, я командую обоими взводами. Показывай, что имеем.

Имелось немало. Хорошая двухметровая траншея, несколько землянок, больше похожих на блиндажи, подобные строились для наших командиров батальонов и полков. В здешних укреплениях, судя по всему, обитали рядовые солдаты.

Позиции в корне отличались от временных, кое-как вырытых траншеек на высоте Деде-Ламин. Здесь были оборудованы хорошо укрытые пулеметные гнезда, имелся бронеколпак, вкопанный в землю. Ходырев с удивлением увидел добротный сортир, огороженный досками. Пустые консервные банки бросали в специально выкопанную яму. Возможно, металл потом сдавали. Вот чертовы фрицы – кругом порядок.

Богатыми оказались трофеи: большой запас патронов, ручных гранат, осветительных ракет. Оба захваченных пулемета оказались без затворов. Ходырев пожертвовал один из запасных, огневая мощь взвода сразу увеличилась. Часть бойцов обзавелись автоматами, в нишах стрелковых ячеек стояли ящики с трофейными гранатами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.